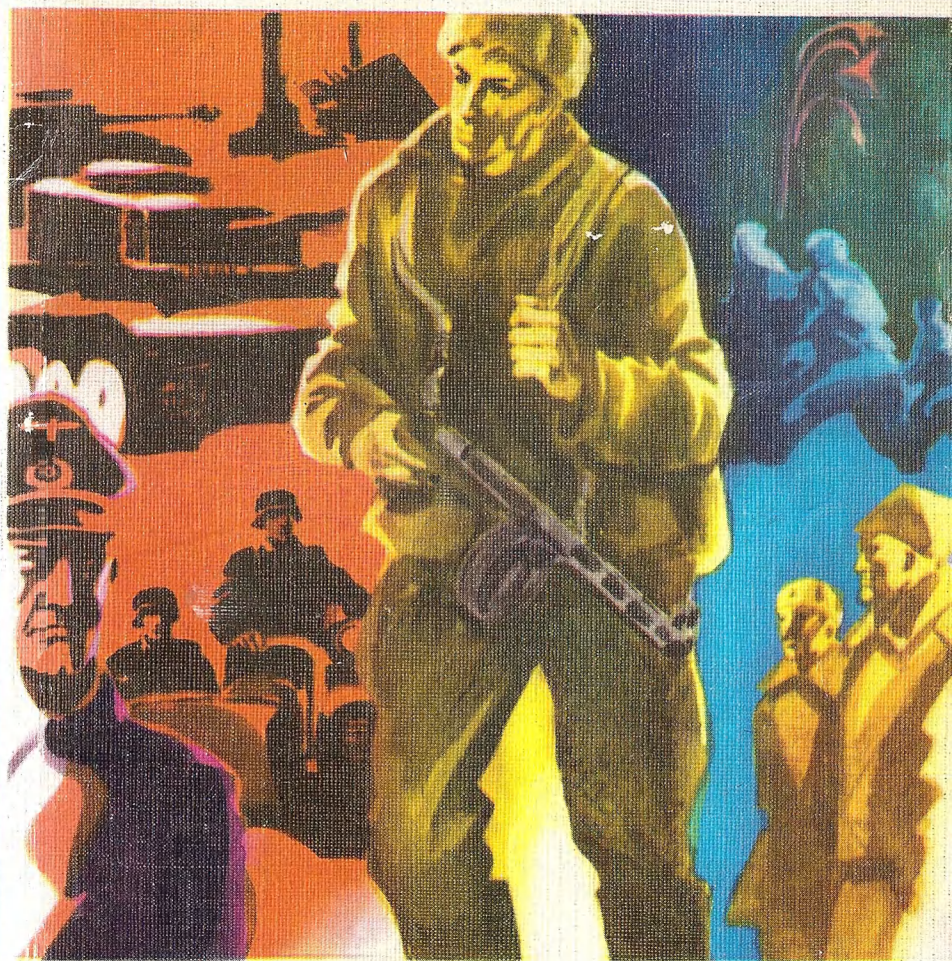

Александр КОНОПЛИН
**ПОЕДИНОК
НАД ПУХОТЬЮ**

Александр КОНОПЛИН ПОЕДИНОК НАД ПУХОТЬЮ

Александр КОНОПЛИН

**ПОЕДИНОК
НАД
ПУХОТЬЮ**

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1985

84Р7
К 64

Коноплин А. В.
К 64 Поединок над Пухотью: Повесть. — М.: Мол. гвардия, 1985. — 192 с., ил. — (Стрела).

70 к. 100 000 экз.

Новая повесть писателя из Ярославля — остросюжетное произведение о ликвидации гитлеровской группировки, окруженной в конце 1943 года в период всеобщего наступления советских войск. В ней детально показана работа советских разведчиков, их роль в разгроме врага.

К $\frac{4702010200-085}{078(02)-85}$ 105—85

ББК 84Р7
Р2

ГЛАВА ПЕРВАЯ
НАД ПУХОТЬЮ

В 216-й стрелковый полк разведчик сержант Стрекалов попал, можно сказать, случайно. После госпиталя его должны были направить обратно в 305-й, но не направили по той причине, что самого полка к тому времени уже не было — погиб полк под городом Великие Луки, и Стрекалова определили куда поближе.

Рана все еще давала о себе знать, и сержант на первых порах вынужден был хитрить, чтобы не попасть часовым на пост и не застудить больное плечо. Ради этого он с неделю трудился на кухне — чистил картошку, мыл котлы, бегал за махоркой для повара к тем, кому приходили из дому посылки. Пробовал даже тачать сапоги, но только напрасно испортил материал — сапоги у него не получились.

Несерьезная эта работа самолюбию урона не наносила. Стрекалов знал, что она временная, и мирился с ней, а заодно и с тем, что здесь все звали его не по званию и даже не по фамилии, а по имени — Сашка. О службе в незабвенном 305-м и о своих боевых делах не распространялся, медаль «За отвагу» хранил в кармане в чистой тряпочке — несолидно с такой наградой при кухне быть, а когда в чем упрекали, шутил, рассказывал разные побасенки. Постепенно стал он своим парнем и на кухне, и в ротах — нет-нет да и притащит добавочки нуждающемуся...

На сытных харчах рана быстро заживала, и скоро Стрекалова определили в приданный полку зенитный артдивизион.

Так разведчик стал артиллеристом.

Жизнь у артиллерии, если смотреть со стороны, — курорт на колесах. Отрыл орудийный ровик, землянку и сиди загорай. Хоть и на передке, а все не под носом у немца: прицельно в артиллериста из винтовки, пожалуй, и не попадешь. Конечно, зенитная на прямой наводке то же самое, что полевая, но все-таки...

Так Стрекалову казалось прежде. Однако мнение изменилось, стоило ему ступить на огневую позицию батареи. Утром того же дня он спятыю другими солдатами своего расчета копал котлован под блиндаж КП. Велено было сделать накат, обшить стенки тесом, настлать пол, установить в ровике дальномер, прорыть запасной ход. Ребята подобрались один к одному: от дела не бегали, но и дела как следует не делали. Стоило командиру расчета отлучиться, как все бросали лопаты и начинался треп.

— Командиром батареи у нас старший лейтенант Гречин, — объяснял подносчик патронов рядовой Кашин, солидно посасывая самокрутку, — мужик сурьезный и службу знает.

Василий Кашин сам без году неделя в армии, но уж так повелось, что сложившийся коллектив на прибывшего новичка смотрит свысока. Стрекалов поэтому чаще всего помалкивал, слушал.

— Нашим взводом командует младший лейтенант Тимич, его кореш. Тоже ничего мужик.

Васька мал ростом, тщедушен, слегка сутул, при ходьбе сгибает колени, отчего руки его кажутся длиннее, чем есть на самом деле.

— Вторым — лейтенант Гончаров. У этого шуры-муры с санинструкторшей.

— Не шуры-муры, а любовь! — поправил его заряжающий Богданов. — Различать надо...

— А это кто как понимает. Товарищ старший сержант Уткин так прямо и грит: «Снюхались, грит, а комбату расхлебывать».

— Как зовут Гончарова? — спросил Стрекалов. — Случайно не Андреем?

Кашин дососал чинарик, придавил его каблуком ногового, еще не обмявшего ботинка и, цыкнув слюной сквозь зубы, ответил:

— Может, и так, кто его знает.

— Где он сейчас?

— В тылах, — ответил Богданов, — по комсомольским делам вызвали. Он у нас комсорг. Знакомый, что ли?

Сашка не ответил.

Показался старшина, и работа возобновилась. Когда котлован стал достаточно широк, Богданов пристроился рядом со Стрекаловым. Работал он сноровисто, легко, как хорошо смазанная машина, без остановок, мышцы

под тонкой тканью гимнастерки не вздувались шарами, как у Уткина, а лишь слегка напрягались, твердея до упругости автомобильной шины; комья мерзлой земли летели с его лопаты дальше, чем у других.

Увлечшись, Сашка незаметно втянулся в богдановский темп и остановился, только почувствовав знакомое колотье в левом предплечье. Заметив его побледневшее лицо, Богданов бросил лопату, выпрямился. От его разгоряченной спины шел пар.

— Передохнем. — Надев телогрейку, он разбежался и легко, как по наклонной доске, взлетел по отвесной стенке вверх. — Давай руку, пехота.

— Разведка, — поправил Стрекалов, самостоятельно выбираясь из котлована.

— Все равно пехота.

Из овражка, где находилась кухня, кто-то прокричал, вызывая первый орудийный расчет на обед. Надев шинели, Стрекалов с Богдановым не спеша пошли к своему орудию. В блиндаже возле нар копошились Кашин и Моисеев — разбирали котелки. Разобрав, кинулись к выходу, толкая друг друга, побежали по ходу сообщения.

За шатким неструганым столиком сидел четвертый номер орудия Сергей Карцев и что-то писал.

— А ты чего? — спросил Богданов, беря в руки котелок.

— Осокин принесет, — не поднимая головы, ответил Карцев.

— Я спрашиваю, почему ты сегодня не работал?

— Вот когда будешь командиром, тогда и спрашивай.

— Ну и фрукт! — удивился Глеб. — Второй месяц в армии, а уж пальца в рот не клади... А ну, встать!

Карцев не встал — ефрейтор Богданов был таким же орудийным номером. Впрочем, через минуту он и сам понял, что так отвечать товарищу не следовало: Глеб полдня проработал на морозе, в то время как он, Карцев, нежился в тепле, составляя по просьбе старшины рапорт на списание сгоревших прошлой ночью двадцати комплектов обмундирования...

— Извини, Глеб, я не то хотел сказать...

— А я то! Ты еще за мамкину сиську держался, а я уже воевал! Ясно? А то, что я не твой командир, так это только потому, что не хочу таким дерьмом командовать!

— А с какого он года? — спросил Стрекалов, кивнув на Карцева.

— С двадцать шестого. Сопляк!

— А ты?

Глеб покосился на Сашку и промолчал. Стрекалов засмеялся.

— Ладно, пойдем лучше за обедом.

— Принесут, — буркнул Богданов, заваливаясь на нары. Он был всего на год старше Карцева...

Минут через десять вернулись дежурный и его добровольные помощники. Впереди шел Моисеев, держа, как святыню, в вытянутых руках сверкавший чистым алюминием котелок. Командир расчета старший сержант Уткин молча достал из щели между горбылями медный колпачок от зенитного снаряда, подул в него и, сохраняя на лице выражение полного безразличия, принялся разливать водку в подставленные кружки. Остаток он, не меряя, вылил в свой котелок и отнес в угол, где находился его персональный топчан и рядом с ним маленький столик. Блиндаж, общие нары и общий стол строили бойцы расчета, Уткин же трудился только над этим уголком. Завершив его, он повесил в правом верхнем углу — как раз над столиком — портрет товарища Сталина в маршальском мундире, а чуть пониже его и ближе к изголовью — фотокарточку своей жены Настасьи Лукиничны — круглолицей и, по-видимому, очень полной женщины лет тридцати с хвостиком. С этого дня ее острые глазки неугомонно и зорко следили за всем, что делалось в блиндаже. Потом портрет Настасьи Лукиничны исчез. Предшествовало этому какое-то письмо, которое Уткин сначала перечитал несколько раз, чего не делал никогда прежде, а затем порвал в мелкие клочья. Место жены на земляной стенке блиндажа прочно заняла артистка Марина Ладынина.

Прежде чем выпить, Уткин обвел затуманившимся взором свой расчет.

— Ну як, хлопцы, воюемо?

Раньше он командовал расчетом, состоявшим из одних украинцев, и с тех пор частенько говорил, употребляя украинские слова.

— Воюемо! — отвечали «хлопцы» — выходцы из костромских деревень.

— Ну и добре. Смерть немецким оккупантам!

Обед — час тишины и покоя. Время обеда, все шестьдесят минут, принадлежит без остатка солдату, и ес-

ли все сложится удачно: дежурный попадется расторопный, успеет занять очередь к ротному котлу — то отсамого процесса принятия пищи, который занимает не так уж много времени, останется еще с полчаса, а то и больше, чтобы черкнуть письмецо, сбегать в соседний ровик к земляку, пришить чистый подворотничок или просто покемарить в уголке, накрывшись шинелью.

В обед даже немцы молчат. Им тоже дороги эти шестьдесят минут. В это время не так опасно передвигаться по траншеям: немцы в этот час обычно не стреляют.

Управившись с обедом в десять минут, Стрекалов остальные хотел потратить на сон — писем писать было некому, — но неожиданно в блиндаж вошли командиры соседних орудий старшие сержанты Носов, Гусев и Чуднов. Первый нес под мышкой гармонь, второй — котелок с водкой, третий — только что распечатанную посылку.

— Принимай гостей, Митя! — закричал Носов и лихо перебрал лады.

— Чего это вы? — спросил Уткин, поглядывая на котелок. — Вроде бы радоваться нечему.

Носов освободил одну руку.

— Нечему? А ну считай! Лешку жена вспомнила, посылку прислала — раз, у Гусева баба двойню родила — два, мне сегодня двадцать восемь стукнуло — три, а последнее ты и сам знаешь.

— Чего еще? — спросил Уткин, оживляясь все больше.

— Как это чего? Немца-то гоним, голубчик мой, Митя! Дай я тебя расцелую по-нашему, по-русски! А ну, ребята, садитесь! За Лешкину бабу, за Колькиных близнецов, за мои двадцать восемь.

— И за победу, — напомнил Гусев, протискиваясь поближе к печке.

— И за нее, родную, драгоценную! — Носов рванул мехи.

Солдаты гурьбой повалили к выходу. Когда гуляют командиры, рядовым тут находиться неловко.

Заместитель Уткина Сулаев тоже вышел со всеми, но его позвали обратно, и «к орудию» скомандовал на правах старшего Богданов.

— Приведем матчасть в порядок, — сказал он, — после меньше будет работы.

«Матчасть» — зенитное восьмидесятипятимиллиметровое орудие, поставленное на прямую наводку; снаря-

ды слева — бронебойные, справа — осколочные, позади, возле выхода из землянки, обычные зенитные дистанционные на случай воздушного налета.

Богданов взялся за рукоятку затвора, большим пальцем утопил нажим, резким движением вперед провернул рукоять. Тяжелый клин опустился с глухим стуком. Богданов с минуту внимательно осматривал гладкие, обтекаемые стенки казенника. Светлая, похожая на вазелин смазка, называемая «пушсалом», была девственно чиста.

— Перекур! — сказал Богданов. — Нечего зря надрываться.

Из блиндажа высунулся Уткин, негромко позвал Кашина.

— Сбегай к старшине Батюку, скажи, командиры орудий просят его срочно прийти на совещание! — И, заметив, что Кашин намеревается махнуть напрямик через поле, погрозил ему пальцем. Кашин послушно скатился с бруствера и нехотя поплелся по ходу сообщения. Маленький рост позволял ему ходить всюду не нагибаясь.

Итак, кое-что из жизни батареи Стрекалов уже знал. Его командир — слесарь из Любима. Заместитель командира Сулаев — бывший колхозный счетовод. Командир второго орудия Носов — одноклассник Уткина — в прошлом каменщик. Командир третьего — старший сержант Гусев — плотник, Чуднов — комбайнер. Все пятеро начали войну почти одновременно с Сашкой, но с первого дня службы находились в зенитной и другого рода войск не знали. Самым старым кадровиком на батарее был старшина Батюк, или, как его называли чаще, Гаврило Олексич, начавший военную службу в тридцать седьмом году и лишь недавно переведенный из пехоты в артиллерию. Когда дело не касалось стрельбы, Гаврило Олексич становился первым лицом на батарее, и все, в том числе командиры взводов, превращались в его подчиненных. Он царствовал все двадцать четыре часа, начиная с закладки крупы в котел и кончая раздачей добавок после ужина. Ночью он не спал и по привычке неслышно обходил посты, проверяя часовых. Лейтенанты — зеленая молодежь — учились у него всему: приемам рукопашного боя, солдатским острыми словечками, выпуску табачного дыма через нос, саперному делу, определению погоды на три дня вперед, наматыванию портянок, стрельбе из нагана и карточным фокусам.

У Стрекалова со старшиной знакомство произошло довольно быстро. Глянув на Сашку вприщур, Батюк тронул пальцами желтые от никотина усы и сказал:

— Колы вин нэ из конокрадив, то мий ридный батько — нэ Олекса.

Впрочем, вскоре они едва не подружились. Как-то ближе к ночи Стрекалов спустился к дверям старшинской землянки, приоткрыл ее и застал старшину за священным занятием — распределением порций хлеба. Вообще, в самом этом деле не было ничего сверхъестественного, но старшина почему-то нервничал, сильно вздыхал и прикладывал ко лбу грязный платочек. Сашка подумал немного и вошел в землянку.

— Тоби чого? — вытаращил глаза Батюк. Вход сюда был доступен лишь избранным.

— Да вот зашел поинтересоваться насчет Уголовного кодекса, — беспечно оглядывая деревянные полки, ответил Сашка. Глаза у старшины стали круглыми.

— Що такэ?

— Уголовный кодекс нужен, — повторил Стрекалов, — БССР, потому как мы сейчас на территории...

Старшина медленно вышел из-за маленького столика, в раздумье смахнул с него хлебные крошки.

— Зачем вин тоби?

— Я же сказал: интересуюсь. Да и вам его не мешало бы почитать, товарищ старшина. Очень интересная и поучительная книга! Вот, к примеру, есть там одна статья...

— Заходи, — сказал Батюк и прикрыл за Сашкой дверь.

На востоке уже занималась заря, когда Стрекалов снова вышел на свежий воздух. Провожая его, старшина говорил:

— Умная у тэбэ голова, Стрекалов, та дурню досталась. Приходи до мэнэ у другой раз, я тоби ще нэ таку работенку пидкину!

Сашка никому не сказал, что всю ночь по приказанию старшины перебирал у него в каптерке гречневую крупу, отделяя от нее мышиный помет и камешки...

Между тем гармонист в блиндаже, исчерпав веселый репертуар, перешел на грустный. Прослушав несколько раз «Тоску по родине», «Расставание» и «Синий платочек», бойцы первого расчета стали понемногу подвигаться к двери: мороз хоть и невелик, да с ветром!

Выбрав момент, когда гармонь замолчала, Стрекалов отворил дверь.

— Сам ты пойми, Петро, — ласково говорил Носов, обнимая за плечи Гусева, — ну какой ты им отец? Ты Барьку видел год назад, когда нас на фронт везли, так? А они токо-токо родились!

— Не токо-токо, а две недели назад! — протестовал широкоплечий, почти квадратный Гусев. — Это письмо на почте застряло, понял?

— Ну, все одно, две недели туда, две недели сюда, а баба носит только девять месяцев. Девять! А ты го-о-од ее не видел! Да и то небось только рядышком посидели...

— Врешь! — крикнул в отчаянии Гусев. — Меня комбат до четырех ноль-ноль отпустил! На всю ночь! Понял?

— Это в Данилове, что ли? — вмешался Чуднов. — Тогда никого надолго не отпускали.

— Во-во, и ты помнишь! Слышь, Петро, и он помнит...

От удара могучего кулака с треском развалился кое-как сколоченный столик, с веселым звоном разлетелись котелки и кружки. От второго удара — ногой — началась и стала валиться набок разогревшаяся до малинового свечения железная труба; благим матом завопил Носов, прижатый к раскаленной печке; блиндаж наполнился дымом, запахом паленой материи, оглушительным хохотом.

— Досыть, хлопцы, досыть, — говорил старшина Батюк, выпроваживая всех троих из чужого блиндажа, — побалакали, та-й годи. У другой раз...

РАДИОГРАММА

«Командиру 201-й стрелковой дивизии, генерал-майору Пугачеву

26 ноября 1943 г.

В связи с изменившейся обстановкой на фронте командование армией сочло необходимым отозвать бое-способные части 105-й и 107-й стрелковых дивизий из района г. Платова. В дальнейшем контроль над окруженной группировкой немцев, а также конвоирование на ар-

мейские пункты сбора военнопленных добровольно сложивших оружие солдат и офицеров противника возлагаю на вас.

Командующий армией генерал-лейтенант Белозеров».

Следующее утро принесло Стрекалову большую радость. Полусонный и хмурый, он только что сменился с поста и, проглотив свою порцию пшенки, намеревался уснуть, когда под верхним обрезом входа в блиндаж показались ладные женские ноги, обутые в желтые американские ботинки.

— Эй, первый расчет, есть у вас боец Стрекалов?

Сашка удивленно поднял голову. Вообще женщина в зенитной артиллерии не редкость, но здесь, на переднем крае, да еще ищущая его, Сашку, — это было удивительно.

— Есть, есть! — крикнул Кашин. — Заходи!

Стрекалов поднялся с земляных нар, но женские ноги стали быстро спускаться по ступенькам вниз, ему навстречу, и в дверях возникла аккуратная фигурка в белом козьем полушубке, наискось, от бедра до плеча, перехлестнутая парусиновым ремнем санитарной сумки.

Девушка взгляделась в полутьму блиндажа и сдернула с головы шапку.

— Сашенька! Ты ли это? — Она улыбалась ему яркими, слегка влажными губами, на светло-золотистых ресницах дотаивали снежинки. — А я слышу — фамилия знакомая, уж не нашенские ли тут объявились? И надо же!

Стрекалов смотрел на нее, узнавая и не узнавая в ладной, перетянутой офицерским ремнем военной соседскую девчонку, озорницу и хохотушку, удивившую всю уличу своим внезапным решением пойти на фронт. Были на Володарского и побойчее, и поразвязней, а на фронт пошла одна она, Валька Рогозина — дочь солдатской вдовы Настасьи, и Сашка теперь искал и не находил слов, которые, наверное, должен был сказать при такой встрече.

— Гора с горой... — начал он и поперхнулся. Какой-то странный спазм сжал горло, в носу зашипало...

— Тебе чего, Рогозина? — спросил Уткин, старательно облизывая большую, как половник, деревянную ложку. — Земляка, что ли, встронула?

— Земляка, Уткин, земляка! — продолжая улыбаться, ответила Валя. — С одной улицы мы. Надо же, Сашка Стрекалов здесь!

— Так вы... с Андреем вместе? — нашелся наконец он.

Валя кивнула.

— Вместе, Сашок. Он о тебе частенько вспоминал. Тетя Ксения писала, что ты ранен. Подлечили-то хорошо? А то ведь всякое бывает...

— Нормально.

Уткин спрятал ложку за голенище и пропел особенно музыкальным тенором:

— Расче-оо-т, на вы-и-хо-о-од!

Валя надела шапку.

— Андрея в штаб вызвали. Сегодня вечером должен вернуться.

— Стрекалов, тебе особое приглашение? А ну, бегом!

Все последние дни полк занимался бессмысленным, по мнению Стрекалова, делом — долбил кирками мерзлый грунт, углубляя траншеи и возводя дополнительные накаты. Артиллеристам, чтобы не сидели без дела, тоже дали задание: отрыть траншеи полного профиля для роты стрелков и построить надежные укрытия для людей и боеприпасов. Руководил этим строительством старшина Батюк.

К середине дня кирка начинала тяжелеть в Сашкиных руках, спина ныла, глаза заливало потом. Мысленно он проклинал старшину и всех, кто любит мучить солдата ненужной работой, которой, как видно, не будет конца. Когда выкопали траншею, старшина приказал обшить стенки досками, сделать несколько выходов со ступеньками, ниши для ручных гранат и ящиков с патронами. Стрекалов понимал, что многое делается не зря, но сквозь дымку усталости сама опасность просматривалась смутно, о ней не хотелось думать.

Изредка наведывался Андрей Гончаров, усмехался по обыкновению, глядя на Сашку с высоты бруствера, и уходил снова. Валя прибегала чаще, приносила махорку и трофейные сигареты, выдававшиеся только офицерам.

— Андрей курить бросил, — сообщала она и подолгу сидела на сложенных в кучу шинелях, вспоминая гражданку, родной Данилов, улицу Володарского. Оказывается, она уже тогда выделяла Сашку из таких же, как он, мальчишек и знала, что со временем из него вый-

дет стоящий человек... Не вспоминала она лишь бесконечные драки между ребятами с Володарской и Циммервальда, в которых Сашка участвовал весьма активно. Андрей хоть и приходился Сашке дальним родственником, но, поскольку жил на Циммервальда, являлся кровным врагом всех володарских. Правда, время от времени устраивались перемирия — обычно они совпадали с привозом в городской клуб новой кинокартины, — и тогда Сашка, одетый во все чистое, ходил с теткой в гости к Гончаровым. Андрей ему нравился, но дружить с ним постоянно он не мог — володарские могли расценить это как предательство...

— Ваши, наверное, уже и дров запасли, — говорила Валя, — а наши небось только разворачиваются. Илюхе скоро шестнадцать, а как был балбесом, так и остался.

— Илюха — ученый, — замечал Сашка, — восьмой закончил.

— Толку-то, — вздыхала Валя. — Мать пишет, по математике еле-еле на тройку вытянул, по физике только из уважения к родителям «два» не вляпали. Мишка, тот да, башковитый. И красивше Мишка-то. Настоящий мужик будет.

Потом она уходила, а первый расчет продолжал работу.

— Конец-то будет когда? — как-то не выдержал Богданов.

Уткин ответил раздумчиво:

— Должон быть. У всякого дела свой конец имеется.

Работа их закончилась неожиданно. Стрекалов как раз сооружал одну из ниш и видел, как вдруг подобрался Батюк, поправил ремень, откинул назад полевую сумку и, сильно вывернув ладонь, рапортовал кому-то неестественно громким голосом. Стрекалов оставил лопату и глянул вдоль траншеи. Вот сейчас начальство все увидит, поймет и тогда...

Но «тогда» произошло раньше, чем он думал. Старшина, отдававший рапорт, и командир артдивизиона капитан Лохматов, принимавший его, еще стояли друг против друга, когда невдалеке, за бруствером, охнула земля, взметнулась в небо огненным смерчем, посыпалась на головы людей, колкая, жалящая, пахнущая толлом. Все пригнули головы, только Батюк и Лохматов продолжали стоять, соревнуясь в выдержке. Старшина уже не докладывал, но все еще держал сильно вы-

гнутую ладонь у виска — привычка довоенного времени.

За первым снарядом последовал второй, пятый, десятый. Побросав лопаты, бойцы занимали свои места. Капитан спустился в блиндаж, сел за стол, полчаса назад законченный Моисеевым, — гладкий, белый, липкий от смолы, — провел по нему ладонью, понюхал ее и сказал, стараясь перекрычать грохот обстрела:

— Успел-таки Батюк!

Старшина не расслышал, капитан махнул рукой.

— Всем в укрытие! Усилить наблюдение за противником! Движение по траншеям прекратить! — Он снова провел ладонью по столу, поднял глаза вверх.

Дрогнула земля, посыпались со стен камешки, ватой заложило уши, запершило в горле от пыли. В щель между бревнами наката струйками потек песок. Это была та самая щель, которую Стрекалов поленился заделать...

— Молодцы, ребята, — сказал капитан.

— Уляжется, — скромно кивнул старшина, — цэ ж нэ зараз...

— Все равно молодцы, — повторил капитан.

— Колы б тильки не прямое попадание... — вздохнул Батюк. — А так ничего, нэ дуже погано зобылы.

— Выдержит и прямое, — уверенно сказал капитан, — я свой КП сюда перенесу. Шустиков, быстро провод!

А Стрекалов все смотрел на проклятую щель в потолке, откуда, то затихая, то усиливаясь, текла тонкая песчаная струйка.

Потом неожиданно наступила тишина. Лохматов снял шапку, надел каску, затянул ремешок, взглянул на часы.

— Приготовиться к отражению атаки противника! — скомандовал Лохматов, уходя. — Дьяволы! Дали бы еще полчаса...

Стрекалов кинулся на батарею. Расчет готовился к бою. Нескладный, толстый Осокин, с мелкими капельками пота на лбу, глядел прямо перед собой, у Васьки Кашина больше обычного отвисла нижняя губа.

— Бат-тар-рея, к бою! — почему-то тенором прокричал Гречин.

— Огневой взвод к бою готов! — поспешно доложил Гончаров.

— Где они, где? Стрекалов, ты их видишь? — наперебой спрашивали бойцы.

— Да идите вы!.. — Никакой «цели» он не видел.

Потом налетели Илы и принялись с бреющего полета расстреливать что-то далеко впереди, в так и не успевшей рассеяться ледяной сероватой мгле. Вскоре повалил густой снег, Илы улетели, но и немцы, как видно, стошили. Первая батарея одна успела сделать по ним несколько залпов, на что старшина Батюк укоризненно заметил:

— У билый свит, як у копеечку...

— Надо же людям принять боевое крещение! — веско возразил лейтенант Гончаров, румяный от волнения. — А то, пожалуй, так за всю войну порошу и не понюхают.

— Щэ досыть нанюхаються... — сказал Батюк и ушел к себе в каптерку.

Минут через десять на батарею верхом на лошадях прискакали командир дивизиона капитан Лохматов и его замполит старший лейтенант Грищенко. Ходили, осматривали огневую, о чем-то негромко говорили меж собой. Уезжая, приказали переменить позицию — выдвинуть батарею вперед и вправо до лесной опушки.

— Сидеть бы тебе, Гречин, — сказал Лохматов, — не подавая голоса, а ты вон какой концерт закатил! А они ведь как раз и шли наш концерт послушать. Только не знали, сколько тут инструментов: четыре, восемь или все двенадцать? — Он опять помолчал немного. — В общем, подвел ты нас, Гречин. От усердия подвсл. Перестарался.

— Виноват, товарищ капитан, — сказал Гречин, — в другой раз буду ждть приказания.

— Опять не угадал, — сказал Лохматов, — самому надо думать! Самому и решать. Тут у нас и такое может быть...

Он дал шпоры коню. За ним, смешно подпрыгивая в седле, торопился Грищенко.

ТЕЛЕФОНОГРАММА

«Начальнику политотдела 201-й с. д. подполковнику Павлову

28. 11. 43

По имеющимся у нас сведениям, количество немецких солдат, добровольно складывающих оружие и переходящих на нашу сторону, за последнее время резко со-

кратилось. Предлагаю усилить агитационно-пропагандистскую работу с окруженной группировкой путем радиопередач, разбрасывания листовок и фотографий. Организуйте выступления по радио (через громкоговорители) добровольно перешедших к нам ранее солдат и офицеров тех частей, которые находятся в данном районе. Для разбрасывания листовок направляем в ваше распоряжение самолет У-2 — бортовой номер 283 — с летчиком лейтенантом Демидовым. Этим же рейсом пересылаем первую партию отпечатанных листовок в количестве 100 000 (ста тыс.) и бланков пропусков в количестве 50 000 (пятидесяти тыс.) штук. Используйте все это немедленно. О результатах докладывайте лично мне.

Начальник политотдела армии полковник Горобченко».

Сашка стоял на посту возле начатого днем оружейного ровика. Получасом раньше мимо Сашки прошел лейтенант Гончаров, молодой, здоровый, переполненный счастьем.

Немного погодя появилась Валя. Увидев часового, она смутилась, поправила ушанку и, подойдя к Стрекалову, робко дотронулась до его плеча.

— Ты, Сань, уж никому не говори, ладно? А то ведь сам знаешь, как у нас...

— Знаю, — сказал Сашка.

— Только бы посмеяться...

— Да беги, чего там!

Возле опушки они встретились. Больше Стрекалов ничего не видел. Зная, что впереди лейтенант, он отошел к орудию и, прислонившись к его щитку, долго стоял там, отворачиваясь от ветра, не слыша ничего, кроме его унылого подвывания в голых ветвях кустарника.

Потом он вернулся на прежнее место, полагая, что влюбленным пора возвращаться. Но лейтенанта Гончарова и Вали не было. А по узкому ходу сообщения бежали комбат и сержант Уткин.

— Кто кричал? Я спрашиваю, кто кричал? — Командир батареи смотрел в сторону прибрежной рощи. — Часовой, ты слышал крик?

Нет, крика Стрекалов не слышал.

— Может, ты, Уткин, того... Прихвастнул малость?

— Никак нет, товарищ старший лейтенант, — отве-

тил Уткин, — вышел я до ветру, а отсюда крик... Да вы спросите во втором расчете. Я думаю, тот часовой должен слышать. Ветер-то в его сторону...

Не дослушав, Гречин пошел через снежное поле, похожий на огромную черную птицу в своей развевающейся плащ-палатке. Уткин спешил за ним.

Минут через десять комбат вернулся, неся на руках Валу. Уложив девушку на снег, он встал на колени и припал ухом к ее груди.

— Не дышит, — сказал он, поднимаясь, — часовой, иди помоги Уткину.

Гончаров лежал в глубоком снегу вверх лицом и смотрел в небо.

— Товарищ лейтенант! — позвал Сашка. — Андрей! — Сделав шаг, он провалился в снег по колено. — Андрюшка!

— Ты что, контуженный? — сердито спросил Уткин, озираясь по сторонам. — Хочешь дырку в затылок? Учти, у них глаз вострый!

Стрекалов потянул лейтенанта за рукав. Голова убитого откинулась, и сержант увидел его шею, перерезанную почти до позвонков, сочившуюся темной, густеющей на морозе кровью, и белую тонкую полоску подворотничка справа, куда не попала кровь.

— Отгулял парень, — сказал Уткин, помогая вытаскивать лейтенанта на твердое место, — а гимнастерочка-то, видать, еще училищная. Редко он ее надевал. По праздникам только. Вот те и праздничек!

Стрекалов положил лейтенанта так, чтобы рана была видна.

Поднятые по тревоге, по траншее спешили люди. Первым подбежал старшина Батюк. Зачерпнув пригоршню снега, пообмыл рану, осмотрел ее, покачал головой.

— Что, Гаврило Олексич, узнаешь почерк? — спросил, подходя, комбат.

— Вин, товарищ старший лейтенант, — ответил Батюк, — снова «левша».

Гречин присел на корточки, бережно повернул голову убитого.

— Младший лейтенант Тимич, сообщите в штаб полка! Тимич, ты меня слышишь?

Тимич вздрогнул, подался вперед.

— Николай! — проговорил он дрожащим голосом. — Ведь это Андрей!

Гречин нахмурился, поправил ремень. Ему было не-

ловко за младшего лейтенанта и за свое гражданское имя, произнесенное так некстати.

— Да, это лейтенант Гончаров. Идите, выполняйте приказание!

Младший лейтенант всхлипнул.

— Коля, как же так? Мы же все вместе... А теперь мы живые, а он...

— Младший лейтенант Тимич, возьмите себя в руки! — строго произнес Гречин. — На нас солдаты смотрят...

Сгорбившись, Тимич пошел прочь, унося в руке шапку. Светлые волосы его, успевшие отрасти на затылке, шевелил ветер.

— Безобразия! — сказал Гречин, пряча глаза от остальных. — Распустились! — И вдруг выхватил пистолет. — Прочесать лес! Они должны быть здесь... Первый расчет к берегу! Остальные за мной!

— Кричать зачем, товарищ старший лейтенант! — сказал Стрекалов. — Разведчика скрадывать надо...

— Молчать! — Шагнув в сторону, он провалился в снег, но быстро вылез опять на тропинку и побежал, увлекая за собой батарею.

— Що там шукать? — сказал старшина, когда Гречин и солдаты скрылись. — Нэма чого теперь шукать. Трэба развернуть батарею та биглым огнем по тому берегу. Ось тоди б була панихида по нашему узводному! А у лиси шукать теперь — тильке время тратить. И як жэ ты, Стрекалов, заснул, га? Що ж ты за солдат такий, що на посту спышь?

— Об нем разговор особый, — криво усмехнулся Уткин, — и не тут, а в другом месте будет. А вы чего стоите? Кашин, Моисеев! Кладите лейтенанта на шинель, несите в землянку. А ты, Стрекалов, — на пост! Проспал лейтенанта, будешь стоять, пока не посинеешь!

Батарся вернулась из леса на рассвете. Еще два взвода пехоты, посланные командиром полка, тоже возвратились ни с чем. Вражеских лазутчиков на этом берегу не было.

Часам к восьми Стрекалова наконец сменили с поста. Переступая негнушимися ногами, он спустился в блиндаж, присел на нары, расстегнул ремень. На остывшей железной печке стоял его котелок с холодной, слипшейся в гладкий блин овсяной кашей. На каше сверху, вдавившись в нее, лежала дневная пайка хлеба. Сегодня она показалась Стрекалову особенно маленькой. «Гор-

бушки всегда кажутся маленькими», — успокаивал он себя. Он открыл дверцу печки, но там ничего не было, кроме золы. Стрекалов взял топор и вышел наружу. В одной из ниш им вчера была припасена вязанка дров. Но в нише дров не было. «Должно, за ночь все сожгли», — подумал сержант и вылез из ровика. Невдалеке за бруствером должны лежать сухие бревна — три больших телеграфных столба, которые они с Глебом приволокли от реки. Но и столбов на месте не оказалось. Четкий след вел в овраг. На дне оврага, прилепившись к его крутому склону, дымила кухня. Возле нее Кашин и Моисеев распиливали Сашкины столбы. Увидев Стрекалова, смутились, но работу не бросили.

— Зачем глотничать? — спросил Сашка. — Ведь не про вас припасено! — Он шагнул к столбам.

— Не трожь! — угрожающе протянул Моисеев.

— Положь где взял! — поддержал Кашин.

Стрекалов усмехнулся. Дожевывая на ходу, из кухни вышел заместитель командира орудия младший сержант Сулаев. Красное, скуластое лицо его лоснилось, маленькие глазки совсем закрылись от ленивой сытости. Сегодня он дежурил по кухне.

— Чего тебе, Стрекалов? — Он громко икнул.

— Он у нас дрова ворует! — начал плаксиво Кашин. — Старались, старались...

— А ну мотай отсюда! — Глазки Сулаева приоткрылись.

Опытным глазом Стрекалов мгновенно оценил обстановку: если свалить Сулаева, эти двое разбегутся сами...

Оставив бревно, он шагнул вперед, но в этот момент из своей каптерки вышел старшина Батюк. И Сашка отступил.

РАДИОГРАММА

«Секретно!»

Командирам частей и подразделений вермахта, временно находящихся в ОСОБЫХ условиях в районе гг. Платов, Ровляны и примыкающих к ним территорий.

28 ноября 1943 г.

На основании приказа командующего 2-й армией я принял на себя командование всеми частями, подразделениями, а также группами и одиночками, которые в

результате недавнего наступления русских оказались отрезанными от основных сил армии. Приказываю: впредь до возвращения в свои части или назначения в другие выполнять мои приказы и распоряжения. Ввиду ОСОБЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ я буду беспощаден к нарушителям дисциплины, трусам и колеблющимся. Только монолитное единство и немецкая стойкость спасут нас от бесславной гибели!

В целях повышения боеспособности всем командирам надлежит докладывать старшим по званию обо всех случаях нарушения дисциплины, воинской присяги и верности фюреру. Всем, без исключения, командирам от шарфюрера и выше применять самостоятельно меры к нарушителям дисциплины. Наказанию без суда и следствия подвергать изменников, трусов, распространителей панических слухов и большевистской пропаганды.

Командир 10-й отдельной механизированной бригады СС бригаденфюрер СС Шлауберг».

— Ось туточки, — сказал старшина Батюк и, взяв из рук Кашина лопату, очертил ею на снегу ровный прямоугольник, — теплину разводить запрещаю. Кто змэрз — хай первый починае. Уткин, организуй, а я пиду подывлюсь, як там...

Он начал спускаться по тропинке вниз.

Уткин ковырнул снег носком сапога.

— На штык, не больше.

Богданов ткнул лопатой окаменевшую землю.

— Это ж кремьень! До утра прочитаемся. — Он сложил ладони ковшиком, подул в середку. — Слышь, старший сержант, может, разведем махонькую? Шинельками укроем — ни одна собака не заметит.

— Он все заметит, — уверенно отозвался Уткин.

— Да Батюк сам погреться любит! Ревматизм у него.

— Не об ем речь. У фрицев это место давно пристреляно, ясно? А ну, разбирай струмент!

Когда Батюк вернулся на вершину холма, снег в квадрате два на два метра был уже расчищен, и теперь солдаты вгрызались в мерзлую глину. Стрекалов стоял в стороне, повернувшись лицом туда, где за рекой стыла тягучим холодом непроглядная ноябрьская ночь.

— Товарищ старший сержант, — позвал Батюк, — чому у вас не уси роблють?

Уткин нерешительно посмотрел в сторону Стрекалова.

— Струменту не хватает. На всех три ломика и две кирки.

— Хай лопату визьме.

— Лопатой рано. Таку землю рази чо динамитом рвать... Опять же без наблюдателя опасно, товарищ старшина. Сами ж приказали, чтоб наблюдатель был...

— Нэ забув? — Батюк хитро усмехнулся в усы.

— Забудешь тут...

Старшина поплевал на руки, взял ломик и несколько минут без передышки долбил землю, покряхтывая и равномерно посапывая. Тяжелый самодельный лом в его руках вздымался вверх и падал стремглав в точно намеченное место, снова взлетал и снова падал, и от неподатливой, похожей на бетон земли летели искры. Глядя на старшину, расшевелились и остальные. Моисеев и Кашин сняли шинели, Богданов разделся до пояса. В тишине слышались глухие удары и тяжелое дыхание: «Кха! Кха! Кха!»

На немецком берегу было тихо и темно. За весь вечер над берегом не взлетело ни одной ракеты. По опыту Стрекалов знал: если нет ракет, значит, усилили наблюдение, к чему-то готовятся. Может, подвозят технику, может, копают траншеи.

На всякий случай он переместился немного левее и присел за бугорок. Здесь было не так ветрено. Стрекалов согревался как мог: стискивал плечи руками, задерживал дыхание, сильно двигал прижатыми к телу локтями — все помогало слабо.

Позади, над лесом, возле которого теперь стояла батарея, то и дело предательски высвечивался край неба — немцы опять бомбили железную дорогу на Ямск. На фоне этих отсветов Сашкина длинная фигура, наверное, хорошо была видна с другого берега. Приседая к земле, он не столько прятался от ветра, сколько от немецких наблюдателей. Сменивший его Богданов, оценив обстановку, тоже присел, поминая нехорошими словами ветер, мороз и сидевших в тепле фрицев.

Когда могила углубилась на штык, снизу, из-под горы, пришел Осокин. Постоял на краю, повздыхал.

— Ну как они там? — спросил Кашин. — Лежат?

— Лежат, — ответил Осокин, — чего им еще... Вы тут поскорее, а то...

Он хотел добавить, что ему одиноко и страшно сто-

ять ночью возле мертвых, но не сказал: уж лучше стоять там не то в почетном карауле, не то просто так, чем долбить эту трудную землю.

Батюк скомандовал перекур. Пятеро моментально собрались в кучу: Осокин милостиво разрешил закурить из своего кисета. В неглубоком покуда котловане остался один Карцев — он был некурящим. Лопата досталась ему самая большая и самая неудобная с кое-как вставленным черенком. Отяжелев, она начинала крутиться, норовя сбросить груз, неоструганное дерево натерло на ладонях волдыри.

На краю ямы, свесив ноги в новых ботинках, сидел подносчик снарядов Моисеев и курил, спрятав чинарик в рукав шинели.

— Интеллигенция! — сказал он, показав пальцем на Карцева. — Лопату держать не умеет! — Он искательно заглянул в глаза старшине: пять минут назад ему здорово досталось за прикуривание третьим. Величайшую эту оплошность Гаврило Олексич приравнивал к преступлению... — Лопату, говорю, держит, как баба!

— Бачу...

— Молчи уж, Моисей! — посоветовал Стрекалов.

— А что, неправда?

— Правда. Черенок-то кто стругал? Ты?

Моисеев коротко хохотнул.

— Все одно — гнилая интеллигенция. Ему хошь какой инструмент дай — все одно не к рукам.

На этот раз ему никто не возразил. Спрятанные глубоко в рукава шинелей сигарки вспыхивали, тускло освещая выпяченные губы и узкие мальчишеские подбородки.

— В самом деле, Карцев, — сказал Уткин, — глядеть на тебя тошно.

Стрекалов спрыгнул в яму.

— Левой бери поближе к железке да держи крепче. Вот... А теперь давай на перегиб. Жми к земле, жми! Коленку подставь, не то кувырнется. А теперь обеими с маху! Ничего, научишься...

Сашка с Сергеем выбрались из ямы.

— Спасибо тебе, — сказал Карцев, вытирая шапкой обильный пот, — сам вижу, что не так...

— А ты правда интеллигент? — спросил Стрекалов. Карцев пожал плечами.

— Вообще-то дед у меня врач. Мать учительница. Может, поэтому он так...

Сашка вздохнул.

— Да нет, не поэтому, — сказал он, взяв протянутый Кашиным обсосанный, скользкий окурок, прихватив его согнутой пополам веточкой — не потому, что брезговал, а потому, что был окурок слишком мал, — и раза три затынулся крепким, до тошноты, самосадным дымом. — Не потому... А вот почему, хоть убей, не понимаю...

— В тылах, говорят, опять ту самую махорку получили, — сказал Кашин. — И мешки те. Вредители, что ли, тама засели, на фабрике? Либо случайно как подмочили, а потом высушили да нам и спихнули. Она, подмоченная-то, в аккурат такая: дым есть, а крепости никакой.

— Писать надо, я говорил! — донесся приглушенный голос Богданова. — На фабрику писать. Разнести их там. И подписать всей батареей.

— Коллективно нельзя, — сказал Карцев, — запрещено Уставом. Только по одному.

— А мы не жалобу. Мы письмо. Так, мол, и так: мы кровь проливаем, сражаясь с фашистскими извергами, а вы там...

Бросившись к Богданову, Стрекалов едва успел прижать его к земле. Над головой пронеслась пулеметная очередь. Солдаты попадали в снег.

— Какого дьявола надумали здесь хоронить? — рассердился Богданов, освобождаясь от Сашкиной тяжести. — Не могли в тыл отправить? Посшибает фриц нас, как куропаток!

— Что, и у тя кишку заслабило? — сказал Моисеев, все еще лежа на снегу рядом с Кашиным.

— Неохота дуриком пропадать!

— Сашке спасибо скажи, — напомнил Кашин. — И как это тебе, Стрекалов, удалось опередить выстрел? Сашка усмехнулся.

— Ничего хитрого, вспышку случайно засек и на всякий случай Глеба прижал, вот и все.

Богданов даже приподнялся.

— Но ведь это же секунда! Одна секунда только! — Он смотрел в сторону реки.

Выстрелы не повторялись. Солдаты поднялись. В почти готовую могилу прыгнули Уткин и Богданов. Не торопясь подошел Батюк, долго всматривался в темень за рекой.

— Эх, комбат, комбат! Нэ послушал мэнэ. Як бы жажнулы тоди с четырех стволов... Стрекалов, тоби старший лейтенант гукае. Казав, щоб зараз...

Спускаясь по крутой вертлявой тропинке, Сашка еще издали заметил темную массу на снегу — это лежали рядом, покрытые орудийным чехлом лейтенант Андрей Гончаров и санинструктор Валя Рогозина. Над ними стояли пятеро людей, из которых Стрекалов сразу узнал двоих: младшего сержанта Сулаева и командира батареи старшего лейтенанта Гречина. Остальные трое были ему незнакомы, и, подойдя ближе, он доложил не им, а командиру батареи.

— Доложите начальнику штаба дивизии товарищу полковнику Чернову. Это он хочет с вами поговорить, — сказал Гречин.

Стрекалов доложил. Низкорослый и широкоплечий, почти квадратный человек в белом полушубке и надетой сверху накидке, приблизив свое лицо вплотную к лицу Стрекалова, некоторое время рассматривал его и затем спросил голосом тонким и надтреснутым, как звон разбитого стеклянного абажура:

— Ты последний видел лейтенанта Гончарова живым?

Стрекалов кивнул. Сулаев досадливо крикнул, комбат недовольно засопел, и только Чернов не обратил на это внимания.

— Когда это произошло? — спросил он.

— Часов около трех, — ответил Сашка.

Полковник повернулся к нему боком так, что стал виден только его профиль с крючковатым носом.

— Рассказывай дальше, я слушаю. Ты ведь хвастался, что видел, как его убили. Так это или не так? Или, может, соврал? Но мне-то ты скажешь правду!

— Скажу, — согласился Сашка, проглотив внезапно вставший в горле комок, — что видел, скажу...

Полковник нетерпеливо топал своими щегольскими хромовыми сапожками по утрамбованному, потемневшему пятачку снега. Сашка торопливо собирал в кучу растрепанные и странные мысли, вот уже много часов бродившие в его мозгу. До этого он был уверен, что может собрать их в любую минуту, потому что все происшедшее еще стояло перед его глазами, но сейчас это оказалось делом нелегким. С чего начать? С того разве, как он, выйдя на пост, увидел Андрея, а через несколько минут мимо него прошла Валя? Или, может, с того вечера в землянке, когда он узнал... они все узнали, что Андрей и Валя — муж и жена, и вышли на мороз, оставив их одних со своим, таким большим и таким до сме-

шного крохотным счастьем? Важно ли все это сейчас, когда Вали и Андрея больше нет?

— Он вышел из землянки и пошел в рощу, — начал Стрекалов.

— Кто «он»?

— Он, Андрей...

— Что такое?!

— Товарищ лейтенант Гончаров, — поправился Сашка.

Полковник укоризненно покачал головой.

— И далеко отошел?

— Метров на сто.

— Из чьей землянки вышел лейтенант Гончаров? — спросил, помолчав, начальник штаба. — Ну, где он провел эту ночь? Ведь не во взводе же, нет? И зачем ему понадобилось идти в рощу? Ведь не лето!

Стрекалов молчал.

— Лейтенант Гончаров всю ночь находился в расположении взвода, — сказал Гречин. — За это я ручаюсь.

— Ручаешься?

— Так точно, ручаюсь.

— А что скажешь ты, младший сержант? — Полковник повернулся к стоящему чуть поодаль Сулаеву. Тот с готовностью, как будто только того и ждал, вскинул ладонь к виску.

— Лейтенант Гончаров находился в землянке санинструктора Рогозиной с двадцати трех ноль-ноль до двух тридцати ночи. В два тридцать в землянку с дежурства пришла радистка Мятлова и легла спать.

Полковник повернулся к Гречину.

— Что скажешь, комбат? Молчишь? Так-то лучше. А то развел антимию! «В расположении взвода», «Я ручаюсь»...

— Товарищ полковник...

— Молчать! Проглядел аморалку? Панибратство развел! Может, и тебя такие вот сопляки Колей кличут? — Он пошел, прихрамывая, вниз к разрушенному блиндажу, где его ждал «виллис».

Старший лейтенант пошел за ним. Возле убитых остались Сулаев и Стрекалов.

— Зачем было врать? — сказал Сулаев, ногой поправляя загнутый край брезента. — Незачем было врать. Я всегда говорил: добром это не кончится.

— Что не кончится? — Стрекалов медленно наливал ярастью.

— А все. И это тоже. — Он кивнул на торчавшие из-под брезента ноги — одни в кирзовых сапогах, другие — рядом — в новых американских ботинках, наде-тых на шерстяной носок домашней вязки. — Тоже мне молодожены! Рази так делают? Ну, повезло, догово-рился... Так уйди с глаз долой, подальше! Нет, им надо у всех на виду любовь крутить, чтоб все знали! Теперь вот и старший лейтенант безвинно пострадали через их...

— Сволочь ты, — тихо сказал Сашка.

Сулаев покосился на Сашку, по-видимому, оценивая соотношение сил, и решил не связываться.

— Показал бы я тебе, если б не должность...

— А ты покажи! — Стрекалов усмехнулся. Ему за-хотелось выкинуть одну из тех штучек, которые вхо-ду были в разведроту: миг — и Сулаев лежал бы на земле, а его карабин... Эх, на кой ляд Сашке его кара-бин, когда свой холку намял!

Он повернулся и стал карабкаться вверх по склону холма, особенно крутого здесь, цепляясь за обледенев-шие камни. Кошмарная ночь все не кончалась, она вы-светилась яркими, равнодушными звездами, притихла, притаилась небывалой, таинственной немотой.

Стрекалов долго блуждал по склону, то провалива-ясь в снег, то натываясь на оголенные ветром валуны, пока не вышел случайно на тропинку. По ней к верши-не холма шестеро солдат несли на плечах тяжелые сверт-ки: один шел впереди, другой сзади, третий посередине поддерживал провисающее тело...

— Пидмэны Осокина, — сказал Батюк, увидев Стре-калова.

Ленивый и нескладный Осокин с готовностью вы-скользнул из-под тяжелой ноши. В этот момент голова убитого запрокинулась, край плащ-палатки, в которую он был завернут, сполз, и Стрекалов увидел белое, неуз-наваемое лицо Андрея, его по-детски беспомощно рас-крытый рот...

— Чего стал? — возмущенно крикнул Богданов и толкнул Сашку коленом. — Жмуриков не видел?

— Тихо вы! — одернул их Кашин. — Хотите, чтоб всех ухлопали?

Они шли на виду у немцев по западному склону хол-ма. Восточный для подъема с такой ношей был вообще непригоден.

— И какой дурак здесь хоронить надумал? — снова вспомнил Богданов. — Люди лишние, что ли?

— Комбат велел тут, — сказал Кашин, — на самой вершине. Говорит: «Чтоб на века». Кругом-то низина. Вёснами вода заливает. После и следов не найдешь. Только и есть, что этот бугор.

Подошли бойцы второго расчета Зеленов, Царьков и Грудин, молча подставили плечи. Скоро процессия достигла вершины, и все вздохнули свободней. Без лишних слов опустили убитых по одному вниз, накрыли брезентом и принялись торопливо забрасывать могилу комьями мерзлой глины. Мойсеев нашел обломок доски, Кашин послуныявил карандаш и написал две фамилии.

Батюк укоризненно покачал головой.

— Мы ж только, чтоб место заметить, — виновато пояснил Кашин. От холода у него стучали зубы.

— Памятник бы який, чи мрамор, — неопределенно проговорил старшина. — Може, пошукать на погости?

— Легко сказать, — возразил Богданов, — в нем одном небось пудов десять. Да и где он, этот погост? Километров пять до него? Я думаю так: до весны простоит как есть, а весной настоящий памятник сделаем. Созвездой.

— Сперва доживи до весны, — негромко сказал Уткин и, закинув лопату на плечо, стал спускаться с холма.

Остальные постояли над могилой, сняв шапки, повздохали от того, что даже салют дать нельзя — враз накроют минами, — и пошли вниз в полном молчании. У подножия еще раз сняли шапки, снова постояли, прощаясь, и тогда уже пошли быстро, почти бежали под пронизывающим ветром. Всем хотелось поскорее добраться до тепла, упасть на утрамбованную телами соломку и спать, спать, спать...

РАДИОГРАММА

«Командующему армией

30 ноября 1943 г.

Окруженные нашими частями подразделения и части 2-й немецкой армии за последнее время проявляют повышенную активность. Они ведут между собой регулярные радиопереговоры, из которых следует, что их первоначальное намерение — сложить оружие — оказалось

обманом. Командир 412-го отдельного батальона СС, ведя с нами переговоры о сдаче от имени генерала Шлауберга, намеренно оттягивал время. Есть основания полагать, что в районе гг. Платов — Ровляны — Окладино находится в окружении не 3,5 тысячи активных штыков, как предполагалось ранее, а значительно больше, исправная военная техника — танки, бронетранспортеры, орудия разного калибра и боеприпасы также в значительно большем количестве, чем было установлено нами в самом начале. Считаю: в районе окруженной группировки происходит переброска частей и подразделений от северных границ окружения к южным, что создает реальную угрозу прорыва.

Учитывая, что 201-я с. д. находится в настоящее время в стадии формирования и имеет лишь 60 процентов списочного состава, прошу направить для ликвидации окруженной группировки боеспособные части.

Командир 201-й с. д. генерал-майор Пугачев».

Высота 220,0, которую стоявшие здесь ранее пехотинцы прозвали Убойным холмом, была не только самым высоким местом на всей болотистой равнине в квадрате пятьдесят километров, это был еще и единственный удобный наблюдательный пункт. С него открывался вид на Бязичи, Юдовичи, Алексичи; железная дорога была видна вплоть до Великих озер, а причудливые извилины Пухоти просматривались до самого горизонта.

Еще не зная намерений Шлауберга, советское командование приказало командиру 216-го стрелкового полка полковнику Бородину не допустить выхода Шлауберга к Платову, перекрыв тем самым для него ближайший путь на запад. Поскольку 216-й полк был недоукомплектован, командование 201-й стрелковой дивизии отдало в распоряжение Бородина 287-й отдельный зенитный артдивизион, занятый до этого охраной железнодорожного моста через Пухоть. Восьмидесятипятимиллиметровые орудия могли вести огонь по наземным целям — они были оборудованы броневыми щитами, но личный состав, включая офицеров, до этого вел стрельбу только по самолетам и с практикой наземной стрельбы был знаком теоретически. Кроме того, недавно из дивизиона, оставшегося в тылу, откомандировали во фронтовые части больше половины кадрового состава. Взамен прислали мобилизованных парней рождения 1926 года.

Всего этого Шлауберг, естественно, не знал. Этим объяснялись его нерешительность и излишняя осторожность в первые дни окружения. Затем его действия стали носить более активный характер; артиллерия наносила ощутимые удары по обороне 216-го полка.

1 декабря, рано утром, немцы атаковали ближайшего соседа Бородина подполковника Вяземского. Удар был нанесен в северо-западном направлении, где у Вяземского имелось самое слабое место — стрелковый батальон неполного состава. Атаку отбили с трудом.

— Если бы Шлауберг повторил, мог бы прорваться, — признался Вяземский Бородину.

— Мне кажется, он просто нащупывает слабое место в нашей обороне, — подумав, сказал Бородин.

— Я такого же мнения, — ответил Вяземский, — теперь, надо полагать, твоя очередь.

Бородин и сам это понимал. Его полк день и ночь укреплял оборону — зарывался в землю.

Беспокоили Бородина все усиливавшиеся действия шлауберговской разведки, а также то, что противник продолжает ревностно следить за высотой 220,0.

РАДИОГРАММА

«Командиру 201-й стрелковой дивизии

1 декабря 1943 г.

Согласно данным разведотдела армии численность немецких солдат и офицеров окруженной в районе Ровлян группировки не превышает 3,5—4 тысячи. Наличие боевой техники подтверждено донесениями авиаразведки, а также выступлением Шлауберга против полка Вяземского, однако оно не превышает известного нам количества.

Учитывая ваш численный перевес в технике, считаю, что вы выполните возложенную на вас задачу своими силами.

Одновременно указываю на недостаточно интенсивное обучение личного состава ведению боя, а также медлительное формирование подразделений. Требую закончить формирование дивизии в кратчайший срок. Об исполнении доложить не позднее 10 декабря с. г.

Командующий армией генерал-лейтенант Белозеров».

ГЛАВА ВТОРАЯ
НАЗНАЧЕНИЕ

Никто не слышал, когда ушел Батюк. Только, наверное, кому-то стало просторнее на нарах, и Стрекалов почувствовал, как в спину ему уперлись чьи-то колени.

Пожалуй, нигде не видишь таких снов, как в армии. В ту ночь Сашке снился родной город. Стрекалов шел по его улицам от вокзала к кирпичному заводу, и его новые со скрипом сапоги звонко стучали по деревянному тротуару.

Городок Сашкин крохотный. Наяву он и то проходил его насквозь за пятнадцать минут, во сне это произошло молниеносно. Вот и окраина городка, и маленький домик с зеленым палисадником и скрипучей калиткой. Буйно разросшиеся кусты сирени совсем заслонили окна, поэтому, наверное, Сашку никто не увидел; даже в солнечные дни в комнатах царит полумрак.

Не останавливаясь, Стрекалов толкнул калитку. Из-за сарая, волоча по земле цепь, мчится Буран. Почему-то он не такой старый, каким был, когда провожал Сашку в армию.

В сенях Сашке послышались чьи-то шаги, он бросился к двери и распахнул ее. Вместо тетки навстречу ему вышел Андрей с ягдташем и отцовским ружьем за плечами. Он в кожаной куртке, черных суконных штанах и высоких сапогах.

— Где тебя носит? — сердито говорит он. — Ждал, ждал... Хотел один идти. Ладно, бери топор.

— Андрей, — говорит Сашка, — я ненадолго. На минутку только. С эшелона убежал. Еще и тетку не видел. Ну как вы тут без меня? Как тетка Аграфена? А Валя? — Он оглядывается и видит Рогозину. Она сидит в траве под вишнями в своем голубеньком платье, из которого давно выросла, и чистит ягоды, срывая их прямо с дерева. Руки ее до самых локтей ис-

пачканы красным соком. Смутное подозрение охватило Сашку: что-то уж слишком ярок этот сок...

— Андрей, — говорит Сашка, — иди посмотри, что там.

— Зачем?

— По-моему, у нее на руках кровь.

Андрей идет напрямик через двор по утренней, седой от росы траве, и темно-зеленый мокрый след тянется за ним до самой скамейки...

— Стрекалов, к командиру полка!

Часовому пришлось раза три прокричать это во всю силу легких, прежде чем Сашка открыл глаза.

— В штаб тебя, — пояснил часовой и отправился обратно на пост. Одеваясь, Сашка все еще досматривал сон; вернее, его постепенно ускользающие фрагменты.

Вот Андрей подошел к Вале, взял ее за руку, нагнулся... Кажется, он хотел ее поцеловать. «Ну так что из того, — думал Сашка, когда сон исчез окончательно, — они муж и жена. Правильно, теперь муж и жена. Но тогда, на гражданке, этого еще не было. Они были просто знакомы. Жили на одной улице, и Валя свободно могла полюбить Сашку, а не Андрея. Впрочем, не просто были знакомы. Скорей всего уже тогда между ними было что-то, ускользнувшее от его внимания. Да, наверное, было...»

Сашка вздохнул и тщательно расправил складки шинели — он приближался к штабу полка.

Возле входа спиной к Сашке стоял часовой в тулупе и слегка пристукивал новыми валенками.

«Ишь, вырядился: тулуп, валенки! К такому бегмоту любой подойдет неслышно...» — подумал Стрекалов.

Часовой слегка повернулся, и Сашка увидел черные пышные усы под красным мясистым носом, руки, похожие на крючья. Этот, пожалуй, сам кого хочешь сграбастает...

— Стой! Тебе чего?

— Меня в штаб вызывали, — смиренно начал Сашка, машинально прикидывая, как все-таки можно одолеть такого верзилу. Не его, конечно, а такого, как он, фрица...

— Зенитчик?

Из блиндажа вышел невысокого роста лейтенант с противогазом через плечо, заспанный и хмурый.

— Разрешите доложить? — крикнул Стрекалов.

— Вызывали?

— Так точно. Только кто вызывал, не могу знать. Доложите, что из отдельного зенитного артдивизиона сержант Стрекалов прибыл.

Лейтенант зевнул.

— Как доложить, я и без тебя знаю.

Он нырнул в узкий земляной коридорчик, обитый с боков тесом и прикрытый сверху накатом из неошкуренных бревен.

«В блиндаже, наверное, тепло», — с завистью подумал Стрекалов, но дежурный уже возвращался.

Прежде чем пропустить сержанта, он придирчиво осмотрел его со всех сторон и, только убедившись, что у того все в порядке, повел в штаб.

В просторном блиндаже, разделенном на две половинки плащ-палаткой, горели лампочки от аккумуляторов, вдоль стен первой половины сидели радисты с наушниками и телефонисты со своими ящиками. Во второй половине, куда немедленно провели Сашку, стоял большой стол из гладко строганных досок и несколько длинных скамеек, на которых сидели офицеры.

Сашка пошарил глазами и, не найдя никого старше полковника, доложил ему о прибытии.

— Это и есть ваш разведчик? — спросил полковник кого-то, и в голосе его Сашке почудилось разочарование. — Неужто самый боевой из всех? За что получил медаль, сержант?

— За выполнение боевого задания, товарищ полковник.

— Конкретней.

— Привел «языка». Офицера штабного. При нем какие-то бумаги были... Вот за это.

— Неплохо, неплохо... — Он прошелся взад и вперед по блиндажу, как бы раздумывая, говорить дальше с Сашкой или не говорить. — Ты нам вот что скажи, герой. Хорошо ли знаешь эти места? Только не ври. Если не знаешь, скажи прямо.

Сашка прикинул: если скажешь «да», спросят откуда. Служил здесь, в забытой богом Ровлянщине? Ну и что? Многие служили. Его батальон стоял в лесу, от него до ближайшей деревни километров шесть с гаком. Не скажешь ведь, что в Озерках у него была зазноба — крутогрудая вдовушка Соня Довгань, что в Кудричах на свадьбе гулял однажды, а после не раз наведывался проверить, дружно ли живут молодые, не ссорятся ли...

— Не так, чтобы очень... Наше дело солдатское: куда пошлют...

Полковник с надеждой поднял на Сашку глаза.

— Уж будто ни разу в самоволку не смотался?

— Ни. — Сашкины глаза смотрели прямо. — Старшина посылал раз насчет картошки, так ведь это когда было. Да и пробыли мы там всего ничего, нагрузили бричку и обратно.

— А картошку у кого брали? — спросил Чернов. Он сидел в дальнем углу, и Сашка не сразу его заметил.

— То бесхозная, — как можно беспечней ответил Стрекалов, — бурты пооткрывали, а тут мороз...

— Выходит, добро спасали? — ехидно улыбнулся Чернов. Сашка сделал вид, что его обижает эта улыбка.

— Между прочим, не для себя старались, товарищ полковник!

— Как же, как же, понимаю... Название деревни, конечно, забыл?

— Забыл! — огорченно воскликнул Сашка. — Махонькая такая деревенька. А может, хутор...

— И дорогу не помнишь?

— Запомятовал, товарищ полковник.

Полковник, наклонив голову, слушал, задумчиво постукивая карандашом по столу. Лицо его было скучным.

— Значит, герой, ты нам ничем помочь не можешь... — Он бросил карандаш поверх карты. — Что ж, придется искать другого. Можешь идти.

Сашка стремительно повернулся на каблуках и... замер. Навстречу ему в низкую дверь блиндажа медленно врывалась серая генеральская папаха.

Офицеры вскочили, вытянулись по стойке «смирно», полковник шагнул вперед, коротко доложил.

— Здравствуй, Бородин, — сказал генерал, протягивая руку, — ну как твои подопечные? Опять затаились?

— Молчат, товарищ генерал.

— Плохо. — Генерал скинул бурку на руки подошедшего адъютанта. — Очень плохо, Захар Иванович. На самом, так сказать, выгодном для них участке и такое упорное молчание. — Он оглядел офицеров. — И это когда у него каждая минута на счету! Что вы на это скажете, уважаемые? Вот ты, Бородин, что имеешь доложить по этому поводу?

— Я думаю, товарищ генерал, — начал полковник, но комдив перебил его:

— То, что ты думаешь, оставь при себе, а мне скажи, что у тебя нового, чего мы еще не знаем. Что увидели твои наблюдатели, посланы ли поисковые группы?

— Товарищ генерал! — полковник нервничал и говорил излишне резко. — Мы сделали все, что могли, но в условиях, в которых сейчас находится двести шестнадцатый, многого не добьешься. У нас мало артиллерии, минометов, вовсе нет опытных разведчиков и даже батарей для питания раций.

— Этак ты до вечера будешь перечислять, — сказал, нахмурясь, генерал. — Я спрашиваю, не чего у тебя нет, а что нового произошло за последние полсуток. Замечено ли наконец какое-нибудь движение на той стороне? Ведь не духи же у тебя людей воруют. Разведчики! А коль есть разведка такого высокого класса, значит, есть те, на кого она работает — реальная военная сила. Что у тебя, Чернов?

— Я уже докладывал, товарищ генерал.

— Значит, тоже ничего нового...

Взгляд его маленьких, с хитрецей крестьянских глаз неожиданно остановился на Стрекалове.

— Кто такой?

— Старшим поисковой группы хотели взять... — нехотя начал Бородин.

Глаза генерала ожили, взгляд несколько раз сверху донизу обследовал Сашкину ладную, подтянутую фигуру.

— Давно воюешь?

— С первого дня, товарищ генерал.

Комдив удовлетворенно кивнул.

— Инструктировали, Бородин?

— Нет еще. Дело в том, товарищ генерал...

— А ну, иди сюда! — Комдив даже вперед подался, чтобы лучше видеть подходившего к столу высокого и, наверное, очень сильного парня. — Фамилия? Где служил раньше? — Выслушав ответ, он с одобрением покивал головой. — Побольше бы нам таких, а, Бородин? Думаете, стал бы я с этим Шлаубергом цацкаться!

— Товарищ генерал, — воспользовавшись хорошим настроением комдива, мягко заговорил полковник, — нам бы еще один артдивизион. Или хотя бы батарею тяжелых орудий. Честное слово, раздолбали бы Шлауберга за милую душу!

Генерал грустно взглянул на командира полка.

— Что ты можешь сделать с одним дивизионом, если этот дьявол из лесу не вылезит?! А ты знаешь, какой это лес? Вот он знает... — Генерал показал пальцем на Стрекалова. — Добрый лес. Блиндажей, землянок и прочих укрытий в нем тьма. В сорок первом мы здесь оборону держали. Полтора месяца держались! — Он снял папаху, пригладил редкие волосы ладонью. — Бомбили нас и из орудий обстреливали. Пробовали даже лес поджигать — куда там! Пока обстрел или бомбежка — мы в укрытии, а как он в атаку — мы тут как тут.

— Но ведь выкурили же все-таки! Сами же рассказывали, товарищ генерал... — не утерпел Бородин.

— Не выкурили! — рассердился генерал. — Сами ушли. Фронт выравнивали... — Он промолчал. — У Шлауберга положение другое. И все равно нам подставлять под удар нашу молодятину грешно. Можно, конечно, и так: прямо с марша в бой. Бывало такое не раз. Да что толку? Потери семьдесят, а то и все девяносто процентов. Такое простительно разве что в обстоятельствах крайних, безысходных. Во всех иных солдата надо сначала обучить, а потом уж посылать в бой. Людские резервы тоже истощимы. Вот почему, — он всем корпусом повернулся к Стрекалову, — мы посылаем вперед таких, как ты. Противник хитер. Ох, как хитер! Я с этим Шлаубергом давно знаком...

— Встречались, товарищ генерал? — Сашка оживился. — Интересно, какой он?

— Какой из себя, что ли? Этого сказать не могу. Не видел. А вот почерк знаю отлично. Под Старой Руссой он у генерала Буша разведкой командовал. Говорят, любит лично ходить по тылам противника. А вообще кадровый разведчик. Вот, к примеру, история с часовыми... Да... Вечная память тем парнишкам. Захар Иванович, ты распорядись, чтобы всех представили к медалям. Посмертно...

— Уже сделано, товарищ генерал.

— А этому, — комдив оглядел Стрекалова еще раз, — когда вернется, я сам решу, что дать. Ну, герой, удачи тебе!

Офицеры вышли проводить генерала. За дощатой перегородкой тоненько попискивала рация.

РАДИОГРАММА

«Совершенно секретно!»

*Командирам вверенных мне частей и подразделений
х. Великий Бор, 2 декабря 1943 г.*

Согласно сообщению, полученному из штаба 2-й армии, русские закончили переброску частей 105-й и 107-й стрелковых дивизий в район г. Славного. Таким образом, нашим подразделениям в настоящий момент противостоят: 216-й стрелковый полк неполного состава, два батальона 104-го с. п. и один саперный батальон.

Учитывая благоприятную обстановку, приказываю:

1) всем частям и подразделениям, выделенным для прорыва, прибыть в район сосредоточения не позднее 4.00 7 декабря 1943 г.;

2) во время движения соблюдать скрытность, для чего:

а) передвигаться ночью или в сильную метель, избегая открытых мест;

б) всех встреченных на пути следования гражданских лиц, независимо от пола и возраста, ликвидировать на месте;

в) во время движения огня не открывать, в перестрелки с бандитами или русскими разведчиками не вступать.

По прибытии в Алексичи задачи будут уточнены.

Бригаденфюрер СС Шлауберг».

Особых причин опасаться гнева начальства у Стрелкова не было. Разве что соврал командиру полка... И хоть бы трусил отчаянно — нет, просто так соврал, и все. Хотя, черт его знал, что им нужен разведчик...

— Разрешите, товарищ полковник, взять свои слова обратно, — сказал он, когда офицеры вернулись, — бес попутал...

Полковник, то ли слушая, то ли нет, задумчиво смотрел на Сашку, и не было в его взгляде ни обиды, ни насмешки.

— Подойди ближе, сержант.

Стрекалов подошел к столу.

— Знаешь, что это?

— Карта, — бегло взглянув, ответил Сашка.

— Разбираешься в ней?

— Приходилось, товарищ полковник.

— Ну, это главное. — Полковник облегченно вздохнул. — Значит, так. Начальник штаба объяснит тебе задачу. Потом пройдешь инструктаж. На курсы переподготовки нам тебя посылать некогда. Через два дня должен быть готов вместе с группой. Все. Да смотри, больше не завирайся!

В последующие четыре часа Стрекалов поочередно попадал к начальнику штаба майору Покровскому, начальнику разведки капитану Ухову, к командиру саперов. Постепенно общая обстановка, в которой находилась дивизия, стала для него проясняться. Получалось, что окруженную группировку удерживает не дивизия — какая ж это дивизия, если в каждом батальоне нет и одной трети личного состава, в обоих полках артиллерии в пять раз меньше положенного — что-то около одного пехотного полка.

— Послали бы вместо тебя офицера, да нет ни одного разведчика с опытом, — пояснил ему начальник штаба, — нашему полку разведка вообще не полагалась: тыловой полк, охранный... В общем, считай себя уже в ином звании и с подчиненными обращай соответственно.

Что значит «в ином звании» и как он теперь должен обращаться с подчиненными, Стрекалов не понял, но на всякий случай сказал «слушаюсь». От начальника же штаба он узнал, что окруженная группировка не сегодня завтра предпримет наступление с целью прорваться к своим. Силы полка Бородина растянуты вдоль всего юго-западного края огромного Ровлянского лесного массива.

— Это только так принято считать, что в квадрате пятидесяти километров. На деле все сто, а может, и больше. Когда фронт двинул в наступление, тут уж не считались, сколько немцев и где попадет в окружение, лишь бы вперед и вперед как можно быстрее... Добывать их было некому, все брошено в наступление. Рассчитывали — сами сдадутся, а они вон чего задумали. Ты представляешь, что могут натворить в незащищенных тылах несколько тысяч отборных головорезов? — Стрекалов кивнул, он представлял... — Чтобы этого

не случилось, вы, разведчики, должны выяснить, в каком месте намечается прорыв. Туда соберем все силы и, возможно, удержим...

— Ты идешь не один, — сказал капитан Ухов, — одновременно посылаем три группы. Для верности...

Стрекалов понимал и это.

— Группа твоя маловата, — сказал ему командир саперной роты, — а то бы дал тебе самого лучшего подрывника.

— Зато даем тебе рацию, — сказал начальник связи. — У других нет. Не хватило... И радиста. В случае чего... в случае, если он не сможет, будешь передавать сам. Дело нехитрое, к тому же, говорят, ты с этим делом знаком...

— Знаком, — подтвердил Стрекалов. — Не так чтобы очень, но передать, если нужно, могу.

— Особенно не злоупотребляй, батареи береги. Сам не садись — мы знаем почерк радиста, твой не знаем. Без надобности не садись... А вообще, радиста береги как зеницу ока. Дело знает, но сам зеленый.

— Необстрелянный? — встрепенулся Стрекалов. — Зачем же такого...

— А где взять другого? Мятлову ты сам не возьмишь...

— Не возьму, — согласился Сашка.

— И это известно. — Начальник связи засмеялся. — А кстати, почему? Что ты имеешь против женского пола? Воюют они не хуже нас с тобой...

Стрекалов молчал. Перед ним в который уже раз всплыло посиневшее от удушья лицо Вали Рогозиной, ее открытые, подернутые мутной пеленой глаза...

— Их посылать нельзя, — сказал он угрюмо.

Стрекалов вздохнул свободней, поняв, что ему сказали все, что должны были сказать, и теперь слово остается за ним. Однако его еще долго не отпускали из штаба, расспрашивая о родных, записывая домашний адрес, и военврач, невысокая полная женщина, ласково глядела на него и совала ему в карман плитку американского шоколада.

— Братишка у меня дома остался... Уж очень на тебя похож!

От врача пахло земляничным мылом и карболкой.

На батарею Стрекалов пришел, когда расчет спал. Расход на него Уткин не оставил — был уверен, что Сашка голодным не останется. Повар Лешко, хоть и не

был Сашкиным земляком, сжалился и дал порцию картофельного пюре да еще одобрил его куском комбижира. Потом Сашка помог ему написать письмо любимой и за это получил миску аппетитных поджарок со дна котла. Только когда на кухню пришли Осокин и Грудин чистить картошку, Стрекалов покинул гостеприимный кров и отправился к себе в землянку.

Ночь давно уже перевалила за половину, полная круглая луна висела над притихшим миром, и Убойный, похожий издали на тонущий корабль, устремлял на запад задранную вверх корму.

— Стой! Кто идет?

По голосу Сашка узнал Моисеева. Тот стоял на крыше землянки прямо над печной трубой.

— Не сварись! — предупредил Сашка. Моисеев не ответил — он грелся. Стрекалов нырнул в душное тепло землянки, отворил дверцу печки, долго и старательно раздувал угли. Дождавшись, когда поверхность углей осветилась прыгающими голубоватыми язычками, затолкал в печку охапку соломы и плеснул бензином. Огонь ухнул, шибанул из дверцы наружу, осветив земляные стены и торчащие из-под шинелей босые ступни.

Еще с минуту Стрекалов не ложился — склонив голову набок, слушал, как наверху матерится Моисеев, потом снял шинель, сапоги. Коснувшись щекой соломенного изголовья, он мгновенно уснул, будто нырнул с высокого берега в теплый пруд с запахом лилий и желтых кувшинок.

Солдатские сны бывают трех видов: про хлеб, про дом и про любовь. Когда Сашка бывал сыт, сны его вертелись вокруг одной темы. Обнимал он чаще всего радистку Мятлову, веснушчатую, грудастую и, как говорили знающие люди, весьма доступную девицу, и реже Соню Довгань. Наяву он о ней почти не вспоминал — любовь их была суматошная, с редкими и короткими встречами, когда жаркая, как парная баня, когда и не очень, с расставаниями без слез и муки.

Разбуженный криком «подъем!», он еще несколько мгновений чувствовал на губах ее поцелуй, похожие на вкус ландрина. Чтобы окончательно проснуться, разделся до пояса и с минуту обтирал снегом распаренное духотой тело.

Рядом, поживаясь от холода, стоял на посту Богданов.

— Опять в штаб пойдешь?

— Ага. В тылы надо. Продукты получать, личное оружие. Еще в Особый отдел заглянуть велели... — Глебу он мог позволить слегка прикоснуться к своей тайне.

— Инструктаж! — Глеб понимающе кивнул. — Значит, верно, что тебя на задание взяли. Везет же людям!

— Откуда насчет задания знаешь? Догадался?

— Телефонист разболтал. Уткина сперва хотели, да капитан Лохматов отсоветовал. Предложил тебя. Ты ведь в разведке служил... — Он подошел ближе. — В тыл врага, Сань, да? А ты с парашютом прыгал?

— При чем тут парашют? Хотя... если надо, сумеем.

Стрекалов был не просто рад — он был, что называется, на седьмом небе от счастья. Разумеется, пошуровать денек-другой в немецком тылу не бог весть что, но в его теперешней, бедной событиями жизни даже такое пустяковое задание — подарок судьбы. В том, что задание пустяковое, Сашка ни минуты не сомневался. Захватить «языка» куда опасней. Не сомневался он и в том, что выполнит все, что ему поручили, и был поэтому совершенно спокоен.

— Везучий ты, — сказал Богданов, — мне бы так-то...

— Да, наверное, везучий. — Стрекалов вытерся полотенцем, надел гимнастерку, шинель, туго затянулся ремнем. — Если есть письма, давай, отдам почтарю.

Богданов с готовностью протянул шесть помятых трюгольников.

— Сань, а мне с тобой нельзя? Конечно, я понимаю, но... если там разговор будет насчет напарника, так ты не забудь...

— Не забуду, — пообещал Стрекалов.

В тылах ему выдали сухой паек не на двое суток, а на четверо. Кроме него, на складе отоваривались еще человек десять. Кладовщик ПФС — вредный дядька — долго держал Сашку перед запертыми дверями, потом открыл и, придерживая дверь коленом, потребовал накладную.

— Подпись неразборчивая, — сказал он, подозрительно глядя на Сашку поверх очков.

— Сам делал, — сказал Стрекалов. Сзади засмеялись. Кладовщик обиделся и вернул Сашке накладную, пропустив вперед какого-то старшину.

— Вот змей! — усмехнулся старший сержант с лицом, изрытым оспой, кривым боксерским носом и белым шрамом через весь лоб. — Пойдем, земля, посидим в сторонке. Теперь ты, надо понимать, за мной будешь. Давай знакомиться. Семен Драганов с Николаева. — Он присел на пустые ящики из-под свиной тушенки. — Здесь с октября. Пулеметчиком определили. До этого служил в сто сороковом непромокаемом. — Под распахнутой, несмотря на мороз, шинелью на его груди виднелись медали.

Подошли еще двое, остальные жались у двери, нетерпеливо заглядывая в замочную скважину.

Из дверей склада вышел наконец старшина, бросил мешок с продуктами солдату, должно быть, напарнику, сказал, вытирая руки полой шинели:

— Ну и глот! Вы, ребята, когда получать будете, глядите в оба. Мне вместо тушенки горох хотел подсунуть.

Сержанты заволновались.

— У тебя в накладной чего? — спросил Драганов, беря в руки накладную Стрекалова. — Комбигир? Так и есть. Беги к начальнику ПФС, пускай на шпиг переделает. Еще чего? Галеты. Это можно оставить. Сахар-песок... Лучше кусковой. Хлеб, концентраты... Концентрат не бери. Что ты его, грызть там будешь? А хлеб бери весь. Промерзнет, да ничего, сожрете. Еще что? Консервы рыбные. Бери на всякий случай. Вот: свиная тушенка! Шесть банок... Это что же, вас на четверо суток упекут? Сейчас проверим. Ну точно, четверо суток будешь нежиться. Повезло!

Сашка видел: хорошие парни, бывалые. У каждого по несколько медалей, у старшины — фамилия его была Верзилин — даже орден. С такими бы идти! Но нет в полку больше таких, одна салажня осталась. Это не триста пятый незабвенной памяти полк, где без медалей щеголял один повар. Двести шестнадцатый — тыловой, охранный, железные дороги и склады охранял, а теперь вот и ему пришлось повоевать... И как это его, Сашку Стрекалова, опытного разведчика, угораздило сюда попасть? Может, потому сейчас и дорого побыть немного рядом с такими же, как он сам, старыми вояками, в лазаретах штопанными, на жаре сушенными, порохом опаленными, и не замечает он ни трепы ихнего безвредного, ни хвастовства несусветного. Пусть побрежут, коли есть охота, отведут душеньку и других по-

забавят. Придет час, и покажут они себя в наилучшем виде. Встречал Стрекалов за три года войны таких и понимал их больше, чем другие. С ними рядом разве что старшину Батюка можно поставить, а больше никого. Но Батюк в годах и ревматизмом страдает, да и не отпустят его. На нем вся батарея держится. Уткина, старшего сержанта, взять — себе дороже станет. Привык командовать, подчиняться не захочет, а если заставить — всякие отговорки будет придумывать. Такой характер. Остальные мелочь пузатая. Рассчитывало, видно, начальство сперва подучить их, а после уж пускать в работу, да война распорядилась иначе.

На склад его пустили следом за Драгановым. Потолок сводчатый, десять ступенек вниз, пол кирпичный, старинный, посередине вытертый. По обеим сторонам — будто соты медовые — консервы штабелями. Справа банки маленькие, слева — большие. И все без наклеек, от тавота липкие. Которые из них с тушенкой — лучший знает... И вдруг видит Сашка, Драганов ему глазами показывает на те, что поменьше... Спасибо, друг! Пошли дальше. В картонных коробках, в деревянных ящиках и просто так, штабелями — сало шпиг. В ладонь толщиной — наше, отечественное, в два пальца — американское. Селедка тоже отечественная, с Дальнего Востока, колбаса в руку толщиной. Но колбаса Сашке не полагается. Колбасу ему придется добывать самому. Этакое богатство да в сорок первом! Сашка даже зажмурился, представив, что бы он сделал с теми фрицами, которые держали его полк в окружении, будь у него вместо прогорклых сухарей буханки свежего хлеба, а вместо дохлой конины вот эта колбаса...

После полудня в землянку к Стрекалову пришел радист. Пока без рации. Сказал, что еще получать надо. Пришел просто так, познакомиться, узнать, нет ли каких приказаний. С порога доложил по уставу, глазами по сторонам не рыскал, глядел прямо. Ничего себе паренек, вроде крепкий, смысленый, хоть и молод. Расчет притих, глядел то на Сашку, то на паренька — его первого подчиненного. А Сашка не торопился: пускай поглядят. Было когда-то у него отделение — десять гавриков — и своя повозка для казенного имущества, было личное оружие — и опять будет. Может, даже не отделение дадут, а целый взвод — что ж тут такого?

Стрекалов — это не какой-нибудь Уткин. У Стрекалова котелок варит будь здоров! Ему бы образования побольше! Классов хотя бы восемь, он бы и еще кое с кем потягался...

— Садись, — сказал он радисту, и тот послушно сел и продолжал смотреть на своего сержанта во все глаза: вот, оказывается, какой он, этот разведчик!

Фамилия солдата была Зябликов.

— Звать как? — спросил Стрекалов.

— Федей. А по отчеству Силыч. Силой Петровичем отца звали, товарищ сержант.

— Откуда родом, как твоя деревня называется? — продолжал расспрашивать Сашка, чувствуя, как с каждой минутой возрастает к нему уважение всего расчета.

— Из города я Борисоглеба Ярославской области. На телефонной станции работал.

— Отец-то живой?

— Писал недавно из госпиталя. Поправляется.

— Стало быть, тебя в армию по специальности взяли?

— Как призвали, так в радисты и определили.

— Это понятно. — Стрекалов солидно кивнул. — Ну, как ты в своем деле, маракуешь?

Зябликов слегка подался вперед, чтобы не пропустить какого-нибудь важного вопроса.

— В каком смысле, товарищ сержант? Сколько групп принимаю, что ли?

— Ну да.

— До восемнадцати могу.

Стрекалов удовлетворенно похлопал радиста по плечу. Смушала его только молодость радиста.

— С какого же ты года, Федор Силыч?

— С двадцать шестого. Мой-то год еще осенью забрали, а мне сперва хотели отсрочку дать. По причине грыжи. Но потом ничего, взяли...

— Так у тебя грыжа? — забеспокоился Стрекалов.

— Нету. Теперь нету. — Федя покраснел. — Она у меня с младенчества, да ничего, жил. В военкомате стали смотреть и придрались. Да вы не беспокойтесь, товарищ сержант.

— Я не беспокоюсь. — У Стрекалова немного отлегло: раз в военкомате пропустили, значит, ничего страшного. На всякий случай спросил: — Других хворей нет? Ты сейчас говори, потом поздно будет.

— Других нет. Разрешите идти получать имущество?
— Иди, — сказал Стрекалов, — через час сам все проверю. Вот так, други мои! — Он повернулся к притихшему расчету: — Расстаемся с вами. Завалился я тут, пора и честь знать. — Он потянулся, звякнув медалью. — Трепещи, ганс, разведчик Стрекалов идет!

Потом его вызвали в штаб полка. У входа в блиндаж стояли вчерашние знакомые. Снежной белизны подворотнички, новые, еще не обмятые шинели, офицерские щегольские ремни, двупалые перчатки. Стрекалову обрадовались, угостили сигаретами.

— Видал? — Верзилин похлопал ладонью по кожаным голенищам. — Приказ комдива. Тебе тоже положено, смотри не прозевай!

Ворча и вздымая на поворотах фонтаны снега, подкатили два «виллиса» в серых камуфляжных пятнах. Человек восемь офицеров в одинаковых белых козых полушубках прошли мимо вытянувшихся в стрункуержантов и скрылись в штабном блиндаже. Шоферы, развернув машины, отогнали их подальше за бугор и отправились в соседний блиндаж погреться.

— А мы что, рыжие? — возмутился Драганов.

— Оперативники из штаба дивизии, — подсказал Верзилин, — нам пока там быть не положено. Да теперь, наверное, скоро, — пробовал успокоить разведчиков старшина, нос у которого совсем посинел.

— Ну уж я замерзать не намерен! — Драганов подошел к часовому, о чем-то спросил и исчез в «предбаннике». Через минуту он появился снова. — Заходи, хлопцы.

Хорошенькая телефонистка слегка повернула голову, тряхнув кудряшками, приложила пальчик к губам и беззвучно рассмеялась.

— Принято, землячка, все в ажуре. — Драганов энергично махнул рукой. — Размещаться без шума!

Поперек блиндажа — перегородочка из плащ-палаток, за нею громкие, раздраженные голоса. Ступая на носки, разведчики прошли в угол к железной печке, окружили ее, припали к теплой жести ладонями, открыв дверцу и распахнув шинели, подставляли теплу озябшие колени. Драганов замешкался возле телефонистки, выясняя ее семейное положение. За перегородкой чей-то голос перешел в крик. Ему вторил другой,

низкий красивый баритон, и еще один, немного глуховатый, с хрипотой, медлительный и бесцеремонный.

— Ваша нерешительность граничит с преступлением! — горячился первый, срываясь в фальцет. — У вас сейчас три батальона полного списочного состава!

— За все три я не дал бы и одного взвода опытных бойцов, — отвечал ему баритон.

— Вы обязаны были подготовить личный состав.

— За такой срок научить целиться из винтовок и то трудно, а освоить новую технику просто невозможно.

— Я доложу о вашем бездействии, полковник Бородин!

— Докладывайте, подполковник Степняк. Заодно скажите, что у меня нет подрывников, саперов, даже путных связистов, мало артиллерии.

Тот, чья фамилия была Степняк, немного помедлил и заговорил уже не так резко:

— Вы отлично знаете, полковник, что все силы армии сейчас в наступлении. В тылу остались одни зенитчики для прикрытия мостов и гарнизоны...

— Я просил всего один артдивизион и роту саперов! — перебил его Бородин.

— Командование не может снять с фронта и одного орудия.

— Здесь тоже фронт. В любую минуту мои подопечные, как вы их называете, могут двинуть на запад, и мне их не удержать.

— Если это произойдет, полковник Бородин, вы лично ответите головой.

— Черт знает что! — рявкнул Бородин, и плащ-палатка заколебалась от того, что полковник встал и начал ходить по блиндажу.

— Может быть, начнем разговор по существу? — вмешался кто-то более сдержанный. — Обсудим создавшуюся обстановку, примем решение...

— За этим и приехали, — буркнул недовольно Степняк.

Некоторое время все молчали, потом Бородин сказал:

— Вы приехали не за этим. А за тем, чтобы, как говорят солдаты, вставить мне фитиль в одно место. — Он удалился от перегородки и, кажется, сел. — Но мне приказано доложить о готовности только в том случае, если я буду действительно готов, и я не собираюсь вводить в заблуждение командование. К тому же хватит

бессмысленных жертв. Под ружьем последний резерв страны, для нас с вами это не секрет. — Он снова помолчал. — Не такой помощи ждал я от вас, Юрий Владимирович! Три батальона необученных солдат против почти двух полков отборных головорезов!

— Однако ж эти полки бездействуют, Захар Иванович.

— Не бездействуют, подполковник. Уже не бездействуют. За последние дни в каждом моем батальоне снято с постов по два человека.

— Что значит снято?

— Ну, взято, похищено, украдено, черт побери! Эсэсовцам нужны «языки». По моему приказу были усилены посты, но и после этого солдаты продолжали исчезать. У генерала Шлауберга прекрасная разведка...

— Скажите! А мы и не знали!..

— Не иронизируйте. О каждом отдельном случае я докладывал, но вместо помощи получал нагоняй и советы поменьше спать. Очевидно, полковник Рябков думает, что со Шлаубергом покончено.

— Полковник Рябков вообще большой оригинал, — задумчиво проговорил Степняк, — чтобы его в чем-то убедить, приходится каждый раз пролезать в игольное ушко... Кстати, какой помощи вы от него ожидали? Он не командующий, а всего-навсего начальник разведки армии.

— Мне нужны разведчики. Старые, опытные бойцы и командиры.

— Ишь чего захотели! Впрочем, что я говорю! У вас же и разведка почти укомплектована! Процентов на семьдесят, я думаю.

— Юрий Владимирович, мне надоело говорить об одном и том же. Разведка более других нуждается в опытных кадрах, а у нас среди офицеров ни одного профессионала. Положенный полку разведвзвод только формируется. Взяли кого из пехоты, кого из артиллерии.

— А те два младших лейтенанта? Я сам с ними беседовал. Прямо из училища. Что вы на это скажете?

— Пока ничего. Мне нужны лазутчики. Бывалые, стреляные. Сейчас от таких зависит все. А из этих один стихи пишет, другой абсолютно безынициативен. Там, куда они пойдут, нужны другие качества.

За перегородкой снова наступила тишина.

— А не переоцениваете ли вы, Захар Иванович, это-

го Шлауберга и его разведку? — спросил наконец Степняк. — У страха, говорят, глаза велики! Ну, положим, сняли с постов нескольких солдат... Да когда же такого не бывало? Они у нас, мы у них...

— У меня гибнут не одни солдаты. Недавно ударом ножа в шею был убит командир огневого взвода лейтенант Гончаров. Правда, он был зенитчик, а не пехотинец...

— С ним погибла санинструктор Рогозина, — подсказал кто-то.

— Да, знаю. — Степняк помолчал. — А тот лейтенант? Он что, оказывал сопротивление?..

— Да. Возле него нашли его собственный кинжал и следы крови. Кровавый след вел через овраг к реке. Там обрывался. Скорей всего труп убитого Гончаровым разведчика эсэсовцы спустили под лед.

И снова за перегородкой долго молчали. Затем подполковник сказал:

— Конечно, «язык» им необходим. Что за люди пропавшие солдаты? Могли они, скажем, под пыткой сообщить немцам важные сведения?

— Важнее всего для Шлауберга знать состав моего полка. А эти сведения получить не так уж трудно. Солдат он брал из всех трех батальонов.

— Значит, вы считаете, полковник, что теперь они знают, с кем имеют дело?

— Считаю.

— И думаете, что после этого пойдут на прорыв?

— В самое ближайшее время. Фронт пока еще близок.

— Это верно. Против нашей армии на линии фронта у них две танковые дивизии и тринадцатый механизированный корпус. Многовато. Если у ваших подопечных, Захар Иванович, рации в порядке, они довольно скоро договорятся.

— Рации у них в порядке.

— Что же они передают?

— Не знаю. В иностранных языках не силен, а переводчик по штату не положен.

— Капитан Раменский, надо немедленно прислать кого-нибудь, знающего немецкий. Там у нас есть бывшие учителя...

— Слушаюсь.

— Кто стережет Шлауберга с востока, Захар Иванович?

— Пятьсот двенадцатый и частично батальон Сиротина.

— А на севере? Простите, я человек новый...

— Там болота. Чаше всего незамерзающие, а у Шлауберга полно всякой техники. Движение его в том направлении маловероятно, но на всякий случай там наши пулеметные точки.

— Выходит, у него действительно нет другого пути, кроме как идти на вас... Хорошо, я доложу о вашем положении, думаю, командование сможет выделить немного техники. Со специалистами хуже. Армия сейчас в трудном положении, а наверху — вы понимаете меня? — ждут результатов именно на нашем участке. И немедленно! А это уже не шуточки. Говорю вам как бывший работник штаба фронта.

— Нам бы дальнобойную в первую очередь! — сказал Бородин. — И снарядов побольше. Разгромили бы за милую душу.

— Без вас разгромят, придет время. Ваша задача удержать их на месте любой ценой. Слышите? Любой! Покуда у армии появится возможность с ними разделиться. Выполните задачу — честь вам и хвала, не выполняйте... — Степняк вздохнул, заскрипели ремни портупей, видимо, поднялся со скамьи. — Я вам не завижусь.

Разведчики кинулись к выходу. То, что они сейчас услышали, было в полном смысле военной тайной. Возможно, им тоже дадут прикоснуться к ней, но только с краешку. В армии и разведчику полагается знать не больше, чем надо для выполнения задания.

Вызвали их сразу же после отъезда оперативников. Кроме командира полка, начальника разведки дивизии майора Розина и начальника штаба дивизии полковника Чернова, в блиндаже находилось человек пять офицеров штаба полка. Разведчиков попросили подойти к столу. Офицеры придвинулись ближе, вынули и разложили на коленях карты. Необычное совещание началось.

Необычным и удивительным было то, что офицеры штаба обращались с ними как с равными и ничего не скрывали, повторяя почти все то, что говорилось получасом раньше. Постепенно необычность обстановки перестала отвлекать и смысл сказанного начал доходить до сознания во всей своей суровой неприкрытости.

— В расположение окруженной немецкой группировки, — сказал начальник разведки, — мы посылаем три группы. Их основная задача — засекать любые передвижения противника, возможно точнее определить численность личного состава и техники, направление движения и действия противника. Вот почему ваши группы маневренные. — Майор обвел сидящих острым, как бурав, взглядом. — Нам особенно важно знать место сосредоточения сил врага, выяснить направление предполагаемого удара. Прошу следить по карте... Старшина Верзилин! Сидите, сидите... Маршрут вашей группы: от точки перехода через реку — она вами изучена — до селения Бязичи идете вдоль западного края лесного массива, затем пересекаете... — Он нагнулся, чтобы разглядеть обозначения на карте. — Здесь, по-видимому, болото. Как вы думаете, товарищи?

— По-моему, вполне проходимое, — сказал полковник Чернов.

— Во всяком случае, должно быть проходимым зимой, — подтвердил начальник разведки полка капитан Ухов. — Извините, товарищ майор, мы сделали все, что могли...

Розин недовольно покачал головой.

— К сожалению, наши доморощенные разведчики дошли только до его края и ничего определенного сказать не могут. Но над болотом стоит туман. Это надо учесть. Возможно, местами оно не замерзает. Вам это тоже предстоит узнать, товарищ старшина. Итак, пересекаете болото с запада и выходите к Бязичам. Отсюда впервые посылаете донесение голубиной почтой. В наше время такая связь — диковина, следовательно, ваши донесения немцы не перехватят. О дальнейших действиях вас уже инструктировали, но есть кое-что новенькое. — Он подождал немного, пока затих скрип скамеечек. — Есть сведения, к сожалению, пока не проверенные, что сейчас Шлауберг находится в своей резиденции на хуторе Великий Бор. Тут есть старая помещичья усадьба, до войны в ней помещалась начальная школа. При генерале до двух батальонов эсэсовцев, техника. А вот какая, выяснить не удалось. Предполагаем, что это бронетранспортеры и самоходки — все то, что можно быстро перебрасывать с места на место. Перед хутором с юга на север тянется озеро Лебяжье. Судя по карте, оно около трех километров в длину. На юг и на восток от него местность болотистая, стало быть,

Шлауберг обойдет озеро с севера. Здесь на его пути Бязичи... Вам все ясно, старшина?

Верзилин вскочил, вытянул руки по швам.

— Так точно, товарищ майор!

— Главное — не упустите его передовые подразделения. Следите за ними. И будьте предельно осторожны: подразделения Шлауберга могут быть рассредоточены по всей этой территории. — Майор обвел рукой центральную часть карты. — При наличии автомашин и другой техники такая рассредоточенность не мешает ему в один прекрасный момент собрать все силы в кулак. Ну, с вами все, желаю удачи.

— Разрешите мне. — Сашкин голос сорвался, он закашлялся, покраснел. Лица офицеров повернулись в его сторону. — Разрешите, товарищ майор, мне... моей группе взять маршрут старшины Верзилина, потому что ему все равно, а мне, у меня... В общем, я его квадрат как свои пять пальцев знаю.

Полковник поднял на него свои черные, цыганские глаза.

— Что, родом отсюда?

Стрекалов замялся.

— Да не то чтобы родом... Служил здесь. Неподалеку...

— В самоволку бегал, вот и знает кое-что, — пояснил за него Чернов. Тонкие губы Розина тронула едва заметная усмешка.

— Это правда?

Стрекалов пожал плечами:

— Почему же непременно в самоволку? За продуктами ездил неоднократно. Опять же насчет гужтранспорта посылали... Да и при отступлении пришлось в этих лесах плутать.

— Ясно. — Розин положил на стол карандаш. — Как ваше мнение, товарищи?

Офицеры зашумели. Выслушав каждого, Розин снова взял в руки карандаш, постучал им по столу.

— Значит, так: менять маршруты не будем. Старшина Верзилин сам опытный разведчик, а его направление наиболее вероятно для движения Шлауберга. Дублировать его будет группа старшего сержанта Драганова. Таким образом, в квадрате «4-а» будут действовать две группы. Третий по значимости маршрут группы сержанта Стрекалова. Нам стало известно, что в Алексичах Шлауберг сосредоточил довольно крупные

силы. Для какой цели — пока неизвестно. Не исключено, что удар будет именно в этом направлении. По крайней мере, именно здесь находится наиболее сильная радиостанция, с помощью которой Шлауберг договаривается с Бушем. Поэтому мы решили этой группе дать рацию и радиста. Четвертым в группе Стрекалова будет переводчик.

— Разве он уже прибыл? — поспешно спросил капитан Ухов.

— Из штаба еще нет, — ответил Розин, — но у нас неожиданно обнаружился солдат, владеющий немецким. Он сам попросил взять его в задание, непременно с сержантом Стрекаловым. Мы с начальником штаба решили рискнуть...

Он кивнул оперативному дежурному, плащ-палатка, разделявшая блиндаж надвое, колыхнулась, и перед изумленным взором Стрекалова появилась красная от смущения и радости физиономия Сергея Карцева. Очки в роговой оправе задорно поблескивали.

— Студент! — простонал Сашка. — Без ножа резал!

В свой орудийный расчет Стрекалов больше не попал. Его группу поместили в отдельной землянке, где раньше жили связисты. В железной бочке жарко горели дрова, заново набитые сеном матрацы испускали медовые запахи и манили в свои объятия.

— Связисты для нас постарались, — обронил Зябликов, когда Сашка вошел. Раздетый до нижнего белья, он колдовал над рацией. Богданов крепко, по-младенчески, спал, причмокивая губами, Сергей Карцев — он пришел сюда раньше Стрекалова — безуспешно пытался пришить чистый подворотничок к гимнастерке. Через пять минут выяснилось, что новые ботинки ему велики, шерстяные домашние носки прохудились, а наматывать портянки он так и не научился.

— Уродит же иная баба... — ворчал Стрекалов, направляясь к старшине в каптерку. Но нужного размера и там не нашлось. — Хай обувае яки е, — решил Батюк. — Бильше портянок наматае, теплише буде.

На том и порешили. Сидя на нарах, студент виновато моргал близорукими глазами.

У Стрекалова имелись наручные часы. Правда, женские. Шли они не так чтобы очень плохо. Нормально

шли. Не любили только покоя. Если Сашка останавливался, вставали и они. Поэтому сержант взял за правило передавать их каждому очередному часовому, заступающему на пост.

— Пускай по морозу побегают, — говорил он.

В начале первого ночи Стрекалов вышел из землянки. Сегодня в ноль часов тридцать минут должна уйти в тыл противника первая группа Верзилина, за ней через полчаса — Драганова. Ровно через сутки в это же время наступит и его, Стрекалова, черед.

Незаметно для часовых он покинул траншею и, прополз по-пластунски метров двести, залег, выбрав пригорок повыше. Здесь было ветрено и небезопасно — могли подстрелить свои, — но зато отсюда можно было увидеть даже слабый огонек на том берегу, услышать выстрелы.

Стрекалов не знал, в каком месте обе первые группы будут переходить реку, и поэтому наблюдал за всем видимым пространством. Ночь стояла тихая, безмолвная; казалось, немцы покинули позиции на том берегу. Сквозь легкую мглу кое-где мерцали звезды — быть назавтра метели, — легкий морозец чуть трогал нос, щеки.

Сержант отогнул рукав; большая стрелка только только подобралась к цифре 6. Стрекалов сдвинул шапку набок и, повернув голову, ловил ухом слабый ветерок. За рекой было по-прежнему тихо. Прошли или завалились? Видимо, прошли.

Сержант тем же путем вернулся в землянку. Его группа спала, возле двери стоял незнакомый часовой, а у стола сидел молоденький младший лейтенант, которого Сашка тоже видел впервые.

— Где вы были, сержант? — строго спросил он.

— До ветру бегал, — не моргнув глазом, ответил Сашка.

— Почему не доложили? — Младший лейтенант старательно хмурил тонкие, дугой изогнутые брови. — Я командир взвода разведки.

— Сержант Стрекалов, — представился Сашка, — командир отделения. Стало быть, группу поведете вы?

— Нет, группу поведете вы, — не смутившись, ответил младший лейтенант, — я в другой раз.

Стрекалов успокоился.

Младший лейтенант скомандовал «подъем», выстроил всех в одну шеренгу и тщательно проверил все, на-

чая с брючных карманов и кончая оружием. Документы, красноармейские книжки, комсомольские билеты и письма Стрекалов сдал еще вечером, но у Карцева в кармане оказался листочек с новыми стихами...

— На первый раз делаю вам, сержант, замечание, — сказал командир взвода, закончив проверку, — больше чтоб этого не было.

Весь этот день Сашка с Богдановым провели на Убойном. Окопчик был неглубок — поленились наблюдатели сделать его поглубже — и не спасал от ветра. Тулуп Сашке достался дырявый, валенки просушить он не успел и к вечеру совсем закоченел. Глеб сначала посмеивался, потом сам начал страдать, правда, по другой причине.

— Хотя бы на самую маленькую оставил! — ворчал он, вытряхивая карманы. — Может, у тебя где завалялся чинарик?

Сашка мотнул головой: его карманы младший лейтенант потрошил особенно тщательно.

Квадрат действия группы Стрекалова ограничивался на юге грейдерной дорогой, на востоке — небольшим озерком без названия, на севере — деревней Юдовичи. В хорошую погоду с такой высоты весь его квадрат был бы, наверное, виден, но, как нарочно, с раннего утра погода испортилась. Легкая поземка постепенно превратилась в настоящую пургу; пелена снега окутала все вокруг, и единственное, что они еще видели, это корявый ствол изуродованной снарядом березы на обрыве у реки, откуда завтра начнется их путь в неизвестность.

Пользуясь метелью, в неурочное время к ним пришел капитан Ухов. Именно пришел, а не приполз, так как после полудня видимость стала еще хуже. Сидеть в нейтралке в таких условиях становилось бессмысленно. Вместе с капитаном пришел и младший лейтенант.

— Ну что, старшой, ничего нового? — спросил капитан и достал папиросы. Закурили все, кроме младшего лейтенанта.

— А ты чего, Сулимжанов? — спросил Ухов. — Бросил, что ли?

— Не положено, товарищ капитан, — сурово ответил тот. Шел он сюда согнувшись, а подойдя, спустился в окоп и сидел там, не поднимая головы. — Немцы заметят.

Ухов засмеялся.

— Чудак! День ведь, а не ночь — это во-первых.

Во-вторых, метель, а в-третьих, дорогой Мустафа, делать можно все, если умеючи. Вот смотри! — Он сильно затянулся папиросой, спрятав ее в рукав шинели. — Заметил огонь?

— Нет, не заметил.

— То-то!

— Огонь не заметил — запах слышал.

— А ветер? Откуда дует ветер? К нам дует, а не от нас!

— Это правда, — не сразу ответил Сулимжанов, — только нарушать все равно не положено.

Ухов усмехнулся, покачал головой, дескать, вот уже и яйца курицу учить начинают, но это было не осуждение, а скорее гордость за своего нового подчиненного.

— Умный мужик этот капитан, — сказал Стрекалов, когда офицеры ушли, — понимает, что курить все равно будем, так чтоб делали это умеючи...

— Значит, все еще учат? — с сердцем воскликнул Богданов. — А я, признаться, думал, что с этим покончено!

— С чем покончено? С учебой? — изумился Сашка. — А ты знаешь, что говорил старшина Очкас?

— Не знаю, — произнес Богданов.

— Он говорил: «Разведчик учится всю жизнь, а погибает все-таки из-за пустяковой ошибки».

Богданов покосился на сержанта и ничего не сказал.

Часов в пять, когда было уже темно, их отозвали с Убойного.

В землянке Стрекалов разделся до нательного белья, чего не делал с госпиталя, и, накрывшись настоящим одеялом, байковым, таким же мягким, как в госпитале, захрапел. Богданов и Зябликов последовали его примеру. Теперь для них не существовало ни подъема, ни команды «в ружье!», ни «к орудию!». В какой-то момент они перешли черту, которая отделяет обыкновенных людей от тех, кому суждено нечто иное. По неписаному закону они могли позволить себе многое, что было запрещено другим, ибо они были теперь не прежние, а совсем другие, находящиеся на особом положении. Привилегированность разведки никем искусственно не создается, но она исходит из самих условий, в которые эти люди поставлены. Война никого специально для войны не отбирает. По мобилизации в строй становятся люди разные, иногда такие, которым лучше бы сидеть

над чертежами, для которых рытье окопов — каторга, сон на свежем воздухе — нездоровье, обычный бой — психическая травма. В разведке таких нет и быть не может. Разведка — это призвание, профессия; разведку надо любить. Обычное для других пехотных подразделений принуждение здесь противопоказано и встречается крайне редко. С тем, кого пришлось принудить, обычно вскоре расстаются навсегда...

Обо всем этом мог бы поведать своим подчиненным сержант Стрекалов, но, во-первых, у него на это не оставалось времени, во-вторых, он не любил громких фраз. Для него служба в разведке была просто трудной работой. То, что в его группу «снули» Сергея Карцева, его не на шутку тревожило. Кто не был в поиске, тот не знает, каково приходится разведчику, когда сзади плетется недотепа, которому то и дело требуется нянька. В то же время Стрекалов понимал, что переводчики в армии не валяются. Старшина Очкас, например, — он тогда еще был сержантом — несколько раз ходил на задание с пожилым человеком — учителем по профессии. Случалось Очкасу на спине приносить обратно своего переводчика — не выдерживал тот длинных переходов, — и он очень горевал, когда учителя взяли в штаб дивизии.

До некоторой степени мирило Сашку с Карцевым еще одно обстоятельство: умел студент в нужный момент находить точные слова, после которых все становилось на свои места.

Как-то Сашка спросил, как ему это удастся. Студент глянул на него, протер очки и ответил:

— Это за меня логика делает. Наука такая есть.

«Одолеть бы мне эту науку, — подумал Сашка, — я бы давно в командиры взвода вышел...»

В последний раз пришлось Стрекалову побывать в штабе вечером — вызвали для встречи с корреспондентом фронтовой газеты «За Отчизну!».

То, что корреспондент оказался девушкой, Сашку неожиданно развеселило. Молоденькая, светловолосая, она сидела за столом и во все глаза смотрела на Стрекалова.

— Вам и раньше приходилось ходить в разведку? — задала она первый вопрос и замерла, подняв авторучку, приготовившись занести на бумагу Сашкины слова.

— Сотни раз, — не моргнув глазом, охотно сообщил Сашка.

Корреспондент что-то записала в блокнот.

— Судя по всему, для вас это дело привычное?

— Угу.

— Расскажите, с каким заданием вас посылают сейчас?

Стрекалов удивленно поднял брови.

— Разве вас не предупредили, что рассказывать об этом я не имею права?

— Это так, — подтвердил начальник штаба майор Покровский, — вот уж когда вернется...

— Извините... — Она покраснела. — Тогда расскажите, что вы чувствуете каждый раз, когда идете в очередную разведку. Чувствуете ли вы особый прилив сил, вдохновения, что ли?.. Не кажется ли вам, что в этот момент за вами следит... вся страна?

— Чувствует, — поспешил заверить ее Покровский. — Все он, конечно, чувствует, только не всегда может это выразить.

Девушка снова что-то записала.

— Ну а в личном? — спросила она уже уверенней, взглянув на Сашку.

— Что в личном? — спросил он.

— У вас есть дети?

— Думаю, что нет.

Девушка перестала писать и даже немного откинулась назад.

— То есть как это, думаете? Вы что, не знаете? — Сашка молчал. — А, понимаю! У вас, может быть, родился сын или дочь, а вы об этом не успели узнать. — Она торопливо и радостно принялась нанизывать строчку за строчкой. Покровский укоризненно покачал головой.

— Ну вот, теперь вам легче будет сказать мне, что вы чувствуете, вспоминая свою семью... — Она сложила руки в кулачки и прижала их к груди. — Вы не удивляйтесь, но нам, то есть газете, это очень важно знать!

— В личном плане я ничего чувствовать не могу, — сказал Сашка, — не положено.

Майор крикнул от досады и отвернулся.

— Я понимаю... — Трофейная авторучка отказывалась служить. То ли в ней кончились чернила, то ли девушка в волнении открутила не то. — Здесь много

всяких тайн, но ведь личные чувства война — это же не военная тайна! Об этом же можно! — Она с мольбой взглянула на Сашку. — Ну, пожалуйста, хоть что-нибудь! Видите ли, у нас редактор... Ему вынь да положь очерк о разведчиках, а у меня без лирики не получается... — Она склонила голову и стала рисовать на бумаге квадратик. — И вообще я в газете вторую неделю.

Покровский присел на скамейку.

— А до газеты где служила? Или, может, прямо с гражданки?

— Нет, до газеты я в политотделе работала. А туда прямо из института. Только начала привыкать, а тут: «Вы нужны в газете...»

Металлический колпачок авторучки звякнул, покаптался и исчез под столом. Девушка поспешно нырнула за ним и здесь встретила Сашку.

— Знаете, я понял, что я чувствую, — шепнул сержант, в темноте ловко схватив ее тонкое запястье, — я чувствую, что полюбил вас с первого взгляда. Если вернусь живым...

— Пустите руку! — попросила она.

— Обещайте, что выйдете за меня замуж!

— Вы что, не нашли более подходящего места для объяснения?

— Не нашел. При свете я краснею.

— Что-то не заметила... Да пустите же меня! Ах!

— Ну что, нашли? — как-то уж слишком заботливо спросил Покровский, заглядывая под стол. — Ну-ка, Ошурков, посвети им фонариком!

— Спасибо, не надо, — испуганно ответила девушка, встала, скомкала исписанные листы, сунула блокнот в карман.

— У меня все, товарищ майор, разрешите идти? — Лицо ее пылало.

— Как, уже? — удивился начштаба. — А я слышал, будто все корреспонденты ужасно надоедливые люди. Простите великодушно...

— Значит, не все... Разрешите идти?

— Ну что вы заладили, идти да идти! Оставайтесь, чайку попейте. Я вас вареньем угошу. Клубничным.

— Спасибо, меня машина ждет.

— Подождет, ничего не случится. Ошурков, неси чай!

Длинный нескладный Ошурков в помятой, кое-как заправленной под ремень гимнастерке принес большой

алюминиевый чайник и две кружки. Потом снова нырнул в угол, занавешенный плащ-палаткой, и появился, держа в руках двухлитровую стеклянную банку, завязанную чистой белой тряпочкой.

— Вот, все тут...

— Ты что, не видишь? Три кружки! — сказал, не слушая его, начштаба. — Садись и ты, сержант. Наверное, давненько домашнего варенья не пробовал.

— Так точно, товарищ майор, — согласился Стрекалов, — третий год казенное варенье едим, надоело.

Майор добродушно засмеялся, едва заметная улыбка тронула губы девушки. Она все еще стояла возле двери, только теперь слегка прислонилась к косяку. Майор взял ее за руку, усадил за стол.

— Нечасто и нашему брату приходится вот так, домашнему... Ошурков, а колбаса где? Ты что же, а? Сам не дошурupil?

— Я-то дошурupil, — сказал, выходя из-за плащ-палатки, Ошурков, — да только нету ничего. Одна казенная питания осталась. Был давеча шматок сала, так вы его тому беженцу отдать приказали.

— Да, верно! — подумав, сказал майор. — Такой, понимаете, забавный парнишка. «Я, — говорит, — товарищ красный командир, скоро сам немца бить стану, только вот на ноги поднимусь. Отощал малость...»

Несговорчивый Ошурков все-таки сжалился и принес немного домашней, пахнувшей чесноком бараньей колбасы, сдобных сухарей, козьего сыру и, главное, шоколадных конфет. Девушка-корреспондент понемногу оттаяла, оживилась, глаза ее подобрели. Обхватив кружку обеими руками, она дула в нее, близко поднося к лицу, и от этого на ее коротком, чуть вздернутом носу появились капельки пота. На Стрекалова она больше не взглянула ни разу, зато он не спускал с нее глаз. Ему нравилось, как она держит кружку, как пьет — беззвучно и незаметно, — как откусывает от конфеты крошечные кусочки мелкими и белыми как снег зубами.

— Из сорока двух учеников моего класса, — говорил, расчувствовавшись, майор, — предвоенного выпуска только шестеро не поступили в институт. Остальные блестяще сдали экзамены и, если бы не война... Да вы ешьте, не смотрите на меня. Мне ни баранины, ни шоколада нельзя... Да, а его вы сфотографируйте обязательно. Может, с точки зрения женщин и не боль-

но красив, но как военный могу сказать: этот юноша далеко пойдет. Если, конечно, с ним ничего не случится...

— Здесь мало света, — сказала она, — и вообще... поздно. Разрешите мне уехать, товарищ майор. Меня ждет редактор.

Сашка ее не провожал. Он презирал интеллигентские штучки...

— Дикарь ты, брат! — сказал, вернувшись, майор. — Даже не проводил!

— Приказа не было, товарищ майор...

— Каждый уважающий себя обязан уважать и других. Тем более если это женщина!

РАДИОГРАММА

«Секретно!»

*В штаб 10-й Отдельной механизированной бригады СС
х. Великий Бор, 7 декабря 1943 г.*

Довожу до вашего сведения, что операция по прорыву на запад утром 7 декабря не состоялась. Несмотря на наличие во всех подразделениях достаточного количества автомашин, 430-й полк прибыл в район сосредоточения с опозданием на 1 час 10 минут, а 277-й отдельный саперный батальон на 1 час 42 минуты. Во избежание напрасных потерь я вынужден был отменить наступление. Напоминаю: успех всей операции возможен только под покровом темноты или в сильный туман. Только паника в рядах большевиков, растерянность, вызванная внезапностью нашего наступления, могут обеспечить нам победу. В данном случае эти важные факторы были утеряны.

Вину за несвоевременный выход в район сосредоточения пехотных подразделений отношу целиком за счет халатности бывшего командира 430-го пехотного полка майора Лернера и бывшего командира 277-го отдельного саперного батальона гауптмана Байера.

Приказываю: обоих передать военно-полевому суду.

Требую от всех командиров частей: впредь назначать командирами рот и взводов только офицеров СС.

Командиром 430-го пехотного полка назначаю своего заместителя, штурмфюрера СС Эрвина Ченчера.

Бригаденфюрер СС Шлауберг».

РАДИОГРАММА

«Совершенно секретно!»
Командующему 2-й армией фельдмаршалу фон Бушу
х. Великий Бор, 7 декабря 1943 г.

Согласно вашему приказу от 24 ноября с. г. продолжаю удерживать позиции в треугольнике Платов — Ровляны — Окладино, находясь при этом в полном окружении. Насколько я понимаю, ваши планы — прорвать фронт русских — изменились. Произошло ли это в результате недавнего наступления большевиков или по какой иной причине, судить не смею. Верные долгу и фюреру, мы продолжаем выполнять ваш приказ. Вероятно, до вас доходят сведения, кроме тех, которые я посылаю регулярно, о боевых действиях, проводимых нами, крупных и мелких диверсиях в тылу русских. Считаю долгом напомнить, что именно в результате этих действий русские продолжают удерживать в районе Платова и Ровлян в общей сложности около дивизии, которая, не будь нас, была бы поставлена против 2-й армии.

Считаю долгом сообщить, что у вверенных мне частей на исходе бензин и боеприпасы, нет медикаментов, продуктов питания.

Все вышеизложенное заставляет меня заявить следующее: если в течение ближайшей недели мы не получим действенной помощи, Германия лишится своих лучших солдат!

Бригаденфюрер СС Шлауберг».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
ЭТОГО НЕ ЗНАЕТ
НИКТО

В полночь Сашкину группу подняли, и младший лейтенант Сулимжанов еще раз проверил не столько экипировку — это, он знал, будет как надо, — сколько карманы: вчера вечером была почта и кто-нибудь мог сохранить конверт с номером полевой почты.

Из землянки Стрекалов вышел первым. Недалеко от входа стоял старшина Батюк.

— Что, Гаврило Олексич, проститься пришли? — спросил Сашка. — Отпускаю грехи ваши с миром...

— Ось туточки, — начал старшина, не слушая Сашку, и в руке его матово блеснула трофейная сталь, — подарок тебе. Можэ, сгодится.

— Да у меня свой есть, — ответил сержант, но, взяв тяжелый кинжал, тотчас оценил его по достоинству. Темное широкое вначале лезвие заканчивалось острым конусом; тяжелая, особой прочности рукоятка покрыта гофрированной резиной: не соскользнет рука, не сломается такой клинок, не пролетит мимо, посланный издали опытной рукой.

— Спасибо, товарищ старшина! — Сашка был не на шутку растроган. — Вот отблагодарить нечем. Разве что этот, казенный...

Батюк молча взял Сашкин штык от СВТ, сунул за пояс.

— Тютюн е?

Кисет у Сашки был полон, но запас, как известно, шею не трет, и Стрекалов оттопырил карман.

Из землянки один за другим выходили толстые, неповоротливые фигуры. За неимением маскхалатов бойцы были одеты поверх телогреек и штанов в кальсоны и ночные рубашки больших размеров, ППШ забинтованы.

— Ну, теперь Шлавубергу крышка! — невесело пошутил старшина, видя, как неуклюжие фигуры переваливаются через бруствер.

Стрекалов закусил губу.

— Ничего, обомнутесь...

Он подал старшине руку и пошел следом за младшим лейтенантом. Батюк подождал, пока они скроются в ночи, и, прихрамывая, вернулся к себе в каптерку: в дополнение к ревматизму открылась старая рана в бедре.

В овраге, неподалеку от того места, где был убит лейтенант Гончаров, разведчиков ждали капитан Ухов и командир саперного взвода.

Капитан взглянул на часы, снял шапку, подвязал уши, чтобы лучше слышать, и снова надел.

— Время! Как говорится, ни пуха, ни пера! Товарищ сержант! — Он отвел Стрекалова в сторону, протянул на ладони два патрона к ракетнице. — Возьми.

— У меня есть, — сказал Сашка.

— Таких нет. Положи отдельно. Это на самый крайний случай...

Стрекалов понял не сразу.

— Это если возьмут за глотку, что ли?

— Тогда будет поздно. Чуть пораньше...

— Ясно, товарищ капитан.

— Время! — повторил старшина-сапер и двинулся вдоль оврага к реке.

До берега дошли быстро — в глубоком снегу была протоптана тропинка. Возле разбитой снарядами березы стояли два сапера.

— Что нового, Опарин? — спросил старшина пожилого ефрейтора с лицом темным и худым.

— Ничего, — коротко ответил тот.

— А колючка?

— Да нет ее, я же говорил! Банки набросали так, для видимости.

— Так ведь банки-то в ряд! Как на проволоке!

— Ну так что? — отозвался второй, который был намного моложе Опарина. — На то и расчет.

Старшина покосился на Стрекалова.

— Ладно, сам проверю.

Он пополз вперед. Опарин плюнул в снег, вытер усы ладонью.

— Вот же настырный! Говорю — нет, так не доверяет!

— О чем это? — спросил Стрекалов.

— Да колючка ему пригрезилась, — нехотя отве-

тил Опарин, — немцы консервных банок накидали, а ему пригрелось.

— Зря не накидают, — заметил Стрекалов.

— И ты туда же? Тогда иди проверяй, умник!

— Это твое дело, — сказал Стрекалов, — ошибешься — гляди!

Ждать долго не пришлось. Старшина вернулся, лег под бугорок, вытер вспотевшее лицо.

— Веди, Опарин, я тут останусь.

— Только время потеряли! — ворчал Опарин, закидывая за спину автомат.

Пользуясь метелью, до середины реки прошли в рост, потом сапер махнул рукой, и все поползли. Позади тащился Карцев. Даже сквозь вой ветра слышно было его хриплое дыхание.

Во время одной из коротких остановок Опарин сказал:

— Между прочим, одни такие уже засыпались. — Он был сердит на Сашку за недоверие. — Ракету бросили. Красную, трехзвездную. У немца тут таких нет. Мол, погибаем...

— Тихо ты! — Сашка оглянулся. Из-под белого са-модельного чепчика на него, не мигая, смотрели спокойные глаза Богданова.

— Может, ты чего перепутал, товарищ сапер? Когда это было?

— Давеча, в двадцать два тридцать. Товарищ майор время засекали.

Стрекалов прикинул. Двадцать два тридцать — это когда он преспокойно спал в землянке... Почему же Ухов не сказал ни слова о таком деле?

— Трехзвездную, говоришь?

— Трехзвездную, точно. — Опарин уже досадовал на себя за длинный язык. — Товарищ майор как увидели, так аж зубами заскрипели. Да ведь и то сказать: та группа не чета вашей. Ребята один к одному... Да ты что, не слышал, что ли?

«Откуда мне услышать?» — подумал Сашка и незаметно для Опарина вытащил из кармана патроны. На картонной поверхности были ясно видны три бугорка. Значит, для кого-то уж пришел он, этот крайний случай...

— В какой стороне была ракета?

Опарин молча показал рукой на северо-запад. Там Верзилин и Драганов. Который из них засыпался?

Полежав ровно столько, чтобы убедиться, что они не обнаружены, Опарин снова подал знак, и группа поползла вперед. Он был опытным солдатом, этот ефрейтор, и Стрекалову жаль было расставаться с ним.

До берега оставалось совсем немного, когда Опарин повернул и пополз влево, мимо крутояра, где на фоне неба просматривались кольца с колючей проволокой. Скоро крутояр кончился, и Стрекалов увидел узкий и глубокий овраг, уходивший на восток. По-видимому, здесь было устье речки или ручья. Вдоль русла тянулся засыпанный снегом ольховник. Иногда он достигал большой высоты, тогда голые ветви смыкались, образуя высокий кружевной шатер. В нескольких местах овраг пересекали колышки с колючей проволокой. Здесь она была напутана гуще, чем на высоком берегу, и имела вместо одного два кола, из чего Стрекалов заключил, что место это охраняется слабее. Перед заграждением тут и там валялись банки из-под свиной тушенки и гороха. «Похоже, действительно только пугают», — подумал разведчик, однако то обстоятельство, что многие банки были светлыми, не успевшими поржаветь, доказывало, что немцы посещают этот ручей не так уж редко.

В том месте, где кончался след, проделанный саперами, снег был особенно глубок. Проверив еще раз узкую лазейку, Опарин отвалился в сторону, пропуская мимо себя разведчиков. Далее путь их лежал по снежной целине, возможно, до самого конца, до таинственных Алексичей — не то деревни, не то села, — отмеченных на карте кривоватым крестиком. Чтобы добраться до этих Алексичей, группе надо было пройти пять или шесть километров, из них один или два ползком. Стрекалов знал, что последнее особенно трудно новичкам, и поэтому без лишних слов отобрал у Карцева весь груз, оставив только оружие. Хорошо, если студент не выдохнется сразу, на первом этапе, который группа должна преодолеть как можно скорее.

Но беспокоил его не только Карцев. Что, если ручей возьмет да и повернет на юг? Правда, до лесной опушки около пятисот метров, но ведь это если по прямой. А разведчики по прямой ходят только в учебном полку, в остальное время приходится петлять. Когда, по расчетам Стрекалова, немецкая траншея осталась по-

зади, он выглянул из оврага, чтобы уточнить направление. Пока все шло нормально. Впереди и немного левее был виден лес, дальше тоже маячила зубчатая гряда, прерываемая впадинами, постепенно исчезающая в снежной мгле; назад и в стороны уходило ровное поле с редкими невысокими деревцами.

Что, если главная линия обороны немцев находится здесь, на лесной опушке? На месте Шлауберга Стрекалов так бы и сделал, оставив на речном берегу жидкую линию траншей и в ней по одному-два солдата на каждые сто метров.

Со времени прохода группы в тыл врага прошло больше часа, а над траншеями взлетело лишь около десятка ракет, не более пяти слышались ленивые пулеметные очереди, с промежутками в пять-десять минут постреливал одиночка — возможно, снайпер. Даже когда по договоренности с нашей стороны усилился огонь на правом фланге, чтобы отвлечь внимание немцев от этого ручья, немецкий порядок не нарушился: русские батареи еще стреляли, а немцы уже прекратили ненужную для них трату боеприпасов. По-видимому, Шлаубергу удалось-таки получить от пленных кое-какие сведения о силах полковника Бородина...

Пока Стрекалов наблюдал, его группа успела немного отдохнуть. Для Карцева такой бросок оказался слишком трудным. Лежа в глубоком снегу, он хватал его горстями, совал в рот. Его мучила жажда. Рядом парила перевернутая кверху дном шапка.

Стрекалов спустился вниз, кинжалом пробуравил во льду отверстие, напился сам, дал напиться остальным. Ручей как будто не собирался никуда сворачивать, и сержант повел группу дальше по его руслу. Он понемногу успокаивался: первый, самый тревожный час остался позади, немцы их пока не обнаружили. Сергей оказался более стойким, чем был вначале. Правда, он все еще плелся позади всех, но уже не отставал, дышал ровнее и даже сам забрал у Богданова вещмешок с магазинами к ППШ.

Взглянуть на карту Стрекалов не мог. Учитывая это обстоятельство, он еще в землянке связистов запомнил весь первоначальный отрезок пути. В трех километрах от берега Пухоти на карте значилась деревня Березовка.

— Пойдешь на восток, — сказал Стрекалов, передавая Богданову компас, — село в километре или

меньше. Два мы уже прошли. Если напорешься на немцев, уходи не к нам, а на север, к дороге. Там встретимся.

Глеб кивнул и пошел вперевалочку, слегка сутуля плечи.

Вернулся он довольно быстро. Стрекалов про себя отметил, что шел он почти бесшумно, не сбивал снег с ветвей, шел по своему следу и второго не делал...

— Нету деревни. Была, а теперь нету. Спалили.

Стрекалов не удивился.

— Давно спалили?

— Давно. Головни из-под снега торчат.

— Обследовал?

— Зачем? И так все ясно.

— А ну пошли!

Место, где была деревня, увидели еще издали — над молодым сосняком и кустарниками поднималась в небо похожая на облако дыма серая куча. В ней, как паучки, разбросаны черные точки — грачиные гнезда.

Не выходя из сосняка, несколько минут наблюдали, потом поднялись по угору к первым березкам. Здесь, возле торчащих из-под снега головешек, кончился след, оставленный Глебом.

Стрекалов метнул на него гневный взгляд.

— Эх ты, а еще старый вояка!

— Так все же ясно...

— Может, тебе ясно. А мне нет! Почему здесь пусто? Близо от передовой и пусто. — Стрекалов оглядел расстилавшуюся перед ним равнину. — Как на хорошем НП.

— Товарищ сержант, вроде след! — Зябликов стоял нагнувшись. Стрекалов тоже присел на корточки, накрылся плащ-палаткой, включил фонарик. Стали заметнее отпечатки сапог с подковками в виде рассеченного полумесяца. Прошли двое. У второго на сапогах не было подковок и каблуки сильно скошены внутрь. Первый, с подковками, след вел в деревню, другой — в противоположную сторону. Этот был совсем свежий.

— Ждите меня здесь, — приказал сержант, — если появится группа, ликвидируйте. Только постарайтесь без шума.

— Понятно, командир, — ответил за всех Глеб.

— А если один — пропустите.

— Зачем? Лучше уж и его...

— Делайте что приказано.

Он шел в деревню со странным чувством, будто где-то, когда-то все это он уже видел и что сейчас или через минуту произойдет то, что было два или три года назад. В памяти всплыло лицо старшины Очкаса. Отто Людвигович не любил многолюдных рейдов, предпочитая обходиться малым числом бойцов, зато подбирал их сам, и тут уж никто — ни командир роты, ни начальник разведки — не вмешивался: у Очкаса на людей было какое-то особенное чутье. Затем начиналась учеба. Задолго до выхода на задание каждый боец знал свои обязанности. Так, если надо было без лишних хлопот снять часового, вперед шел Стрекалов, если требовалось кинуть гранату в блиндаж, вызывался Костя Соболек. Были специалисты и по подслушиванию. Гибкий, как ящерица, и маленький, как подросток, Макс Крамер из немцев Поволжья мог подползти к траншеям или группе беседующих немцев, а потом так же незаметно уползти обратно. Имелись специалисты, для которых не составляло труда справиться в одиночку с пятью-шестью немцами. Весь взвод прекрасно стрелял из всех видов оружия, в том числе и трофейного. Если бойцы Очкаса не занимались тактикой, значит, стреляли где-нибудь в овраге, подальше от передовой. Даже проводя политзанятия, Очкас вдруг, прервав себя на полуслове, командовал «огонь!» и указывал цель — присевшую на куст ворону или мелькнувшего невдалеке зайца.

После каждого возвращения из поиска во взводе «случайно» задерживались трофейные пистолеты. Их тщательно прятали вплоть до очередного выхода в тыл врага или строжайшего приказа по полку: сдать все трофейное оружие. В тыл врага разведчикам полагалось идти почему-то только с отечественными автоматами.

Впрочем, как ни старалось начальство, взвод Очкаса каждый раз уходил в рейд вооруженным до зубов. В обстоятельствах необычных приевшаяся формулировка «не положено» для Отто Людвиговича не существовала.

Сейчас, ступая по узенькой, вертлявой тропочке в снегу, Стрекалов словно опять видел впереди себя в ноч-

ном сумраке широкую спину своего бывшего командира...

Как Сашка и предполагал, тропинка привела его к жилому помещению. Сперва слабо потянуло дымком, потом на белом снегу стали появляться желтые пятна. Возле двери одной из землянок снег был плотно утрамбован. Сашка свернул в сторону, обошел деревню кругом и, убедившись, что другого поста нет, вернулся к первой. Подобравшись к двери без шума, он рванул ее и распластался на земляном полу.

Никто не стрелял.

В землянке было довольно светло — над столом горела керосиновая лампа, дверь на улицу оставалась отворенной.

Решив, что в землянке никого нет, Стрекалов хотел уйти, но тут услышал в дальнем углу сонное бормотанье. Кто-то спал на печке. Сержант подошел ближе и увидел воротник шинели с нашивками СС. Пошарив в изголовье спящего, Стрекалов вынул «шмайссер».

— Разлегся, мерзавец! А ну, встать! Ауфштеен!

Храп прекратился, человек заворочался, засопел и грязно выругался — немецкие ругательства Сашка знал. Вскочив на лесенку, он ухватил немца за шиворот и сдернул с печи. Все еще думая, что с ним шутят, солдат разразился потоком ругательств, но быстро опомнился и рванул тесак из ножен. Ударом ноги разведчик выбил нож, заставил солдата подняться, повернул спиной, быстро обыскал. Немец был среднего роста, не слишком сильный и не очень храбрый. Пока Стрекалов шарил по его карманам, он что-то лопотал, пытаясь обернуться, и показывал рукой на горло. Из его лепета Стрекалов уловил только одно слово: «кранк». Немец был нездоров. Почему же его направили на пост одного? Где его напарник со стоптанными каблуками?

— Во ист дайн... — Стрекалов с трудом подбирал слова, помогая себе жестами и мимикой. — Дайн геноссе?

Брызгая слюной и выкатывая глаза, пожилой и давно не бритый солдат-эсэсовец пытался что-то растолковать высокому русскому парню. Ругаясь, он конвульсивно дергал шеей и связанными руками. В его ругани часто слышалось слово «рус», но Сашке показалось, что оно относилось не к нему, а к кому-то другому, который ушел и бросил больного человека одного...

Сержант заставил немца взобраться обратно на печку и даже подсадил его, а потом вставил в рот кляп и показал, что будет, если тот подаст голос. Немец закивал головой и послушно улегся. Стрекалов отошел в сторону, пригляделся. Все как будто оставалось на своих местах. Он встал за дверь.

Прошло не более десяти минут, когда на улице слышался скрип снега и чьи-то шаги. В землянку вошел штурмфюрер СС. Он был высок ростом и очень широк в плечах, поэтому входил согнувшись. На его левой щеке Стрекалов заметил крупную родинку. Вместо привычной каски на этом эсэсовце была фуражка с высокой тульей, на руках — кожаные перчатки.

Не то от испуга, не то из-за того, что кляп был засунут слишком далеко, немец на печке стонал и толкал ногами кирпичи. Штурмфюрер насторожился, подошел и сдернул с солдата шинель. И мгновенно отскочил в темноту. Однако в землянке было тихо. Офицер с минуту не шевелился, потом осторожно двинулся вдоль стены к двери. Стрекалов приготовился к драке. В этот момент снаружи снова слышались шаги и негромкое пение. Штурмфюрер скрылся за выступом печки. В землянку, гулко тарахтя сапогами, вошел малый лет двадцати с белесыми бровями и вздернутым носом на толстогубой глуповатой физиономии. Подойдя к столу, он стал вынимать из карманов яйца. Одно оказалось разбитым, и парень огорченно присвистнул. Следом за яйцами появились лук, вареная картошка и даже домашняя колбаса. Достав из внутреннего кармана немецкую флягу в чехле, парень придвинул ближе алюминиевую кружку, пустую консервную банку и налил в обе посуды.

— Гельмут, алес ферьтик* — иди жрать.

Лежавший на печи не ответил.

— Эк тебя скрутило, — сказал парень, садясь за стол. — Лихоманка, не иначе. — Луковица аппетитно захрустела у него на зубах. — От этой заразы самогон — наипервейшее средство. А как же! Ну как, идешь? Э, да ты все одно по-нашему не понимаешь. — Он налил кружку до половины, выпил, сунул в рот картофелину и некоторое время жевал ее, устремив глаза в угол землянки. — Хворому тут труба. Какой стебя вояка! Одна обуза. Пришибут свои, помяни мое сло-

---

* Все готово (нем.).

во... — Он выпил еще, закусил сырым яйцом. — Все вы тут пропадете. Зажали вас, как того хряка! — Он пьяно хихикнул и покрутил головой. — Теперича не удерете, пымают! И чего я с вами связался? Сидел бы в деревне, водку пил, солдаток щупал...

Штурмфюрер вышел из своего угла и неслышно приблизился к полицая сзади. Тот продолжал жевать, но вот он почувствовал за своей спиной человека и обернулся. Увидев штурмфюрера, полицай поднялся, вытянул руки по швам.

— Кто старший поста? — спросил офицер по-русски.

Видимо, полицай видел его впервые. Он нерешительно подвинул ближе винтовку, поправил нарукавную повязку.

— Ну, я старший.

— А он? — офицер сделал легкий кивок в сторону солдата. — Ведь он — СС!

— Был он, а теперь я, — сказал полицай, — шарфюрер велел, потому как он болен.

— Разве он буйно помешанный? — Штурмфюрер направил лучик карманного фонаря на лежащего на боку солдата. Полицай от изумления раскрыл рот. Офицер протянул руку и взял у него винтовку — тот даже не пытался ее удержать.

— Так зачем ты его связал? Будешь молчать? Тогда скажу я. Ты — предатель.

— Господин офицер, я...

— Ты хотел уйти к русским.

— Господин офицер, это не я! Я ничего не знаю!

— Ты хотел купить себе прощение сородичей? Так на же, я тебя прощаю!

Стрекалов едва успел заметить короткий, почти молниеносный взмах руки штурмфюрера, и полицай, обливаясь кровью, рухнул на пол. Офицер прислушался, перешагнул через убитого и, подойдя к печке, хотел то ли развязать солдата, то ли вынуть у него кляп изо рта.

Стрекалов вышел из укрытия.

— Не шевелиться! Руки вверх!

Штурмфюрер замер на секунду, затем сильным толчком отбросил свое тело назад, в темноту, и автоматная очередь разведчика прошла мимо. Стрекалов упал на землю, и в ту же секунду по нему выстрелили из парабеллума. Сержант снова дал очередь и тут же откатился за печку. В том месте, где он только что ле-

жал, тяжело ухнул взрыв. Осколком гранаты разбило глиняный кувшин, стоявший на лавке, после чего наступила тишина.

Стрекалов не шевелился; дым медленно выползал через разорванную в окне бумагу на улицу.

Полежав немного, Стрекалов поднялся, проверил все углы в землянке — офицер исчез. Сашка забеспокоился. В углу за печкой он нашел крышку погреба.

— Ах вот ты где!

Отстегнув «лимонку», Сашка приподнял крышку и бросил гранату вниз.

— Вот теперь действительно ферьтик!

Однако подполье оказалось глубоким и уходило куда-то в сторону, но и там не кончалось, а шло еще дальше, то и дело поворачивая под тупым углом.

— Траншея! — ахнул Стрекалов. Только теперь он обратил внимание, что печь в землянке сложена недавно, может быть, этой зимой, что стены сделаны так, как они делаются в блиндажах, и что над головой у него, как в блиндаже, накат в три слоя. Чтобы окончательно убедиться в своем предположении, он обошел блиндаж кругом. Траншея, видимо, не так давно была покрыта обломками бревен, досок, хворостом. Снег закончил маскировку. Метрах в пятидесяти внизу, в овраге, густо заросшем кустарником, Стрекалов нашел выход. Одинокий след вел в глубь леса.

По ходу сообщения сержант вернулся в блиндаж. Солдат-эсэсовец лежал на прежнем месте, только руки его оказались наполовину развязанными.

С опаской, выставив вперед автоматы, в блиндаж по одному входили Богданов, Карцев и Зябликов.

— А мы выстрелы слышали — и сюда...

Карцев широко раскрытыми глазами смотрел на убитого полиция и лужу крови вокруг него.

— Могли бы и пораньше, — буркнул Стрекалов и взялся за немца. — Скажи, стерва, много ли вас шляется по лесам, какая у вас техника, в какую сторону намылились драпать и где сейчас генерал Шлауберг?

От волнения запинаясь и путая слова, Карцев перевел. Багровый от усилий и бушевавшего внутри жара, эсэсовец — он все еще пытался развязать себе руки — мрачно смотрел на Стрекалова и молчал.

— Может, он тебя не понимает? А ну спроси, где находится Шлауберг.

Вторично услышав знакомое имя, эсэсовец опустил

воспаленные веки, спекшиеся губы его расплзлись в торжествующую улыбку, и разведчики услышали хриплый шепот:

— Daß weiß niemand*.

Стрекалов приказал развернуть рацию. В четыре утра «Заря» впервые услышала голос «Сокола». Майор Розин был недоволен не тем, что Стрекалов все еще не достиг цели, а тем, что вышел на связь у самой передовой и, следовательно, обнаружил себя раньше времени.

— Срочно уходите! — приказал он и добавил: — Берегите людей, сержант.

Спешно покидая блиндаж, Стрекалов — он уходил последним — носком сапога перевернул убитого полиция на спину и вскрикнул от досады и боли. Правая половина шеи от уха до ключицы была разрублена сильнейшим ударом. Из раны еще сочилась кровь, стекаясь в густые, быстро темнеющие на земле лепешки.

— Левша! — прошептал Стрекалов, чувствуя непривычный холодок в спине. — Штурмфюрер — тот самый левша! Так вот кто ушел из рук!

Встреча, которой он бредил все последующие после смерти Андрея и Вали дни и ночи, состоялась, произошла почти немисливо, сказочно, а он, мечтавший о ней, опростоволосился как самый последний новичок, упустил из рук своего кровного врага!

Отходя от блиндажа, разведчики остановились, поджидая командира. Он появился не сразу. Не глядя на товарищей, зачерпнул пригоршней снег, вытер кинжал, сунул в ножны. Лицо его выражало страдание.

Разведчики молча посторонились, когда он прошел, словно не видя их...

— А я бы не мог вот так, хладнокровно... — произнес тихо Карцев, косясь на опустевший блиндаж.

— Научишься, — мрачно бросил Богданов и зашагал следом за сержантом.

РАДИОГРАММА

«Пугачев — Белозерову

8 декабря 1943 г.

Доукомплектование дивизии по состоянию на 6 декабря с. г. выполнено менее чем наполовину. Лучшие

---

* — Этого не знает никто (нем.).

других обстоит дело в 216-м с. п. (84,3% личного состава), но этот полк держит оборону протяженностью больше 20 километров и почти не имеет полевой артиллерии.

По линии живой силы полк укомплектован следующим образом:

- а) призывниками рождения 1926 года;*
- б) ранеными, выписанными из госпиталей;*
- в) ограниченно годными или годными к нестроевой службе.*

Все перечисленное выше создает определенные трудности по воспитанию, обучению личного состава, в связи с чем убедительно прошу:

- а) в дальнейшем направлять мне сержантский и рядовой состав, только имеющий боевой опыт;*
- б) младший командный состав — согласно полученным в военных училищах специальностям;*
- в) боевую технику, автомашины и тягачи, а также стрелковое оружие — согласно штатному расписанию».*

Переход до Алексичей оказался, на удивление, легким и спокойным. Если не считать глубокого снега, трудностей вообще не встречалось. Обычный пеший переход, что-то вроде марш-броска по пересеченной местности. Противник не показывался. Были только его следы — спиленные телеграфные столбы, брошенные орудия; увязшие в трясине, а потом вмерзшие в лед автомашины, бронетранспортеры, повозки, пустые снарядные ящики, полевые кухни. Впрочем, техника встречалась не только немецкая. Русские армейские безрессорные двухколки, орудия разного калибра, другое имущество, крестьянские телеги с клочьями соломы, пустыми кадушками, хомутами и расписными дугами. Унылая эта картина нагоняла еще большую тоску, и Стрекалов спешил пройти мимо.

К селу подошли на рассвете. Некогда большое, теперь почти полностью сожженное, оно было хорошо видно с лесной опушки. Шесть ровных рядов обгорелых печных труб и прерывистые пунктиры огородов указывали на то, что в Алексичах было раньше три улицы.

В середине, где, видимо, была торговая площадь, стояла белая одноглавая церковь и высокая колокольня с

уцелевшей маковкой, но без креста. Стрекалов вынул бинокль и без труда разглядел в узком проеме звонницы немецкого наблюдателя.

Несмотря на ранний час, по селу промчались мотоциклисты, возле одной избы стояла легковая автомашина, а у скирды соломы — средний танк.

Пока Богданов с Карцевым сооружали НП в дупле старого вяза, Стрекалов с Федей сделали широкий полукруг и подошли к селу с востока. Как и с южной окраины, здесь тоже имелся полосатый шлагбаум, от которого в стороны тянулись ряды колючей проволоки; вдоль бывшей улицы стояли в один ряд замаскированные соломой автомашины и танки. Батарея шестиствольных минометов располагалась у околицы, две зенитные установки — ближе к центру села.

Обо всем увиденном Стрекалов немедленно сообщил «Заре». Несмотря на неудачу со штурмфюрером, настроение его заметно поднялось — такое нечасто выпадает на долю разведчика.

Неожиданно его смутил сухой тон начальника разведки и его лаконичное «да». Когда Стрекалов закончил, Розин коротко приказал:

— Продолжайте наблюдение. После каждой передачи сразу же меняйте место. Эта передача в такой близости от объекта вам может дорого обойтись.

Ни сухой тон начальника разведки, ни опасность, о которой он говорил, не могли сразу повлиять на Стрекалова.

— Теперь куда? — спросил довольный Федя. — К ребятам?

Возвращаться так быстро Сашке не хотелось. Похоже, удача сама лезла в руки...

— Ты иди, а я тут немного поколдую. Может, еще что засеку.

Федя пошел, озираясь и пригибаясь к земле, как во время хорошего обстрела. Стрекалов стоял, прислушиваясь, готовый в любую минуту прийти на помощь радисту, но в лесу было тихо. Прикинув, когда Федя должен дойти до своих, Сашка повесил автомат на шею и зашагал в противоположную сторону. Шел он легко, привычно экономно расходуя силы, ощущая во всем теле приятную собранность, возникавшую у него в те часы, когда он был предоставлен самому себе.

В эти часы Стрекалов мог сделать многое — и делал! — и это сделанное всегда приносило пользу тем, кто его послал. Он был типичным разведчиком-одиночкой, который больше полагается на собственные силы и знания, нежели на помощь других.

Разные бывают у разведчиков командиры. Одни видят пользу в посылке в тыл противника многочисленных групп, охотно идут на разведку боем, большие потери считают явлением естественным; другие делают ставку на малые группы и одиночек, на индивидуальную подготовку каждого разведчика обращают особое внимание, в открытые стычки с врагом вступать без крайней надобности не советуют. Стрекалову посчастливилось с самого начала попасть в руки такого командира. Им оказался Отто Людвигович Очкас.

— Хороший разведчик стоит роты солдат, — говорил он, — очень хороший — целого батальона.

Стрекалов хотел стать хорошим разведчиком. Когда его наградили медалью, Очкас сказал:

— О, Саша! Теперь ты стоишь отделения...

Избавившись от медлительного Феди, Стрекалов быстро шел на северо-запад. Сейчас, когда он обнаружил скопление техники, ему нужна была дорога, по которой эта техника поступает, нужна связь Алексичей с центром, может быть, со штабом самого Шлауберга. Если Алексичи — место, откуда начнется наступление, то такая дорога непременно есть. Именно по ней в нужный момент будут переброшены основные силы. В дополнение к прежнему Стрекалов обнаружил несколько пулеметных точек, две батареи противотанковых орудий, траншеи, противотанковые рвы и надолбы. Такие укрепления, надо полагать, имелись и с других сторон, но теперь они уже меньше интересовали разведчика. Он был уверен, что где-то поблизости должны находиться главные силы.

Дорог в лесу ему попадалось немало, и вначале Сашка путался в них, как старуха в шерстяных нитках, пока случайно не наткнулся на одну, которая вела к хорошо замаскированному складу с горючим, километрах в трех от Алексичей. Еще одну, не менее важную, он обнаружил уже в сумерках, потратив на поиски весь день. Начиналась она не у шлагбаума, как думал он сначала, а в километре от села, у неприметной развилки, и сразу же ныряла в лес. Выдали ее будка регули-

ровщика и указатель — стрела, указывающая вправо. Куда она ведет, Сашка пока не знал...

Поздно вечером Стрекалов вернулся к товарищам. Они ждали его с нетерпением и страхом: еще не успев стать настоящими солдатами, они взвалили на свои плечи тяжелейший груз ответственной задачи и, конечно, хотели выполнить ее с честью. Поскольку никто из них не знал, как это сделать, они, как могли, помогали тому, кто это знал. Кроме НП, они соорудили нечто вроде медвежьей берлоги, стенками которой служил плотно утрамбованный снег, а крышей — настил из хвороста и лапника. Все подходы к этому логову они тщательно замаскировали, так что, если бы не часовой — на посту в это время стоял Богданов, — Сашке бы, пожалуй, его и не найти.

— Ловко придумали, — одобрил он, повалившись на мягкие, пахнущие смолой еловые ветки, — а как насчет пожарать?

Карцев протянул ему банку свиной тушенки и краюшку хлеба.

— Налей по двести граммов каждому, — приказал Стрекалов, — замерзнут чего доброго, да и удачу полагается отметить.

На рассвете следующего дня, оставив Зябликова и Карцева наблюдать за Алексичами, Стрекалов и Богданов ушли к развилке. Вдвоем они провели там полдня, но ничего нового не обнаружили. Как и накануне, по дороге курсировали мотоциклисты, каждые два часа сменялся регулировщик, и каждая третья машина сворачивала на склад горючего.

От развилки до логова разведчиков около трех километров. Повторный след — уже тропа. Если немцы начнут прочесывать лес — могут наткнуться. И все-таки Стрекалов не торопился менять место. Лучшего наблюдательного пункта, чем тот, которым он теперь обладал, найти нельзя. Среди группы дуплистых вязов, росших на краю оврага в каком-нибудь километре от Алексичей, нашелся один, в дупле которого свободно уместился человек. И не просто уместился, а поднялся по его сгнившему чреву вверх на добрых три метра. Прокорыть ножом истончавшую стенку было нетрудно. Для полного комфорта под этим «глазком» сделали полку для ног наблюдателя, вход снаружи каждый раз

тщательно замаскировывали, примятый снег разравнивали. От собак в таком тайнике, разумеется, не спрячешься, а люди могут не заметить. Второе преимущество — близость к объекту. С двадцатиметровой высоты, включая высоту бугра над оврагом, разведчики видели даже противоположный край села, где стояла минометная батарея.

Словом, с Алексичами все было в порядке, и Сашке предстояло поставить точку — осмотреть дорогу, по которой в село поступают техника и солдаты.

С большими предосторожностями они с Богдановым шли вдоль этой дороги, не переставая удивляться странной беспечности немцев. На всем протяжении плотно укатанная, она, по-видимому, была хорошо заметна с воздуха.

— Либо они слишком уверены в нашей глупости, либо здесь какая-то хитрость, — сказал Стрекалов.

Разгадка пришла неожиданно и принесла разведчикам не облегчение, а новые заботы. Километрах в десяти от Алексичей, в густом сосновом бору, хорошо накатанная дорога делала петлю и поворачивала назад. Разворачивались и мчались назад мотоциклисты и автомашины, даже не сделав остановки.

Такое катание по кругу не ахти какая хитрость, но если здесь создается видимость интенсивного движения, значит, есть место, где это надо сохранить в тайне!

— Если так пойдет дальше, — сказал угрюмо Сашка, — то и машины и танки могут оказаться туфтовыми.

От этой простой мысли ему стало не по себе. Его, опытного разведчика, едва не «накололи»!

Пока что единственным ценным объектом оставался склад с горючим, но Сашка начал сомневаться и в нем. В конце концов, ничего не стоит сделать каркас, обтянуть его брезентом или парашютным шелком и покрасить. Издали такое сооружение от настоящей цистерны и не отличишь...

На следующее утро он оставил наблюдать за дорогой одного Богданова, а сам полдня просидел на наблюдательном пункте. Ни там, ни тут опять не появилось ничего нового: по дороге с немецкой педантичностью курсировали взад-вперед мотоциклисты, изображая связных, мотался единственный, как видно, в Алексичах исправный танк, и каждые полчаса три бензозаправщика по очереди выползали со склада горючего и устремлялись к лесу, чтобы еще через полчаса появиться на

прежнем месте. Демонстрация эта продолжалась и ночью — среди темноты нет-нет да и вспыхнут «случайно» фары автомашины или загорится фонарик в руке неопытного разводящего...

Только проверив все, Стрекалов сообщил «Заре» свои выводы. К его немалому удивлению, такое важное сообщение было принято с недоверием. Младший лейтенант Сулимжанов потребовал трижды повторить сказанное. Видимо, начальство хотело убедиться, что Стрекалов ничего не напутал.

В своей следующей передаче сержант говорил только о складе: объект большой и хорошо замаскирован, но у него нет уверенности, что склад настоящий. В связи с этим он просил разрешить ему действовать по своему усмотрению.

— В этом районе, — передавал он, — по-видимому, все сделано, чтобы обмануть нашу разведку. Настоящие склады горючего находятся не здесь, так же как и боевая техника.

В ответ ему было приказано усилить наблюдение именно за этим складом, разведать подступы к нему и ликвидировать склад. Приказ был передан от имени Чернова.

Странное это упрямство озадачило разведчика.

Неожиданно у полковника нашлись союзники. Федя сказал:

— Еще неизвестно, есть ли дорога, а склад — вот он. Запалим костер — и домой. Лучше синицу в руки, чем журавля в небо.

— Синицу-то мы поймаем, — сказал Стрекалов, — а вот журавля можем упустить. В общем, насчет того, чтобы повернуть домой, не думайте. Не за тем шли.

У Зябликова скорбно опустились углы губ.

А Сашка тем временем прикидывал, кто из его бойцов на что годится. Выходило, что только на Богданова можно положиться во всем: смел, силен, гранату бросает не хуже Сашки, в бою бывал не раз. Остальные, как говорят разведчики, больше для счета. Идти на объект с одним Богдановым? Вдвоем сжечь склад можно — уйти нельзя. Нужно прикрытие. Рискнуть в одиночку? Стрекалов горестно усмехнулся. Чем заплатят фрицы за единственную, неповторимую жизнь Александра Стрекалова? Парой пустых цистерн? Пожалуй. И ни одного паршивого солдата не дадут в придачу — Стрекалов

помнил, с какой поспешностью разбегается охрана от горящих баков, и затосковал.

Ошибается тот, кто думает, будто хороший солдат идет на смерть не раздумывая. Не думает ни о чем только вдребезги пьяный. Остальные думают. У кого семья — семью вспоминают, мать, отца, братьев. О любимых вспоминают, кому есть что вспомнить, письма домой прощальные пишут.

У Стрекалова на гражданке осталась одна тетка. Ей он иногда писал, но и то как на Луну: тетка была неграмотной. Не было у него и «заочниц». Не уважал сержант Стрекалов такой самообман. А может, это вовсе и не девушка пишет, а чья-нибудь мамаша или даже бабушка...

Когда посторонние мысли покинули голову Стрекалова, он проверил автомат и сказал:

— Завтра со мной пойдет ефрейтор Богданов. Ты, Карцев, сменишь Зябликова в двенадцать.

Послышался стук по стволу вяза — сигнал опасности. Разведчики схватились за оружие. Изнутри имелись небольшие щели, нарочно оставленные для наблюдения. Стрекалов припал к одной из них. Наблюдатель повторил стук: противник приближался. Посыпалась сверху гнилая древесина — это боец изготавливался для стрельбы.

— Без команды не стрелять! — шепотом напомнил Стрекалов и увидел немцев. Две темные фигуры в касках с автоматами на груди не торопясь прошли метрах в двадцати от вяза, под которым скрывались разведчики, и исчезли за деревьями. Но прежде чем уйти, один из них покосился на вяз — Стрекалов это видел ясно. И еще услышал приглушенный смех и несколько слов, сказанных довольно громко. Он толкнул ногой Карцева, сидевшего ниже.

Когда немцы скрылись, Карцев сказал:

— По-моему, это какая-то чепуха. Перевести ее можно так: большая рыба не дает спать маленькой...

— На то и щука в море, чтобы карась не дремал? — сердито засмеялся Богданов. — Такое и я, пожалуй, переведу. Это ж наша русская пословица! Шляпа ты, а не переводчик.

Стрекалов промолчал.

Визит немцев повторился во втором часу ночи, когда на посту стоял Сергей Карцев. На этот раз новички держались спокойнее, и Стрекалову не пришлось напо-

минать Сергею о его обязанностях. Впрочем, переводить было нечего — немцы прошли молча, и Стрекалов снова показалось, что прежде, чем скрыться за деревьями, один из патрулей незаметно повернул голову и взглянул Сашке прямо в глаза...

— Что будем передавать, командир? — спросил Федя, когда опасность миновала. — Можно микрофоном, куда расстояние позволяет.

Стрекалов ответил не сразу, перед ним все еще маячили фигуры немецких патрулей. Зародившееся сомнение было еще неосознанным, интуитивным, но оно беспокойло, лихорадило мысли и требовало разъяснения.

— Ничего. Ничего передавать не будем.

На рассвете они с Глебом снова отправились на тот же бугор, с которого было так удобно наблюдать за развилкой. Дождавшись, когда регулировщик повернулся к ним спиной, они пересекли основную магистраль и устремились вдоль дороги, ведущей на склад. Минут через двадцать показались контуры больших цистерн, разрисованные камуфляжными пятнами. Возле огромных, похожих на цирковые шатры емкостей стояли баки меньшего размера. Цистерны, стоявшие на поверхности, перемежались с другими, врытыми в землю по самую горловину, но только к двум подъезжали машины, остальные бездействовали. Сначала разведчики не придали этому особого значения, но вот возле одной из действующих цистерн образовалась очередь. Однако никто не пошел открывать краны других баков, не предложил машинам рассредоточиться. Такое легкомыслие — склад был хорошо виден с воздуха, особенно подъездные пути к нему — не было свойственно немцам. У второй от края цистерны заправлялся уже знакомый Сашке средний танк и два тягача. Похоже было, что в этой емкости находилось дизтопливо. Что же тогда в остальных? Подозрение переросло в уверенность, когда солдат охраны, забравшись на одну из больших цистерн, откинул крышку и спустил вниз на веревке котелок. Через минуту он вытянул котелок обратно и все содержимое перелил в бутылку. Стрекалов начал внимательнее рассматривать в бинокль остальные цистерны. У большинства люки были закрыты неплотно.

— Вот это фокус! — сказал он Богданову. — Все баки пусты, за исключением этих двух. Айда к рации!

В своей передаче из Алексичей Стрекалов просил «Зарю» отменить приказ полковника Чернова. Он не

хотел своевольничать, но обстоятельства сложились иначе.

Когда разбуженный часовым Стрекалов открыл глаза, красная трехзвездная ракета уже потухла. Сержант взглянул на часы. Было без трех минут два.

— Снова там же!

Он развернул карту. Богданов светил фонариком, Сашка водил по карте спичкой.

— В этом направлении находятся Бязичи, но до них, пожалуй, далековато. Ракета была... Серега, на каком расстоянии была ракета?

Карцев подумал.

— Километрах в десяти от нас.

— Понятно... Федор, давай «Зарю»!

Ему ответили сразу, хотя время было неурочное. По голосу Федя узнал своего однокашника по курсам радистов ефрейтора Степанчикова.

— Зябликов, ты? — обрадовался тот. — Вот здорово! У микрофона «Восьмой».

Разведчики переглянулись — это был позывной начальника штаба дивизии.

— Слушаю тебя, «Сокол», — скрипуче отозвалась трубка. Сашка молчал. — «Восьмой» у аппарата, говорите! — нетерпеливо повторил Чернов.

Стрекалов доложил о ракете.

— Знаем, — коротко перебил Чернов, — у вас все?

Набравшись смелости, Стрекалов попросил разрешения перейти в квадрат «4-а».

— Выполняйте задание, следите за объектом! — отрезал Чернов.

Передача закончилась. Стрекалов откинулся на спину, закрыл глаза. Полковник не хочет понять, что группе оставаться здесь дольше нельзя. Передатчик наверняка засекли, но дело даже не в этом. На кой черт торчать возле пустого склада, когда есть другой, более важный объект? Почему полковник не разрешает двигаться дальше? Почему круг задач неожиданно так сузился? Может, в штабе стало известно место прорыва? Стрекалов даже привстал на локте. Тогда зачем держать его группу здесь? И вдруг простая и ясная мысль пришла в голову. Дезинформация! Немцам надо, чтобы русские поверили, будто Шлауберг пойдет на прорыв здесь, и они нашли способ убедить их в этом. И снова сомнение. Ведь эта ракета вторая...

Он опять вызвал «Зарю». Дежуривший у аппарата капитан Ухов сказал, что «Двенадцатый» — майор Розин — в отъезде, а вся операция находится в ведении «Восьмого».

Стрекалов повторил просьбу. Ухов неожиданно рассердился.

— Умней всех хочешь быть? Так слушай сюда: тот мешочек, от которого ты хочешь улизнуть, битком набит — это уж точно. Не один ты в подворотню лазал. Так что делай что велят, тогда и твоя голова целей будет, и нам спокойней.

Он кончил. Подождав секунду, Федя щелкнул тумблером.

— Батарей жалко, товарищ сержант...

У Стрекалова опустили руки. Может быть, самое главное в его жизни дело ускользало от него, затягивалось пеленой недоверия и непонимания. Теперь по его маршруту будет послана другая группа разведчиков или даже несколько, а он будет сидеть здесь сложа руки возле пустого склада. Нет, не о таком мечтал сержант Стрекалов, отправляясь в путь!

— Кто им там намутил насчет склада? — спросил Богданов.

— Какой-нибудь пленный фриц, — уверенно ответил Сашка, — пленные врать умеют будь здоров.

— Может, наши с воздуха заметили цистерны?

— Нет, не то. Погода все это время была нелетной, да и что могут определить летчики? Только то, что тут стоят цистерны? А где их нет? От Бреста до Волги таких складов знаешь сколько? На всех бомб не хватит. Бомбят, когда получают донесение наземной разведки.

— Может, в самом деле мы тут не одни? Еще кто-то за складом следит?

— Вряд ли. Это наверняка пленный напутал. Или немцы подослали кого нарочно. Ведь не зря же вся эта показуха в Алексичах. Ты думаешь, почему нас фрицы до сих пор не обнаружили? Сидим под самым носом, а они не трогают.

— Может, мы так... хитро замаскировались? — сказал Карцев.

— Ерунда. Не хотели трогать, вот почему. Своими передачами мы играли им на руку. Сами дезинформировали своих, а теперь возмущаемся, что Чернов не решает бросить объект.

— Тогда пускай проверяют! — возмущенно воскликнул Карцев. — Как... мальчишек. Убедятся — самим же стыдно будет.

— Ты красную ракету видел? — спросил, посуровев, Стрекалов.

— Ну, видел, так что?

— А то, что медлить больше нельзя. Там главное.

— То самое, ради чего мы здесь, — подхватил Богданов.

Стрекалов благодарно тронул его плечо. Он попытался представить лица всех троих. В общем-то мальчишки. Зябликов месяц назад бриться начал, Карцев еще не начинал — так и ходит с цыплячьим пушком на подбородке. Понимают ли они, на какое дело собирается повести их командир? А если поймут до конца, струсят или нет? Похоже, нет. Школьная романтика еще не умерла в них, не вышла через шинель соленым потом, еще дует в головах ветер, и война для них все еще что-то вроде игры. И все-таки сказать надо.

— Вот что, братцы, — заговорил он и ощутил на своем лице чье-то дыхание. — Это ты, Глеб?

— Нет, это я — Федя, — теплая ладонь легла ему на колено. — Зря вы за нас... в общем, пасете нас зря. Мы тут без вас толковали... Одному Глебу доверяете...

— Ну и что?

— Да нет, все правильно: он старше, и опыт имеется, только ведь и мы... Я и вот Серега — мы тоже...

— Да не тани! — попросил из темноты Богданов. — Говори толком.

— Я и говорю. Вы нам прикажите, товарищ сержант, а там сами увидите: что надо — все сделаем.

— Ух ты! — сказал Богданов. — Не хвались, едучи на рать...

— Обожди, — остановил его Стрекалов. — Тебя, Зябликов, я понял, а чего Карцев молчит?

— Конечно, конечно, сделаем, — поспешно ответил Сергей. — Только вот насчет приказа... Зябликов говорит, не было нам такого приказа, чтоб...

— Будет. — Стрекалову вдруг стало и тревожно и весело одновременно. — Будет вам такой приказ. Зяб-

ликов, передай «Заре»... Нет, не микрофоном, а отбей ключом: «Объект номер один оставляю. Перехожу в квадрат «4-а». Закодируй и передай. Ответа не жди, рацию свертывай. Не нужен нам пока их ответ...

ТЕЛЕФОНОГРАММА

«Командиру 412-го Отдельного батальона СС штурмбаннфюреру Крафту.

Сегодня ночью наблюдаемая нами группа русских разведчиков неожиданно оставила свой наблюдательный пункт возле Алексичей и скрылась в неизвестном направлении. Ее исчезновение было обнаружено только в 2.10 по местному времени. Несомненно, русские воспользовались оплошностью постов № 7 (старший поста шарфюрер Рашке) и № 8 (старший обершарфюрер Вильер). Вина последних усугубляется отказом дать правдивые показания, а именно: оба виновных утверждают, что русские через их посты не проходили, в то время как я убежден, что они (разведчики) вернулись в расположение своей части, следуя вдоль ручья на юго-запад, и еще до полуночи перешли реку. Согласно приказу фюрера № 62/0014 от 2.8.41, прошу вашего согласия на передачу шарфюрера Рашке и обершарфюрера Вильера военно-полевому суду.

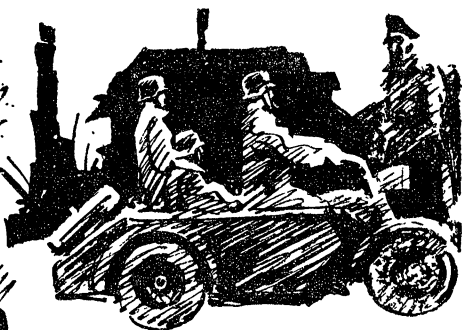
Оберштурмфюрер Хаммер».

ТЕЛЕФОНОГРАММА

«Крафт — Хаммеру

Одновременно с вашим я получил другое сообщение: сегодня в 3.35 местного времени не далее, как в пяти километрах от Алексичей неизвестными лицами был захвачен наш «фольксваген», следовавший из Велкого Бора по северной дороге. Заметьте: северной! Находившиеся в нем солдаты (три человека) и один обершарфюрер убиты. Сам «фольксваген», а также оружие и обмундирование убитых похищены. Немедленно организуйте поиск машины. Очень важно установить, нет ли связи между исчезновением русских развед-

чиков и этой диверсией. Не исключено, что группа «Сокол» пошла от Алексичей не в южном направлении, а в северном, то есть в наш тыл. Пошлите за ними разведгруппу Книттлера. Этим «оборотням», как вы их называете, в последнее время все чаще изменяет удача. По-моему, они не столько занимаются собиранием разведсведений, сколько мародерством».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
ПОЕДИНОК

Подпрыгнув на очередном ухабе, «фольксваген» остановился. Сидевший за рулем Богданов склонился к приборному щитку.

— Все? — спросил за его спиной сержант.

— Все было еще полчаса назад, — ответил Глеб, — после этого мы, надо понимать, на соплях ехали. — Он взял лежавший на сиденье автомат, сумку с запасными магазинами, трофейную флягу. Стрекалов бросил ему трофейную шинель. — Да ты в уме? — вскричал Глеб. — Чтоб я...

— Надевай! — на сержанте была форма обершарфюрера СС, в руках он держал «шмайссер». Богданов брезгливо развернул шинель.

— Она же в крови!

— Другой нет, — сказал Сашка. — А ну, ребята, за мной, бегом! Не отставать!

Группа двинулась за ним. Погода пока что благоприятствовала разведчикам: ленивый вначале снегопад усилился, поднялся ветер и вскоре от следов людей ничего не осталось. Убедившись в этом, Стрекалов остановился, сбросил вещевой мешок, вынул карту. Богданов открыл консервы, достал хлеб. Подошли Карцев с Зябликовым, не снимая с плеч рюкзаков, повалились на снег.

— Вот так-то! — усмехнулся Богданов. — Не хвались, едучи на рать...

— Да, тебе хорошо... — по своему обыкновению, начал Карцев, но, увидев колбасу, умолк. Стрекалов, низко склонившись над картой, водил по ней кончиком ножа.

— Здесь! — сказал он и поднял голову. — Все произошло здесь, в этом районе. Обе группы сигнализировали отсюда. Значит, надо тут искать и главный клубок. — Он взял свою порцию, лениво пожевал хлеб. — Да смотрите, не потеряйтесь! Крик сороки — «внимание», во-

рона — «иди ко мне». Ясно? Кто не умеет кричать сорокой?

— Я не умею, — признался Карцев.

— Как же ты можешь?

Карцев подумал.

— Могу по-кошачьи.

Вспыхнул хохот и замер, словно сбитый взмахом руки сержанта.

— Вы что, одурели? Дорога рядом!

Дольше всех не мог успокоиться Федя. Зажав ладонью рот, тряся всем телом, стараясь не смотреть на Сергея. Богданов, перестав смеяться, озабоченно переводил взгляд с сержанта на Федю: не истерика ли? Стрекалов терпеливо ждал. Карцев вскочил и убежал куда-то. Обеспокоенный сержант послал за ним Федю. Радист возвратился скоро.

— Там какая-то землянка, — сказал он.

Федя привел группу на широкую поляну, у края которой действительно виднелась заброшенная землянка. Карцев сердито раскапывал полужасыпанный вход.

— Ну, вот вам, синьоры, и новые апартаменты, — сказал Стрекалов, оглядывая низкий потолок из не-ошкуренных бревен, земляные осыпи стен и узкий проем двери. — Не нравится? Хорошо, хоть такая осталась. — Он ковырнул носком сапога кучу по-зеленевших гильз. — Некогда было ребятам лоск наводить...

— А по-моему, вполне приличное помещение, — заявил Глеб. — Эх, соснуть бы сейчас минуток шесть-сот! — Взгляд его больших красивых глаз затуманился, отяжелевшие веки тянули книзу. — Привал, Сань, да?

Остальные нерешительно поглядывали на командира. Стрекалову и самому до смерти хотелось спать, но он пересилил себя.

— Здесь останется Зябликов, остальные — на просеку леса. Сойдемся тут же через три часа. Все.

— Товарищ сержант, а если нас вызовет «Заря», — спросил Федя, — отвечать или нет?

— Нечего нам отвечать, — угрюмо бросил Стрекалов, — ввязались в такое дело, так помалкивайте, не то прикажут вернуться. А нам с пустыми руками возвращаться нельзя!

Разведчики опустили головы.

Богданов пришел на стоянку последним. По его виду сержант понял, что произошло нечто важное. Глядя не на Стрекалова, а куда-то мимо него, Глеб сказал:

— Ты был прав. Все произошло здесь. — Он был бледен, руки его дрожали. — Все они там... Наши ребята, — вдруг он всхлипнул и закрыл лицо обеими ладонями. — Не могу, братцы! У них вместо тела — не поймешь что!

— Ну, будет! — прикрикнул на него Стрекалов, беря автомат. — Веди!

Когда трое разведчиков пришли на место страшной казни, день был в полном разгаре. На повороте дороги из-под тонкого слоя снега высывались ботинки, белье и защитного цвета куски материи, торчали задубевшие на морозе клочья шинелей. Подойдя ближе, Стрекалов начал различать руки, ноги, головы раздавленных людей. Свежий снег ложился на другой, раскрытый до земли гусеницами танков, местами розовый от крови.

— Нет Драганова, — сказал Стрекалов, осмотрев побоище, — остальные, надо полагать, здесь.

На обочине под елкой молча страдал Карцев — его тошнило.

Вдали слышалось урчание машины, и разведчики залегли тут же, за высоким снежным сугробом. По выражению лица сержанта Глеб понял, что на этот раз фрицам несдобровать. Приближался крытый брезентом грузовик. Ковыляя по ухабам и старательно объезжая колеи, он поравнялся с местом, где лежали убитые, и дал большой крюк в сторону. Сержант приподнялся, чтобы точнее поразить сидевших в кабине, но в это время из-за поворота показался второй грузовик, за ним гретий. Богданов покосился на своего командира. Стрекалов, все еще держа кабину первого грузовика на мушке, не стрелял, видимо, соображая, как поступить. В таких грузовиках с минимальной охраной — один человек в кабине, два в кузове — немцы обычно возят боеприпасы. По низкой осадке и по тому, как старательно водители объезжали колеи, Сашка понял, что машины идут от склада к передовой и нагружены сверх нормы. А это значило, что в кузове не два, а один — двоим там места нет.

Решение было принято мгновенно.

— Останешься за меня, Глеб, рацию спрячьте. Меня ждите ровно сутки. Если через сутки не вернусь,

возвращайтесь к нашим той же дорогой. Может быть, и прорветесь.

— Как же, Сань... — нерешительно начал Богданов, но Стрекалов уже передавал ему ракетницу.

— Если увидишь, что не прорваться, дай ракету. Ну, братцы, либо грудь в крестах, либо голова в кустах!

Когда последняя машина поравнялась с ним, Стрекалов поднялся, отряхнул снег с колен и, закинув «шмайссер» за спину, побежал через дорогу. Его товарищи видели, как он догнал грузовик и некоторое время бежал за ним, ухватившись за борт, потом чьи-то руки втащили его в кузов и грузовик скрылся за поворотом. Разведчики ждали выстрелов, криков, наконец, мощного взрыва, но все было тихо. Через минуту не стало слышно гула моторов и над зимней дорогой вновь повисла мгlistая, морозная тишина.

ТЕЛЕФОНОГРАММА

«Командиру 201-й стрелковой дивизии

10 декабря 1943 г.

Вам направляется личный состав из числа призывников разного возраста в количестве 1500 человек, один ИПТАП 311 и две санроты.

Командующий армией генерал-лейтенант Белозеров».

* * *

Спутником Сашки был пожилой немец, давно не бритый, худой, в старой, протертой на локтях и прожженной снизу шинели. До того как появиться Стрекалову, он, по-видимому, спал. Пособив незнакомому обершарфюреру взобраться в кузов и дав место подле себя, он заснул опять, не сказав ни единого слова и даже не взглянув как следует на пассажира. Стрекалов хотел сначала тут же его ухлопать, но потом раздумал. Пока тот ему не мешал. На всякий случай, чтобы не вызвать его на разговор, сержант притворился спящим, но немец и не собирался заговаривать, и сержант не стал притворяться. Куда они едут? Везут боеприпасы на исходный рубеж? А если нет? Но ведь

даже если просто перебазироваться склад, об этом тоже не вредно знать советскому командованию. Вместе с тем тревожило Стрекалова и другое: правильно ли он поступил, оставив группу на попечение Богданова? Как мог, он успокаивал себя: во-первых, Богданов не новичок на войне, во-вторых, если б Сашка погиб, группой все равно бы стал командовать Богданов, в-третьих, упустить такой момент было бы непростительно. Что же касается приказа полковника Чернова, то здесь мысли Стрекалова натыкались на глухую стену и бились о нее, как бабочки о стекло, не находя выхода. С одной стороны, рано или поздно командование убедится в своей ошибке — может, уже убедилось — и разрешит Стрекалову продолжать разведку, но тогда уже будет поздно, следовательно, он поступил правильно, предотвратив события. С другой стороны, в армии нет преступления более тяжелого, чем нарушить приказ старшего. За это Стрекалову, учитывая обстановку, полагается расстрел. Но дело сделано, и единственный выход для него — это продолжать начатое. В конце концов, важен результат. По привычке, хотя и с некоторым опозданием, сержант оценил свои шансы. Их немного. Форма эсэсовца поможет ему проникнуть в расположение передовых частей. Однако чтобы передать сведения своим, необходимо вернуться к радию. На это шансов ничтожно мало. Его разоблачат сразу же, как только он вылезет из кузова. Правда, в последний момент Глеб успел заменить его шапку немецкой каской на фланелевой подкладке, но штаны у Стрекалова прежние — пятнистые, желто-зеленые с черными разводами, похожие на украинские шаровары, и сапоги самые что ни на есть русские «комсоставские» — добротные яловые с высокими мягкими голенищами... Предложить соседу поменяться? Он с сомнением покосился на спящего. Сашкины сапоги ему будут велики, а Сашке его малы. Вот разве попробовать обменять штаны... Сашка осторожно толкает соседа локтем. Тот вздрагивает, просыпается и смотрит на обершарфюрера ослепшими глазами.

— Was wollen Sie? *

Поскольку офицер смотрит на его брюки, солдат робко пытается прикрыть их полой шинели. Брюки действительно плохи. Однако во всей роте теперь других

---

* Что вы хотите? (нем.).

не сыщешь. Впрочем, у самого обершарфюрера они тоже не лучше... Солдат мельком посматривает на них и переводит взгляд еще выше, на грудь. Там, кое-как затертые, видны следы крови.

— Sind Sie verwundet? Haben die Russen Sie erschossen? *

На этот раз Сашка не понял ни слова, но на всякий случай кивнул головой и произнес «я-а, я-а», сильно растягивая гласную, как это делают немцы.

На лесной опушке грузовики неожиданно остановились. Сразу стали слышны голоса, стук закрываемых дверок. Впереди, примерно в полутора километрах, лежало укутанное в снег большое село с высокой пятиглавой церковью, темной массой домов и паутиной огородов вокруг них. По скрипу снега и приближающимся голосам Стрекалов понял, что вдоль колонны автомашин идут несколько человек. Он откинулся на ящики и притворился спящим. В кузов заглянул долговязый ефрейтор, посмотрел на Сашку и что-то спросил у солдата. Тот ответил, и Стрекалов уловил знакомое «кранк».

— Oder krank **, — повторил солдат. По-видимому, он еще не решил, ранен его случайный попутчик или болен. Ефрейтор помедлил немного, подозрительно глядя на Стрекалова.

Когда он ушел, Сашка с видимым усилием пошевелился, застонал, отстегнул от пояса флягу и отхлебнул хороший глоток. Краем глаза он видел, как под дряблой кожей на шее соседа стремительно подпрыгнул и вновь упал кадык. Нарочно, немного поколебавшись, Стрекалов протянул ему флягу. Солдат схватил ее обеими руками и жадно припал к горлышку.

— Danke! Danke schön! *** — сказал с чувством, возвращая флягу и вытирая губы тыльной стороной руки. — Mein Name ist Frideman. Gans Frideman — Tischler. — И уставился на Сашку в ожидании ответа. На этот раз сержант понял, чего от него хотят.

— Шухер, — сказал он. — Ганс Шухер. — И протянул флягу.

Солдат удивленно поднял брови, но флягу взял и,

---

* — Вы ранены? Вас подстрелили русские? (нем.).

** — Или болен (нем.).

*** — Спасибо! Большое спасибо! Меня зовут Фридеман. Ганс Фридеман — столяр (нем.).

сделав три-четыре больших глотка, вернул ее хозяину, на этот раз с поклоном. Должно быть, от голода он сразу захмелел, превратившись в веселого добродушного болтуна. Говорил он очень быстро, глотая слова и брызгая слюной. Это был типичный «тотальный фриц», голодный, забитый, выполняющий черную работу на своих господ, запуганный ими и всей непонятной для него окружающей обстановкой. Он несколько раз повторил слова «киндер» и «кляйн киндер», затем «фрау» и «майне либе фрау» и всего чаще: «эссен», из чего Сашка заключил, что мысли и желания этого солдата слишком далеки от военной службы. Высокий молодой обершарфюрер, не похожий ни на одного из его начальников, ему явно нравился, а его немыслимая щедрость заставляла забыть осторожность...

Прошло часа два. Позади трех грузовиков теперь уже выстроилась целая колонна — сержант видел ближние и слышал в лесу гул множества других. Водители и сопровождающие ходили вдоль колонны, разминая ноги, громко разговаривали, смеялись, ругались и поглядывали на небо. Некоторые в поисках знакомых, а может быть, и еды навещали кузова чужих машин. Так прошел еще час, начинало темнеть, и Стрекалов понял причину остановки. Немцы боялись бомбежки. Между селом и опушкой леса, где скопилось множество машин, простиралось большое поле, пересекавшееся прямой, как ученическая линейка, трассой. Днем пересекать его было опасно, но как только сумерки достаточно сгустились, моторы взревели и колонна тронулась. На окраине села ее снова остановили — через село проходили танки. Стрекалов видел их расплывчатые движущиеся тени среди неподвижных домов и обгорелых печных труб. За танками шли самоходки, минометы, артиллерия. Так же, как и танки, тягачи с минометами выползали из леса справа, пересекали поле, входили в село с востока и устремлялись на северо-запад, оставляя после себя волны едкого синего дыма. Зная Стрекалов немецкий язык, он мог бы, не выходя из кузова грузовика, узнать многое из отрывочных фраз и криков, из перебранки шоферов и разговоров сопровождающих. Однако он только хлопал глазами, считал «боевые единицы» да слушал непонятную болтовню соседа. От выпитой водки тот ожил, раскраснелся и даже как будто помолодел. Все спешили, и Сашка спешил вместе со всеми, но неожиданно фортуна по-

вернулась к нему задом. В нетерпении взглянув через дырку в брезенте, он увидел трех эсэсовцев с большими бляхами на груди. Полевая жандармерия! Они шли следом за тем самым долговязым ефрейтором, который первым обнаружил Сашку в кузове своего грузовика. Стрекалов понял, что его путешествию пришел конец. Не дожидаясь развязки, он перемахнул через борт и устремился к лесу. Чтобы не вызвать подозрения у сидевших в кабинах, он шел, на ходу поднимая полы шинели. Вскоре он услышал голос Фридемана, звавший его, а еще через минуту длинные автоматные очереди понеслись ему вдогонку. Несколько человек бросились за Сашкой, но вскоре вернулись, и вся длинная колонна тронулась через село на запад.

В том же направлении, но по бездорожью, огибая Крышичи стороной и на все корки матеря жандармов и глубокий снег, пробирался Стрекалов.

На шоссе он вышел снова километрах в трех от села и сразу же увидел следы танковых гусениц, черные капли отработанного масла. Чем дальше двигался он на запад, тем больше попадалось ему этих следов, тверже, укатанней была дорога и слышней казался гул танковых моторов.

Деревни встречались часто, но не было ни одной, где бы сохранилась жизнь. Только обгорелые печные трубы да черные головки провожали разведчика, и нигде было ему передохнуть, посидеть в тепле, найти кусок хлеба. Отмахав верст пять по зимнему лесу, Сашка мучительно хотел есть и еще больше — пить. Снег, который он горстями пихал в рот, не утолял жажду, а еще больше разжигал ее. Увидев целый колодезный сруб, Стрекалов повернул к нему. На цепи болталась деревянная бадья. Скрип журавля показался ему слишком громким, и сержант невольно оглянулся. И увидел казненного. Он висел на сучке старой сломанной березы возле самой дороги, неподвижный и темный, с вытянутыми и разведенными в стороны ногами.

Стрекалов отвернулся, выпил воды, наполнил ею флягу, посидел немного на срубе и вновь вышел на дорогу. Не утерпев, он, проходя мимо березы, поднял голову и узнал Фридемана.

По утопанной множеством сапог тропинке сержант выбрался на шоссе и, не оглядываясь, зашагал на запад. Когда позади появлялась автомашина, он прятался в кустарник или просто ложился в снег на обочине, уве-

ренный, что едущим не до одинокого труп... Пропустив машину, шел дальше. Голод мучил его все сильнее. Успокаивая себя тем, что до рассвета еще далеко, сержант стал делать большие зигзаги в стороны — в густых кущах деревьев ему чудились уцелевшие избы с теплыми печками, парным молоком, свежим хлебом и добрыми русскими людьми, однако стоило ему приблизиться, как деревни превращались в молодые рощи, одинокие дома — в заброшенные скирды соломы... Измученный этими бросками, слабеющий все более, сержант уже начал впадать в отчаяние, как вдруг метрах в двухстах от дороги среди деревьев мелькнул огонек. Сашка зажмурился, покрутил головой, но огонек не исчезал. Сержант бросился к нему напрямик через глубокий снег, не замечая, что от шоссе к хутору тянется накатанный зимник. Благоразумие пришло лишь в самый последний момент, когда стали слышны запах хлеба и сонное мычание коровы. Передвинув автомат на грудь, сержант задержал свой бег, но приказать себе не волноваться не мог. Так, с бьющимся от радости сердцем, едва ворочая сухим языком, он подошел к замерзшему окну и согнутым пальцем постучал в окно. Через минуту огонек погас, задутый чьим-то робким дыханием. Потом это дыхание начало протаивать на замороженном стекле лунку. Хозяин хотел знать, кто стучит. Наконец заскрипела ржавыми петлями дверь, слегка приоткрылась и замерла, но на пороге никто не появился. Прижимая к груди автомат, Сашка шагнул в темный проем.

— Здравствуйте, хозяева! — произнес он и не узнал своего голоса. От долгого молчания и ледяной колодезной воды в глубине его горла заиграла разошедшаясь флейта. Ему никто не ответил, но он услышал теперь присутствие человека за своей спиной, его дыхание, запах пота и выкуренной недавно ароматной немецкой сигареты.

— Пустите обогреться! — снова произнес Сашка в темноту и по привычке сделал шаг в сторону. Но в него никто не стрелял. Вместо этого впереди отворилась низкая дверь, из комнаты просочился тусклый красноватый свет. Стрекалов пошел вперед и очутился в бедной избенке с низким закопченным потолком, огромной печью, занимающей больше половины избы и обширными полатами над ней. Ближе к двери стояла широкая деревянная кровать, покрытая лоскутным одея-

лом, дальше, в переднем углу — небольшой киот с горящей лампадой. На кровати кто-то лежал — Стрекалов видел контуры маленького тела.

— Принимайте гостей, хозяева! — сказал сержант и снял каску. — Здравствуйте.

— Будь здоров, — произнес кто-то за его спиной. Обернувшись, Стрекалов увидел мужика лет сорока, широкоплечего, коренастого, крупноголового, с окладистой, слегка всклокоченной бородой. Задев плечом стоящего у порога незнакомца, он прошел вперед и сел на лавку. Некоторое время в избе стояла тишина, потом хозяин сказал негромко:

— Собери, мать, повечерять гостю.

Куча тряпья на кровати зашевелилась, и в сени проскользнула маленькая женщина с длинной, наполовину расплетенной косой, одетая в старенькое ситцевое платье. Потом босые ноги ее из сеней протопали на кухню, оттуда — в комнату. На столе появилось блюдо с солеными огурцами, чугунок с картошкой и полкаравая хлеба. Хозяин взял с полки деревянную солонку, отрезал большой кусок хлеба и, положив его рядом с солонкой, опять неподвижно замер на лавке.

— Больше нет ничего, — глухо пояснил он, по своему растолковывая недоуменный взгляд Сашки.

— И на том спасибо, — ответил сержант, принимаясь за еду.

Сделав свое дело, маленькая женщина куда-то исчезла, мужчина продолжал сидеть в углу под образами. «Сейчас начнет спрашивать, кто такой, откуда и куда иду», — подумал Сашка, но мужик ни о чем не спросил. Он исподлобья рассматривал Сашку, его руки, эсэсовскую шинель, оружие. Бежавшие из концлагеря военнопленные выглядят иначе...

Съев дочиста все: и картошку, и хлеб, и огурцы — гость поблагодарил и слегка отодвинулся от стола, но уходить не торопился.

— Я посижу у вас немного, — сказал он заплетаящимся языком.

Хозяин не ответил. Сашка тяжело поднялся, отошел к печке и сел на лавку; прислонившись к теплым кирпичам. Он тут же понял, что как раз этого делать не следовало, но веки сами собой ползли вниз, и сержант, как ни старался, не мог поднять их, отяжелевших, непослушных, царапающих белки сухим наждаком.

— Я счас... Я чуть-чуть...

Это говорил уже не он, а кто-то другой, за него, успокаивая хозяев: вот пройдет еще минута, он встанет и пойдет как ни в чем не бывало в стужу, в неизвестность ради своего солдатского долга... Он так и не понял, снится ему или нет, будто с печки, осторожно переступая босыми ногами, спускается малыш в короткой домотканой рубашонке, а с кровати навстречу ему встает маленькая женщина и помогает сыну дойти до ведра в углу... Будто хозяин подходит к Сашке совсем близко и долго стоит над ним молча, а потом надевает полубошубок...

— Куда? — спрашивает Стрекалов, делая над собой усилие.

— Корове сена задать, — отвечает мужик и уходит, а Сашка остается сидеть возле печки, хотя знает, что отпускать мужика одного было нельзя... Подобно прибою, сон безостановочно катил на него свои мягкие прозрачные волны, и не было сил противиться этим волнам, и Сашка, перестав бороться, тихо погрузился на дно...

Всплыл он тут же и широко раскрыл глаза — так легче одолеть сон. Хозяин лежал, укрывшись одеялом, за окном глухая ночь, на печке посапывали ребятишки. Их двое. Чтобы окончательно разгуляться, Стрекалов поднялся и посмотрел на них, откинув занавеску. Тот, что слезал к ведру, — старший. Он лежит с краю. Другого трудно рассмотреть среди кучи тряпья.

И вдруг Стрекалов заметил висящий возле двери на гвозде полубошубок с белой нарукавной повязкой, а возле порога — новые сапоги с еще не смятыми голенищами.

— Так вот ты какой, хозяин! Вот почему уцелел твой хутор!

Он поднял автомат, но благоразумие взяло верх. Вдоволь побродив по глубоким тылам, он больше других знал, что русские люди немцам служат по-разному. Одни с усердием, другие делают вид, что служат. На стене висела немецкая винтовка. Сержант снял ее, но ржавый затвор не хотел открываться. Чтобы не заснуть снова, Стрекалов вышел во двор, оттуда — на улицу. Ночь еще висела над хутором тяжелым свинцовым пологом. В той стороне, откуда пришел Сашка, край неба как будто начал светлеть. Но, может, это только кажется? Сержант отошел подальше от избы и

глянул поверх крыши. Край неба в самом деле начал светлеть, поднялся ветер, по-утреннему закаркали вороны.

Посторонний шум привлек его внимание. Сержант выглянул из-за сарая. По шоссе мчались мотоциклисты, изредка высвечивая фарами опасные участки дороги. Поравнявшись с хутором, они остановились; луч прожектора скользнул по темным окнам, стожку сена.

Раздалась короткая команда. Стрекалов кинулся к воротам двора, но они оказались запертыми изнутри. Кто-то там, в темноте, еще возился с тяжелым за-
совом.

— Вот попалась птичка, стой! — невесело усмехнулся Сашка.

Немцы приближались. Их было девять. Сержант вжался в узкий угол между крыльцом и двором. Над его головой далеко выдавалась вперед соломенная кровля. Подняв голову, Сашка заметил широкий лаз. Скорей всего хозяин начал ремонтировать двор и не закончил. Подтянувшись на руках, сержант забрался на сеновал и побежал, путаясь в сене, в дальний его угол. Неожиданно ноги его потеряли опору. Беспомощно взмахнув руками, он покатился куда-то вниз. Затрещали деревянные жерди, замычала испуганная корова, и Сашка оказался в коровьих яслях, а сползшее сено накрыло его с головой.

Вскоре дверь со стуком распахнулась и люди, грохоча сапогами, вышли из дома. Минут через двадцать они уехали — был слышен шум отъезжающих мотоциклов. Сашка вылез из яслей, пошел в избу.

Хозяин встретил его с винтовкой в руках.

— Не подходи!

— Хватит, поиграли, — сказал сержант, — пора расплачиваться.

— Не подходи, убью! — в отчаянии крикнул полицейский.

— Не пугай. Мы пуганые, — сказал спокойно Сашка. Он взял ковш, напился из кадушки воды, немного посидел на лавке, отдыхая после страшного напряжения, поднялся. — Пойдем, хозяин, не здесь же мне с тобой... — Он покосился на сбившихся в угол маленькую женщину и ребятишек.

Полицейский все еще стоял в угрожающей позе, но во взгляде его был стыл ужас. Когда Сашка шевельнул автоматом, он вздрогнул, согнулся, руки его разжались, и винтовка грохнулась на пол.

— Так-то лучше, — сказал Сашка, — пошли!

Но маленькая женщина бросилась вперед, оттолкнула ребятишек и упала перед Сашкой на колени.

— Обожди, солдатик, не губи понапрасну, послушай, что скажу. Заставили его! Пригрозили, что нас всех изничтожат...

— Встань, Степанида, — сказал негромко муж, — на все воля божья. Детей береги...

— Не губи, солдати-и-ик! — пронзительно закричала женщина. — Сокрыл ведь он тебя, не выдал! Сеном прикрыл, когда ты в ясли упал. А что в дом не пустил — так ведь и тебя, и нас бы вместе с тобой порешили изверги-и-и!

— Ну, будя! — крикнул мужик. — Не трави душу, служивый, ве-ди!

Стараясь не глядеть на лежащую посреди пола женщину, сержант повел полиция в сарай, потом передумал, решил вести за большак в лес... Однако не успели они пройти и половину пути, как сзади раздался крик, от которого у Сашки защемило сердце:

— Ваня-а-а! Кормилец наш!

В одном легком платье, босая и простоволосая, она бежала по снегу, расставив руки. Сзади, тоже босые, хныча и высоко поднимая ножонки от холода, спешили ребятишки.

— Ну, чего стал? — глухо, как в самоварную трубу, произнес полицейский. — Али тебе одной моей души мало?

Женщина была уже совсем близко. Сашка выругался.

— Воюй тут с вами... — И вдруг замахнулся на полиция прикладом. — А ну, катись вместе со своим вывотком!

Оторопело моргая, мужик попятился от Сашки, заппнулся за корягу и упал на спину. И еще долго не вставал, молча глядел в спину удаляющегося человека. Позади него в снегу билась в рыданиях маленькая женщина.

* * *

В расположение 216-го стрелкового полка майор Розин приехал в первом часу ночи. Пока он собирал рассыпанные повсюду патроны, искал свою планшетку и вылезал из машины, шофер успел проверить все четыре ската, ковырнуть пальцем заднее стекло, про-

стреленное пулей, сосчитать пробоины и осмотреть мотор.

— Легко отделались, товарищ майор! — Он с треском захлопнул капот. Начальник разведки усмехнулся.

— Давно на фронте?

— Я-то? — Шофер озабоченно тер ветошью лобовое стекло. — С октября.

— А до этого?

— До этого? — Манера переспрашивать, по мнению майора, была свойственна людям осторожным и криводушным. Они нарочно тянут время, обдумывая даже самый пустяковый ответ. — До этого я генерала возил, — ответил наконец шофер.

— Какого генерала?

— Генерал-майора Дудина.

— Не знаю такого. Какой дивизии?

— Сорок девятой.

— Где она базировалась?

— Где стояла, спрашиваете?

— Ну да.

— Северо-восточнее Москвы. Более точного места указать не могу, так как у нас насчет военной тайны было строго, товарищ майор...

Розин прошел мимо откazyрившего ему часового в штабной блиндаж, ответил на приветствие щеголеватого старшего лейтенанта — оперативного дежурного, велел позвать санинструктора. Видя нарочито встревоженное лицо дежурного, его сдвинутые к переносице брови, коротко пояснил:

— Царапина.

— Я вызову врача, — сказал старший лейтенант.

— Я же ясно сказал: санинструктора! И, если можно, дайте крепкого чая.

— Можно с лимоном?

— Давайте с лимоном, только поскорее.

Чай ему подал через минуту ординарец полковника Бородин Завалюхин, которого из уважения к его возрасту все звали по имени и отчеству.

— А что, Федот Спиридонович, спит твой полковник или бодрствует? — спросил Розин, принимая из рук солдата большую фарфоровую кружку.

— Еще не ложились, — ответил Завалюхин, — как вернулись в двенадцатом часу, так от стола ни на шаг.

Розин отхлебнул крепкого напитка, сильно разбавленного коньяком, благодарно кивнул. Завалюхин про-

сиял, наклонился поближе, так как был очень высокого роста.

— Приказано: как только вы прибудете, так чтоб доложить...

— А откуда он знал, что я прибуду?

Завалюхин развел руками:

— Не могу знать, товарищ майор, а только так и сказал...

— Ну хорошо, дай отдышаться.

Откинув плащ-палатку у входа, в блиндаж впрорхнула санинструктор Свердлина, блондинка с большими голубыми глазами и ярко накрашенными губами.

— Товарищ майор, что с вами? — воскликнула она голосом провинциальной актрисы и мгновенно очутилась на коленях перед майором, сидевшим на скамейке. Короткая юбка защитного цвета подалась вверх, открыв полные колени, ловкие пальчики коснулись руки майора, кое-как перевязанной носовым платком. — О боже, вы ранены!

«Откуда у этой девочки столько опереточного?» — подумал Розин.

— Встаньте, Свердлина! Вы что, всех перевязываете, стоя на коленях?

— Но мне так удобней, товарищ майор! — ничуть не смутившись, ответила она, и губы ее капризно изогнулись.

— Встаньте!

Вошел наконец старший лейтенант и поставил на столик тонкий стакан в подстаканнике и блюдечко с кусочками рафинада.

— Ну вот и все, — уже другим тоном сказала Свердлина, застегивая сумку. — Вообще-то, надо бы укольчик сделать. Против столбняка.

— Обойдется.

— Положено.

— Вы свободны, товарищ младший сержант, идите. Она грациозно повернулась и вышла.

— Спасибо, Гушин, — сказал майор, отодвигая стакан. — Я уже... Полковник Бородин у себя?

— Он вас ждет, — сказал старший лейтенант, предупредительно отодвигая плащ-палатку.

В просторном помещении штаба горело сразу три светильника: две «летучие мыши» под потолком и керосиновая лампа на столе, на углу разложенной карты.

— Наконец-то! — полковник бросил карандаш, по-

шел навстречу. — А я тут тебя каждые десять минут поминал. Привык, понимаешь, к твоему присутствию... Ранили? Когда? Где?

— Возле Бибииков обстреляли. Там есть такой хитрый поворот, когда из лесу выезжаешь... Чудом проскочили. Водитель-раззява проглядел, а потом вместо того, чтобы нажать на железку, начал разворачиваться... Ты не знаешь, как там мой Рыбаков?

— Твой Рыбаков приказал долго жить, — сказал Бородин, — хороший был солдат, ничего не скажешь, и водитель отличный. Ты с ним с сорок первого, кажется?

— С февраля сорок второго.

— Да, брат... Такого человека не помянуть грех! — Он достал откуда-то бутылку водки, поставил на стол два стакана в подстаканниках. — Закусить нечем. Спиридоныч спит, наверное, ну да ничего...

Неслышно ступая, вошел Завалюхин, неся большую сковородку жареной картошки, дощечку с крупно нарезанным хлебом, раскрытую банку свиной тушенки, и поставил все это на край скамьи.

— Ты чего, Спиридонович? — спросил Бородин.

— Так ведь голодные небось! — Завалюхин сделал движение рукой в сторону Розина.

— Ах да, верно. Спасибо, очень кстати. — И когда солдат повернулся, чтобы уйти, остановил его: — На-ко вот, держи, Федот Спиридонович.

— Чего это вы, товарищ полковник? Доктор вам запретил, а вы...

— Ладно, ладно. Одного хорошего человека помянуть нужно.

— Кого это?

— Или не знаешь?

— А, Николая... Ну что ж, пускай земля ему будет пухом. Золотой был мужик!

Все трое выпили.

— Я пойду, — сказал Завалюхин, степенно вытирая усы щепотью, — ежели чего надо, я тут...

— Ничего не надо, иди спи.

Розина слегка познабливало. Он попробовал закутить, но дым папиросы показался слишком горьким.

— Об обстоятельствах гибели группы Драганова что-нибудь узнали?

Бородин пожал плечами:

— Что тут узнаешь? Рация только у Стрекалова.

— А как у него? — с живостью спросил Розин.

— Как раз о нем-то и разговор. — Бородин вынул из нагрудного кармана радиogramму Стрекалова и, пока Розин читал ее, прошелся по блиндажу, потирая ладонью левую половину груди. Розин медленно сложил бумагу, бросил ее на стол.

— Значит, не хочет подчиниться?

— Не хочет.

— А Чернов настаивает?

— Настаивает не то слово. Ты же знаешь его...

— Да, парню несдобровать. Отозвать пробовали?

— Пробовали. Рация не отвечает. Либо забрался таки в самую гущу и не хочет обнаруживать себя, либо боится, что мы отзовем. Хитрый дьявол!

Розин едва заметно улыбнулся, глаза его потекли.

— Стрекалов — отличный разведчик. Я навел справки о его прошлой службе.

— Ты пойди это Чернову расскажи! Он тебе разъяснит, кто лучший и кто худший. При одном его имени у нашего Севы физиономию перекашивает...

— Слушай, а если он прав?

— Кто, Чернов?

— Да нет, Стрекалов. Ведь ему-то, во всяком случае, виднее!

Бородин перестал ходить, подошел к столу, взял в руки радиogramму.

— Я об этом уже думал.

— Ну и что?

— Что я тебе скажу? В армии нет более тяжкого преступления, чем прямое нарушение приказа.

— У Стрекалова был еще один приказ — мой. И я его не отменял.

— Ты же знаешь, по уставу выполняется последний. Так вот, Чернов ему дважды приказывал уничтожить объект.

— Вот именно: дважды! Почему дважды?

— Ну, потому, видимо, что Чернов не был уверен...

— В чем не был уверен? В том, что Стрекалов выполнит, или в том, что склад имеет важное значение? А если Стрекалов все-таки прав и нам подсовывают «куклу», кого тогда надо награждать и кого наказывать?

— Ну, до наград еще далеко.

— Поставь-ка на место Стрекалова себя. Ты рядом

с объектом, все видишь, все понял, и вдруг тебе говорят, что это тебе снится, что ты должен, закрыв глаза, делать совсем другое, никому не нужное, даже вредное дело, поскольку после этого немцам ничего не останется, как уничтожить русских, раскрывших их секрет.

— Дмитрий Максимович, я же понимаю...

— Обожди, это не все. В нескольких километрах от тебя при загадочных обстоятельствах одна за другой гибнут две разведгруппы, а тебя никто не трогает. Почему? Может, там у Шлауберга разведка сильная, а тут никуда не годится? Ерунда. Вывод один: там его наши ребята раскололи, а здесь клюнули на червяка.

— Гм... В логике тебе не откажешь.

— Логика — составная часть науки разведчика. Так как же все-таки поступил бы ты?

— Но ведь перебежчик...

— Ты его видел?

— Мельком. Типичный бандюга.

— На допросах не присутствовал?

— Нет, я был занят. Да это, в конце концов, и не мое дело.

— Значит, его допрашивал один Чернов?

— В общем, да. Спроси лучше Ухова. Кажется, он тоже там был...

— Я с ним поговорю. Где пленный?

— По-моему, в землянке с комендантским взводом. Они же его и охраняют.

— А где Чернов?

— Наверное, в штабе дивизии. Пока ты ездил в штаб армии, он все время был в нашем полку. Впрочем, сейчас уточню. — Бородин вызвал дежурного.

— Начальник штаба в двадцать два ноль-ноль отбыл в штаб дивизии, — доложил Гушин.

— Значит, он там, — сказал Бородин.

На щеках Розина от волнения выступили красные пятна.

— Гушин, срочно вызовите в блиндаж разведчиков капитана Ухова и туда же прикажите доставить перебежчика. Я буду через десять минут.

— Слушаюсь, товарищ майор! — ответил дежурный.

* * *

Ухов встретил майора Розина широкой улыбкой.

— Гушин сказал, что вас обстреляли. Вы не можете сказать точно, где это произошло?

— По-моему, туда уже послали автоматчиков. Скажите, капитан, вы присутствовали на допросах перебежчика?

— Так точно! — с готовностью отозвался капитан. — Полковник Чернов лично поручил мне...

— Поручал вам вести допросы? Но ведь вы же совсем недавно в разведке. И потом, вы не знаете языка. Вы ничего не поймете.

Ухов чутьочку даже обиделся.

— Что же тут не понять? Фашисты — сволочи, это всякий знает... Я делал все, как положено. Полковник сказал, что я веду допрос вполне корректно. А в чем дело? Что-нибудь не так, товарищ майор? Так ведь можно и переиграть, если что...

— Нет, переигрывать не будем. Так значит, корректно вели допрос?

— Ну, конечно! — оживился Ухов. — Мы ведь понимаем, товарищ майор! Да вы не сомневайтесь!

— Я не сомневаюсь. Взгляните, капитан, не привели еще фашиста?

— Перебежчика, товарищ майор! — со снисходительной улыбкой поправил Ухов. — Это разница.

— Да, да, конечно. Взгляните, пожалуйста.

Вслед за капитаном Уховым вошли перебежчик и его конвоир. Крупная, широкоплечая фигура немца почти целиком загородила дверной проем, поэтому маленькому, щуплому конвоиру пришлось толкнуть его в спину, чтобы протиснуться вперед.

— Товарищ майор, по вашему приказанию задержанный перебежчик доставлен, — доложил он.

— Почему один конвоируете? — спросил начальник разведки, разглядывая обоих. Главное даже не то, что боец был мал ростом, а то, что он был очень молод...

— Не могу знать, — растерялся солдат. — Старший сержант приказал.

— Хорошо, с этим я разберусь.

Получив разрешение, немец грузно сел на табурет, привычно доброжелательно улыбаясь, приложил два пальца к губам:

— Bitte rauchen, Herr Hauptman! *

Ухов с готовностью полез в карман за папиросами.

— Отставить! — негромко сказал Розин. От табач-

---

* — Разрешите закурить, господин капитан! (нем.).

ного дыма его сегодня мутило. Немец понял это по-своему и озабоченно перевел взгляд на майора.

— Успеется, я задержу его ненадолго.

Он сказал это по-русски, но немец вдруг успокоился. «Понял или догадался? — подумал Розин. — Надо проверить». Он сел за стол.

После обычных формальностей — имя, фамилия, номер части, обстоятельства и причины перехода — майор спросил перебежчика, хорошо ли его кормят. Тот с готовностью ответил, что да, очень хорошо, и отпустил неуклюжий комплимент по поводу безупречного произношения Розина.

— Герр майор никогда не был в Берлине?

Розин сказал, что не был, но надеется попасть туда в самое ближайшее время, и немец рассмеялся в знак того, что по достоинству оценил шутку.

— Гитлер проиграл войну, — сказал он. Розину показалось, что эта фраза, как, впрочем, и все остальное, была заранее подготовлена. Он задал вопрос о семье: о жене, о детях. В этих случаях пленные ведут себя одинаково: стараясь разжалобить следователя, плачут, хватаются за сердце, падают в обморок. Макс Риган — так звали перебежчика — в точности повторил всю сцену. Рукава солдатского мундира — судя по документам, Риган служил в саперной роте 242-го пехотного полка — были ему коротки, воротник тесен, да и весь мундир узок, словно достался ему с чужого плеча. На открывшемся запястье синела татуировка. Розин загнул рукав еще дальше. Синие линии татуировки стали гуще, один скабресный рисунок наплывал на другой.

Еще в самом начале допроса Розин обратил внимание на глаза Ригана. Перебежчик никогда не смотрел прямо, а всегда куда-то вбок и обязательно исподлобья. Но главным было даже не это — в конце концов, большинство пленных вначале боится поднять глаза на русского офицера, — главным было то, что Риган, очевидно, привык так смотреть... Привык и к инсценировкам, вроде той, которую разыграл только что. Следовательно, неволя для него не новость. Татуировки могли быть сделаны в тюрьме.

— Разденьте его, — приказал разведчик.

Когда мундир был снят, Розин резким движением сорвал с сидевшего Ригана рубашку. Немец вскочил.

— Что вы делаете? — прошептал Ухов. — Он же пленный!

— Ich bin krank! * — сказал Риган, явно понимая, о чем говорит капитан.

— Теперь это не имеет значения, — спокойно ответил Розин. Перебежчик забился в угол, глаза его испуганно забегали.

— Вы не имеете права! Я добровольно перешел на вашу сторону!

Но Розин уже поднимал его руку вверх. На коже виднелся четкий ряд цифр. Это была группа крови.

— Вы эсэсовец, — все так же спокойно произнес Розин, снова садясь за стол, но уже по-иному глядя на солдата, — эсэсовцы в плен не сдаются, следовательно, вы заброшены к нам специально. Далее, у вас нет семьи, нет детей, но зато есть прошлое уголовного и убийцы. Сколько лет вы провели в тюрьме? Все, что вы раньше говорили на допросах, — ложь. Вы хотели обмануть нас, и за это будете расстреляны.

Он говорил, не повышая голоса, без выражения и лишних эмоций, делая вид, будто все это ему давно надоело и что не впервые сегодня выносит он такой приговор. Он видел, как вытягивается побелевшее лицо Ригана и сам он медленно сползает с топчана на земляной пол.

Капитан Ухов растерянно смотрел на майора. Сколько раз ему говорили о гуманности, о человечности, и вдруг тот самый человек, который до сих пор олицетворял эту самую гуманность, собирается совершить совсем другое!

«Черт бы побрал этого парня! — в сердцах подумал, в свою очередь, Розин, мельком увидев бледное лицо Ухова. — Чего доброго, вступится за немца и провалит так хорошо начатый спектакль».

Однако опасался он напрасно; немец был слишком уверен в том, что русские именно так и поступят, и не смотрел по сторонам. Об их азиатской жестокости он слышал раньше. Но Риган не хотел умирать. Все, что угодно, только не это! Ему нет еще и тридцати... Какой жестокий, пронизывающий взгляд у этого майора! Тот первый, коренастый и хромой, сначала тоже буравил Ригана своими угольными, всегда немного прищуренными глазами, но Риган чувствовал, что он ничего не видит в его давным-давно наглухо закрытой от всех посторонних душе. Этот же вместе с нательной рубашкой

---

* — Я болен! (нем.).

словно сорвал с него кожу... Что ему нужно? Похоже, он и так все знает. А если не все? Если предложить ему сделку? Продать Хаммера, Книттлера, вообще всю шайку к чертовой матери и самого Шлауберга в придачу? О дьявол! Почему молчит этот человек? Кто он? Следователь? Палач? Прокурор? И вдруг Риган понял: он разведчик! Ему наплевать, кто перед ним — эсэсовец или простой пехотинец, его интересует другое.

— Господин офицер, если гарантируете мне жизнь, я сообщу вам очень много интересного, — сказал он.

— Чем вы нас можете удивить? — равнодушно произнес Розин, убирая в полевую сумку какие-то бумаги. — И потом, вам нельзя верить.

— Клянусь, то, что я скажу теперь, будет правдой! — горячо воскликнул немец. Розин изобразил на своем лице раздумье.

— Хорошо, — сказал он наконец, — но сначала давайте уточним ваши прежние показания. — Он взял протокол допроса Ригана, составленный Уховым. — Сколько тонн горючего и какого именно находится на складе в Алексичах? Какова там охрана? Еще раз напоминаю: ложь будет стоить вам жизни.

Риган снова заколебался. Либо сейчас он станет предателем, но получит жизнь, либо останется верен фюреру и вознесется на небо. Он выбрал первое.

— В Алексичах нет никакого горючего. Почти нет. Два или три каких-то бака, так, на всякий случай...

По изменившемуся лицу Розина Ухов понял, что немец сказал что-то очень важное, но майор быстро взял себя в руки, и командир разведки успокоился. Сделав вид, будто зачеркивает что-то на листе бумаги, Розин сказал:

— Это соответствует сведениям, полученным нашей разведкой. Если так пойдет дальше, мне действительно придется вас оставить в живых... — Он видел, как Риган быстрым движением вытер потный лоб. — Сколько солдат сосредоточено в этом районе, танков, самоходок?

— Там стоят танки... — Риган говорил медленно, будто приоткрывал тяжелую завесу. — Много танков. Мы свозили их тягачами. отовсюду. Вы увидите их сами, когда займете Алексичи. Некоторые были так искалечены, что нам пришлось собирать их по частям...

Розин быстро встал и подошел вплотную к эсэсовцу. Напряженно следивший за ним Ухов на всякий случай подался вперед.

— Довольно. А теперь — так же честно — место прорыва! Ну, быстро!

Немец снова побледнел.

— Этого я не знаю.

Розин повернулся к Ухову.

— Товарищ капитан, приведите в исполнение. Нечего с ним больше церемониться!

Риган, как подкошенный, повалился на колени.

— Помилуйте, господин майор, я сказал все, что знал! Клянусь вам!

— Вот как! А ты славно говоришь по-русски! Ухов!

— Господин майор, еще одну минуту! Только одну! Место, где мы перейдем в наступление, держится в строжайшей тайне. Я простой солдат и узнаю об этом не раньше других, но зато я сообщу вам, где находится бригаденфюрер Шлауберг! Это хорошая плата за мою жизнь, не правда ли?

— Назови хотя бы примерно, где генерал намеревается выходить из окружения. Далеко это от Алексичей или близко? В какой стороне?

— Я могу только предполагать, — с трудом ворочая языком, проговорил Риган, — но дайте же хотя бы глоток воды! — Розин сделал знак Ухову. — Если генерал начал стягивать войска к месту прорыва, то совсем недавно. День-два, не больше. До этого вся техника, люди, склады с горючим были рассредоточены на большой территории. — Он облизнул пересохшие губы. — Да, стягивает... Но это не будет спасеньем, нет. Они все погибнут, герр майор. Все до одного. Я знаю, ваши солдаты не простят нам того, что мы натворили у вас за три года войны.

Вошел Ухов с котелком, Риган схватил его обеими руками и стал пить, захлебываясь и проливая воду на волосатую грудь.

— Ну хорошо, допустим, вы об этом ничего не знаете, — успокоившись, Розин снова перешел на «вы». — Где Шлауберг?

— Он в своей резиденции в Великом Бору. Говорят, там есть большой красивый дом — имение русского помещика, который когда-то дал от вас тягу...

Когда майор Розин появился в узле связи, там уже было несколько человек. Последним вошел полковник Бородин. Все стояли, окружив рацию, работавшую на волне «Сокола».

— Ну что, — спросил Бородин, — отозвался?

— Никак нет, товарищ полковник, — ответил начальник связи, — молчит.

Временами радисту казалось, что он слышит слабые позывные «Сокола», он вздрагивал, прижимал ладонями паушники и кричал: «Сокол»! «Сокол»!, Я — «Заря»! — и тогда стоявшие за его спиной офицеры нагибались над ним, забыв о рангах, теснили друг друга плечами, но наваждение проходило, радист успокаивался, офицеры расправляли согнутые спины.

Бородин пошел навстречу начальнику разведки дивизии.

— Что перебежчик? Есть новое?

— Все новое, Захар Иванович.

— А именно?

— В Алексичах для нас устроен цирк. Никакого наступления на этом участке не будет.

— Вот это фокус!

— Да. Мне надо срочно в штаб дивизии.

Он пошел к выходу, но ему навстречу спешил дежурный штаба полка.

— Товарищ полковник, к нам генерал.

Все, кроме радистов, повернулись к выходу, замерли в положении «смирно». Комдив вошел, как всегда, не торопясь, окинул взглядом присутствующих, поздоровался, не глядя, сбросил бурку подоспевшему ординарцу, пожал руку Бородину. За ним, нагнувшись, входили в блиндаж начальник политотдела дивизии и адъютант генерала, а чуть позже — полковник Чернов.

— Докладывай, Захар Иванович, коли есть о чем, — сказал генерал, — ты, брат, в последнее время не очень-то балуешь нас хорошими новостями. Немцы у тебя перед носом, а ты о них ни слова.

— Есть новости, товарищ генерал, — ответил Бородин, — но я думаю, вам об этом доложит ваш начальник разведки. Он только что допросил перебежчика.

— Когда же ты успел, Розин? — спросил генерал, подняв глаза на майора. — Два часа назад ты был еще в штабе армии. Ну ладно, давай выкладывай.

— Товарищ генерал, — начал Розин, — в Алекси-

чах нам приготовлен сюрприз другого рода, нежели мы предполагали.

— Что такое? — насторожился генерал, и благодушное выражение сменилось озабоченным.

— Никакого наступления на участке обороны двести шестнадцатого полка не будет.

— Вот как? Тогда где же?

— Скорей всего это произойдет западнее, у Вяземского. Но возможно, и в другом месте. Я как раз направлялся к вам для доклада.

Некоторое время в блиндаже стояла тишина, потом генерал спросил:

— Чем вызван такой поворот в твоем мнении? Со всем недавно ты мне доказывал обратное. Да и начальник штаба был с тобой согласен.

— Обстоятельства изменились, товарищ генерал. Перебежчик раскололся. Он подослан к нам с целью усилить дезинформацию.

— А танки?! Только вчера их видели летчики!

— Бутафория. Свезены отовсюду битые, замаскированы, подкрашены...

— А склад горючего? Тоже бутафория?

— Склад настоящий, но пуст, если верить перебежчику.

— А почему мы должны верить ему? — вмешался Чернов. — Мне он говорил одно, Розину — другое. Я думаю, товарищ генерал, нам все это надо еще раз хорошенько проверить.

— Да, да, ты прав. Надо проверить. На твоем месте, Дмитрий Максимович, я бы не торопился так категорично утверждать. Ну какие у тебя к тому доказательства, кроме показаний одного немца?

— Интуиция разведчика! — ехидно присовокупил Чернов. Розин сделал вид, что не расслышал.

— На участке Вяземского погибли две наши лучшие разведгруппы. Погибли, что называется, в тишине. Никаких боевых действий против Вяземского до сих пор не проводилось. Как вы знаете, силы противника чаще всего накапливаются в тайне.

— Однако же «языков» Шлауберг таскал из полка Бородина, а не Вяземского! — возразил комдив.

— Причины могут быть разные. Во-первых, он понимает, что и там, и тут состав наших полков примерно одинаков...

— Допустим.

— Во-вторых, несколько ранее у Шлауберга могли быть другие намерения. В конце концов, самый короткий путь добраться до своих — это идти через Ровляны.

— Согласен. И все-таки нужны более веские доказательства. Вот если бы у тебя было донесение разведгруппы!

— Разведгруппа, посланная в район Алексичей, молчит как рыба! — резко вставил Чернов. — Думаю, надо немедленно отозвать Стрекалова и наказать за своеволие.

— Что такое? За какое своеволие?

— Я объясню, товарищ генерал, — сказал Чернов, — во время отсутствия майора Розина я занимался разведкой. В это время старший разведгруппы, кстати, единственный, кому была дана рация, грубо нарушил мой приказ и, самовольно оставив объект, увел группу в другой квадрат. После этого связь с ним прекратилась. На наши позывные он не отвечает, в эфир не выходит. Судя по допущенным нарушениям, этот военнослужащий вообще ненадежен. Кстати, я с самого начала был против посылки его в тыл противника, но у сержанта Стрекалова нашлись покровители...

— Это какой Стрекалов? — спросил комдив. — Твой, что ли, Захар Иванович?

— Из артдивизиона. Вы его видели, товарищ генерал. Высокий, плечистый, веснушчатый. Он вам тогда понравился...

— Постой, уж не тот ли парень, с которым я здесь у тебя встретился?

— Он самый.

— М-да... Не отвечает, говоришь? А может, расстояние велико для телефона?

— Товарищ генерал, — напомнил Розин, — вы требовали доказательств. Вот они. — Он положил перед комдивом сильно помятый листок бумаги. — Это донесение Стрекалова. Он сообщает, что переходит в квадрат «4-а» ввиду того, что объект номер один оказался фикцией. Я не считаю это прямым нарушением, так как согласно моему приказу основная его задача — установить район сосредоточения сил Шлауберга. Думаю, что полковник Чернов поспешил с выводами. Стрекалов узнал все раньше нас и принял единственно верное решение.

— Почему же он не отвечает?

— Товарищ генерал, вы сами были некогда развед-

чиком и знаете, как нелегко иной раз приходится нашему брату...

— Да, да, что ты предлагаешь? Послать еще одну разведгруппу в квадрат «4-а»?

— Думаю, это бессмысленно.

Какое-то движение произошло возле столика ради-ста. Услышав писк морзянки, Степанчиков встрепенулся, по его лицу стоявшие рядом поняли, что это и есть то, чего все так долго ждали.

— Товарищ генерал, «Сокол» в эфире! — обернувшись, крикнул начальник связи и сел подле радиста. Минуты две ничего не было слышно, потом в наушниках опять раздался писк, и рука Степанчикова, державшая карандаш, задвигалась, но скоро замерла, успев нацарапать всего несколько букв.

— Ну, что там? — спросил комдив, но все молчали. Генерал взял листок. На нем стояли позывные «Зари» и три буквы: «с», «о», «н».

— Как ты думаешь, что это? — спросил Розина комдив.

— Я думаю, — ответил начальник разведки, — эти три буквы — начало позывного «Сокол», только вместо «к» получилось «н» — тире-точка вместо тире-точка-ти-ре. Что-то помешало Зябликову продолжить передачу.

Он хотел еще что-то добавить, но в этот момент снаружи послышался шум и в блиндаж по ступенькам сбегал дежурный по штабу полка.

— Товарищ генерал, красная ракета. Красная трех-звездная ракета!

Несколько офицеров бросились к выходу.

— Часовой засек направление, — сказал дежур-ный, — разрешите показать на карте?

— Не нужно, — ответил Розин.

Генерал думал, наклонив лобастую голову. Через минуту он поднял глаза и сказал:

— Проводить разведку боем одними нашими силами невозможно. Я еще раз попытаюсь убедить Белозерова, но вряд ли это поможет.

Розин вышел из теплого, прокуренного блиндажа на свежий воздух. Над землей стояло тихое, морозное ут-ро. Из оврага, на краю которого окопались миномет-чики, доносился запах пригорелой каши, в траншеях звенели котелки, слышался громкий смех. Часовой в тулупе и валенках, прислонясь к земляной стенке хода сообщения, курил, пряча сигарку в рукав. Дежурный

пулеметчик доскребывал ложкой днище котелка и мурлыкал себе под нос.

— А что, Елькин, — спросил часовой, — перловка нынче с салом, али повар ее опять комбижиром заправил?

— Сменят — узнаешь, — отозвался Елькин, косясь на майора, — ты гляди фрицев не прозевай, утащут, как тех первогодков!

— Пушай спробують. У меня и на затылке глаза есть.

— А ну, глянь ими!

Часовой увидел Розина и поспешно, но неумело, так, что полетели искры, затушил сигарку. Пропустив майора мимо себя, сказал негромко:

— Может, я его и сам видел... — И уже тише, чтобы не услышал майор: — Даве опять была ракета...

— Была.

— Говорят, будто наши у немца в тылу шуруют...

Розин вернулся в блиндаж, приказал начальнику связи:

— Пусть ваши радисты непрерывно передают в эфир: «Двенадцатый» разрешает «Соколу» действовать по своему усмотрению.

— Кому ж там передавать, товарищ майор? — Начальник связи был явно озадачен. — Была ж ракета!

— Ничего, передавайте, кто-нибудь примет. Хорошо бы у аппарата все время дежурил Степанчиков. Он знает почерк радиста «Сокола».

— Слушаю, товарищ майор.

Когда Розин снова вышел из блиндажа, прежней тишины вокруг уже не было. Неподалеку в лесочке гудели моторы ЗИСов, из деревушки, где находились тылы, к передовой шли тягачи, на батареях кричали огневики, выкатывая орудия из ровиков, вдоль оврага двигалось около роты солдат под командой офицера.

РАДИОГРАММА

«Командиру 201-й с. д. 10.12.43

По получении сего немедленно вернуть два батальона 216-го с. п. на исходные позиции, соблюдая при этом строжайшую скрытность. Оставшийся первый батальон,

а также 287-й Отдельный зенитный артдивизион должны прибыть к месту назначения в д. Переходы сегодня, не позднее 18.30.

*Командующий 8-й армией генерал-лейтенант Белозеров
Член Военного совета генерал-майор Глебов».*

Еще в поле, далеко от леса, Стрекалов начал различать пока едва слышный, но с каждой минутой усиливающийся гул танковых моторов. После, в лесу, он шел, уверенно ориентируясь на этот гул, и вскоре в просветах между деревьями увидел ровную гладь реки и размытые расстоянием очертания противоположного берега. Последние двести метров он полз, как на учении, то энергично работая локтями и коленями, то замирая надолго, на целую вечность, когда кровь начинает застывать в жилах от холода и тело перестает быть твоим... Когда опасность проходила, он снова упрямо начинал ползти, буравя снег обмороженными щеками, лбом, подбородком, пока очередная колонна, чадя отработанными газами, не настигала его. Танки, бронетранспортеры с солдатами, тягачи с пушками и пехотные части проходили и скатывались в одно и то же место — неширокую ложину, возможно, пойму какой-то небольшой речки, впадавшей в Пухоть.

Ползти дальше не имело смысла. Сашка еще некоторое время лежал в снегу, скорее машинально, чем осознанно подсчитывая «боевые единицы», и стал выбираться из леса. Боевое охранение, которого он больше всего боялся, попадалось ему кое-где, но это были уже не те солдаты, с которыми он встречался год и два назад. Одиночные фигуры укутанных в бабьи платки пехотинцев, полуглухих от этих платков, или группы по два-три человека, сидевшие у костра либо лениво бредущие по лесу, — вот и все охранение. Впрочем, раз или два на реквизированных крестьянских лошадях проскакали конные патрули — фельджандармы — с большими медными бляхами на груди, но разведчик их вовремя заметил и успел спрятаться. Один раз он наткнулся на брошенный мотоцикл, вполне исправный, но, как ни старался, не мог вытащить его из глубокого снега.

На знакомый большак он вышел, когда было совсем светло. Дорога была пуста: все, что должно было про-

ехать, проехало еще затемно; где-то в вышине, за плотным серым пологом облаков тарахтели «кукурузники».

Подтянув ремень так, что стало трудно дышать, и повесив автомат на шею, как это делают немцы, Стрелков торопливо зашагал на восток, но чем дальше он удалялся от леса, тем яснее ощущал то знакомое состояние расслабленности и покоя, которое бывает у всякого разведчика после выполнения задания, чаще всего на подходе к нейтралке. Там, где он шел, еще не было нейтралки, но опасность — по крайней мере, самая грозная из них — миновала: он вышел из леса невредимым и идет теперь по пустынной дороге мимо сожженных еще осенью деревьев, молчаливых перелесков, и над ним как дружеский привет от своих кузнециков стрекочет самолет — такой же, как он, труженик-разведчик.

Состояние покоя вернуло Сашку к прошлому. Помнится, старшина Очкас не любил благодушия, считал, что оно приводит к несчастьям. И, как всегда, оказывался прав. Костя Соболек и Макс Крамер погибли именно в такую минуту: первый в момент перехода нейтралки начал читать стихи — свои или чужие, Сашка так и не узнал, второй ни с того ни с сего потянулся за подснежником... А разве Андрей Гончаров погиб не от того же самого? Кто знает, может, и они с Валея читали стихи в заснеженном лесу или — чего не бывает в минуту глупой человеческой радости — искали подснежники?

Тянется, течет по русской земле старый большак, размеренно, в такт поскрипывает под сапогами снег, тянутся и текут Сашкины отвлеченные от войны мысли.

Это какое ж раздолье кругом! И какое счастье идти в тихом одиночестве по этому раздолью, слушать скрип снега, цвikanье синиц, стук дятла да мирные, тихие удары топора в соседнем лесу. Поселиться бы здесь после войны, перевезти тетку и барахло, какое осталось у ней после голодных военных зим, построить дом — вон сколько строевого лесу! — и зажечь припеваючи с какой-нибудь крутогрудой молодкой в собственном доме где-нибудь возле реки, но так, чтобы и большак этот был под боком — любил Сашка и раньше время от времени прошвырнуться в большой город — Ленинград или Москву, — купить там модную кепку с красивой наклейкой, бутсы или майку с надписью «Динамо», или футбольный мяч, по которому потом три года сохнет

вся голь с Володарского... Жаль, что прежде Сашка не был рыбаком. В Данилове одна крохотная речка Пеленда с пескарями величиной с мизинец, и больше ни одной реки до самой Соти. Как плавать выучился — неизвестно, в бочагах воробью по колено; запруду сделали только перед самой войной, да и то неудачно: не успела вода отстояться и берега окрепнуть — прорвало весной глиняный вал, унесло и бревна, и мостик, который народ делал сообща, и мытилку вместе с оказавшимися на ней бабами. Баб, конечно, под общий хохот выловили, а белье утонуло. Да, невеликая речка Пеленда, а и с ней шутки плохи...

Тянется по ровлянской земле старый большак, петляет между древними сосновыми борами, режет по прямой луговины, взбирается на пологие холмы, ныряет в овраги, в широкие заливные луга с метровым слоем снега; идет по большаку высокий парень в немецкой шинели со знаками СС в петлицах и с немецким же автоматом на шее, но с русским курносым и востроглазым лицом, руками пахаря, душой озорного подростка и опытом старого солдата. Болит его незажившая рана в плече, скулит и стонет от голода желудок, заплетаются от усталости ноги, а сердце прыгает в груди от счастья, от удивительного и непонятного солдатского счастья, что идет он не на запад, к немцам, а на восток, к своим, что увидит скоро не осточертевшие мундиры и рогатые каски, а прожженные у костров телогрейки, не вражеские траншеи с колючкой, а теплые, по-своему уютные блиндажи с короткой жестяной трубой наверху и раскаленной докрасна бочкой внутри; что будет жевать не безвкусные галеты и гороховый концентрат, а густые — ложка стоит! — щи из кислой капусты и настоящую гречневую горячую кашу на свином сале! Потом он будет спать — долго и беспробудно — под охраной часового, по личному приказу командира полка на общих нарах в своем любимом углу, на любимом соломенном тюфяке, под родной и единственной шинелью, и старшина Батюк будет выпроваживать из землянки слишком любопытных первогодков и заботливо собирать в особый котелок Сашкины ежедневные невыпитые «наркомовские» сто граммов...

И опять, как прежде, старшина Очкасо оказался прав. Размечтавшийся не ко времени разведчик услышал гул моторов и едва не поплатился жизнью: из-за поворота на большой скорости выскочили один из другим три мо-

тоцикла с колясками и, обдав сержанта снежными вихрями, скрылись за бугром. Сашка перевел дух, с запоздалой осторожностью оглянулся. Видать, и на старуху бывает проруха! Спасли его сейчас, как видно, три обстоятельства: то, что немцы слишком торопились, эсэсовская шинель и то, что шел он не таясь, не оглядываясь, и даже не свернул в сторону, пропуская мотоциклы, стало быть, вел себя нагло, как и полагается эсэсовцу...

Так, досадуя на себя и недоумевая по поводу невиданной до сих пор беспечности немецких патрулей, Стрекалов — теперь уже с осторожностью — поднялся на холм, за которым скрылись мотоциклы. У самого подножия его, немного в стороне от большака, раскинулся одинокий хутор — при дневном свете Сашка его не сразу узнал. От него к дороге вела узкая тропочка. Разведчик вспомнил, как вел по ней полиция. Теперь по этой тропке от остановившихся на обочине мотоциклов шли семеро. По тому, как они шли — друг за другом, ступая на носки и легонько раскачиваясь, — Стрекалов понял, что те, кого он принял за патрулей, на самом деле разведчики. Именно так, неслышно, след в след, немного согнувшись вперед, чтобы в любую секунду быть готовым прыгнуть, уклониться от пули или упасть, учат ходить разведчиков, учили ходить и Сашку.

Два солдата, отдыхая, сидели в седлах, курили. Моторы они не глушили, из чего Сашка заключил, что ожидание будет недолгим. В самом деле, минут через пятнадцать семеро снова показались на тропинке. Впереди, как и раньше, шел высокий штурмфюрер СС в фуражке с высокой тульей, несмотря на мороз, и отложенными, как на параде, отворотами шинели.

Штурмфюрер первым сел в коляску, водитель проворно закрыл его ноги меховой полостью, вскочил в седло. Но до того как мотоцикл тронулся, штурмфюрер повернул голову и окликнул кого-то. Сашка увидел знакомое лобастое лицо, прямой крупный нос, маленький круглый подбородок и коричневую крупную, величиной с изюмину, родинку на щеке возле уха... Судьба столкнула их вторично! Саша поднял автомат. С каким наслаждением он сейчас изрешетил бы этого верзилу! Да пусть пока живет... Ему, Стрекалову, надо живым до рации добраться...

Проклиная свое невезение, Сашка уже совсем было

направился дальше, но бросил взгляд в сторону хутора, и обида его удвоилась.

«Фрицев привечаешь? «Левшу» хлебом кормишь? Ну, теперь держись!»

Забыв об усталости, он побежал по тропке к дому и с остервенением пнул ногой дверь. Незапертая, она распахнулась с громким стуком. В два прыжка сержант миновал крыльцо и вскочил в сени. И увидел хозяина дома. Полицейский лежал у самого порога передней избы, голова его была откинута далеко назад, из разрубленной шеи слабыми толчками еще пульсировала кровь; ладонь со скрюченными пальцами была тоже разрезана, как будто правой рукой полицейский неосторожно схватился за лезвие ножа...

Стараясь не поскользнуться в остро пахнущей, липкой луже, сержант шагнул в отворенную дверь комнаты. Здесь тоже все было залито кровью — похоже, хозяин был убит именно здесь, — на кровати среди разбросанных подушек лежала маленькая женщина. Лица ее не было видно, из-под кучи тряпья свешивались вниз длинные растрепанные волосы, одна рука была засунута далеко за спину, другая, сломанная, неестественно торчала в сторону.

Сержант нерешительно потянул за край одеяла. С кровати на него смотрели глаза с застывшим навсегда выражением ужаса и боли.

«Деток пощади!» — вспомнил Сашка. Он торопливо закрыл убитую одеялом, приподнял и уложил прямо свесившуюся с кровати голую ногу.

— Прости, бедолага, это все, что я могу сделать.

Выходя, он, чтобы не упасть, оперся о косяк и ощутил тот же запах — кровь была здесь повсюду.

На крыльце — впервые в жизни — его стошнило. Стрекалов присел на ступеньки, закрыл глаза. За что убили полицейского и его жену? За то, что их пощадил русский? Тогда выходит, что в их гибели косвенно виноват он, сержант Стрекалов. А если не за это? Если они снова искали и не нашли того, кого ищут? Но кого же именно? И вдруг понял: ищут его, сержанта Стрекалова с группой. Ищут не только за неожиданный уход от Алексичей и даже не за «фольксваген», ищут потому, что признали в нем разведчика. Возможно, подозревают о его намерении проникнуть к рубежу накопления... Пока ясно одно: «левша» ищет группу, не зная, что имеет дело с одним. Отсюда такая большая группа — девять

человек, мотоциклы. Одного ловили бы иначе, для одного могли просто оставить засаду на хуторе. Одиночка непременно заглянет на огонек...

Сашка с трудом разлепил веки, шатаясь, пошел к выходу. Пора было исчезать.

Опасаясь засады напротив хутора, в лесу, сержант некоторое время шел целиной, утопая по колено в снегу, и только в километре от хутора вышел на большак. Засады можно было не опасаться — в стороне от Пухоти и в такой дали от объекта русским разведчикам делать нечего. Но могут наскочить патрули, едущие из Алексичей в Переходы. Стрекалов перезарядил автомат и зашагал на восток.

РАДИОГРАММА

«Командиру 412-го отдельного батальона СС штурмбаннфюреру СС Крафту

11 декабря 1943 г.

Как стало совершенно очевидно, переброска советских подразделений с рубежей обороны на берегу Пухоти в Ямск была предпринята с провокационной целью. Более того, нашими наблюдателями замечено скрытное передвижение подразделений этого полка в обратном направлении, то есть к берегу Пухоти на исходные позиции. В таком случае остается в силе наш первоначальный вариант. Разъясните солдатам, что это их последний шанс вырваться из русского мешка и что только от их стойкости зависит успех наступления.

Помните, что вы должны, несмотря ни на что, удерживать русских возле Алексичей, иначе нам Переходы не взять.

Шлауберг».

Проводив сержанта, Глеб и Сергей нехотя вернулись в землянку. Пока что на их долю выпало обеспечивать тыл командира.

— Как ты думаешь, чем он сейчас занимается? — спросил Глеб.

— Где?

— Ну там, где он сейчас. Я думаю, грузовик давно взлетел на воздух.

— Если все сделано, он возвращается, — уверенно ответил Сергей.

К землянке они подошли без особой опаски — лес вокруг был относительно знаком.

— А я уж заждался, — сказал Федя, с облегчением ставя автомат на предохранитель. — Все за каждым деревом немцы чудятся... А где товарищ сержант?

— Был, да весь вышел. — Богданов бросил автомат на солому. — Ты почему торчишь в землянке? А если накроют?

— Не накроют. В эдакой тишине за пять верст слышать.

— Сказано, иди!

«Видно, прав сержант, — подумал Богданов, — рано еще доверять нам серьезные дела».

— Обожди однако. На пост пойдет Сергей, тебе надо быть при рации.

— Но я же...

— Рядовой Карцев! — Богданов мог, когда надо, показать свою власть. — Здесь за невыполнение приказа знаешь что бывает?

Карцев иронически глянул на товарища сквозь толстые линзы очков, но спорить не стал.

Богданов подождал, когда он выйдет из землянки, и сел к рации.

— Опять вызывали?

— Каждые полчаса, — ответил Федя, — вот опять наши позывные. Степанчиков дает. — Он повернул один наушник, чтобы Богданов мог слышать. «Заря» настойчиво требовала «Сокола» отозваться.

— Может, ответим? — с надеждой спросил Федя.

Богданов отстранил наушник.

— В данном случае мы обязаны выполнять приказ сержанта. Мы не знаем, какие у него соображения. Ты лучше перекусить организуй.

— Знаю я его соображения, — ворчал Федя, развязывая вещмешок, — не хочет, чтобы обратно отозвали. Колбасу сейчас доедим или до него потерпим?

— И правильно: нечего с пустыми руками возвращаться. А колбасу, я думаю, надо съесть. Раздели поровну и Санькину долю положи в мешок. Вернется голодный.

Остаток дня они потратили на устройство своего нового жилья или, как сказал бы Стрекалов, «наводили марафет». Очистили землянку от снега, найденной тут же саперной лопаткой раскопали и расширили полузасыпанный вход, сделали ступеньки, настлали лапника

на земляные нары, даже соорудили нечто вроде таганка, возле которого можно было погреть руки. Возле землянки Зябликов обнаружил засыпанный снегом окоп и принялся его расчищать. Эту работу закончили уже в сумерках. На дне окопа лежали стреляные гильзы от винтовок и ПТР, помятые солдатские котелки, потемневшие от времени бинты, сгнившие в тех местах, где была кровь, пустая санитарная сумка, разбитый бинокль.

Окопчик был неглубок — его не успели закончить, — но разведчики были рады и такому.

— У моего отца был точно такой, — сказал Глеб, задумчиво рассматривая бинокль. — Да и воевал он в сорок первом где-то в этих местах... Вот только где погиб — не знаю.

— С чего ты взял? — спросил Федя.

— Мать в госпитале работала, так в ее палате один лейтенант лежал. Нерусский. Латыш, кажется. Услышал ее фамилию — Богданова — и стал расспрашивать. Сказал, что воевал вместе с капитаном Богдановым. Мой отец был капитаном...

— Богдановых много, — напомнил Федя.

— Да, я знаю. Только по его описанию все сходится. Имени, жаль, не назвал. А может, и не знал.

Вошел погреться Карцев, присел на корточки перед таганком. Некоторое время все молчали. Потом Сергей спросил:

— А каким был твой отец?

Глеб поднял глаза, задумался.

— Не знаю. Наверное, хорошим. Еще когда мы на заставе жили, к нам красноармейцы приходили в гости. Ни к кому из командиров не ходили, а к нам почти каждый вечер. Не считая праздников. Отец многих готовил к экзаменам. И еще он нас с мамой на руках носил. Сильный, значит...

— А у меня отец был музыкантом, — сказал Карцев, — и совсем не сильный был человек. На скрипке в оркестре играл. Так со скрипкой и на фронт ушел. Лучше бы мне оставил. Где бы он тут стал играть...

— А ты разве умеешь?

— Да нет, не в этом дело. Так, на память... А то вот только это и осталось. — Он вынул из кармана кушачок канифоли. — Сулимжанов нашел, повертел в руках и оставил...

— От других и этого не остается, — сказал Федя.

— Ну хватит! — Богданов с треском вставил магазин. — Раскисли! Не хватало еще слезу пустить. Серега, давай на пост!

— Жестокий ты... — сказал Карцев, не спеша подымаясь.

— Какой есть.

Ночь прошла спокойно. Последним — от четырех до шести — снова стоял Карцев. В шесть Глеб назначил подъем — надо было углубить окоп, — но в половине шестого его разбудил тихий толчок в спину.

— Глеб, — шепотом сказал Карцев, — они здесь! Богданов вскочил, привычно взялся за автомат.

— Ты себя не обнаружил?

— Нет, что ты!

Лунный свет слегка посеребрил верхушки сосен, побурели прежде черные стволы елей, стали различимы отдельные ветви, кустарник не вдалеке, зубастый пенек, даже тропинка, по которой днем прошли разведчики.

— Не ко времени вылупилась! — сердито шепнул Богданов.

Однако кругом ни звука.

— Сколько их было?

— Кажется, двое, — кусая губы, ответил Сергей. — Один стоял возле вон той елки, второй — под этой сосной.

— А куда ушли?

Карцев зябко поежился.

— Понимаешь, у меня такое впечатление, что они никуда не уходили. Стояли, стояли и вдруг исчезли...

— Не болтай глупости! Как это исчезли?

— Не знаю, Глеб, — глаза Карцева беспомощно моргали, — я следил за ними, не отрываясь, а они — только что были и вдруг нет...

— Рохля ты! Маменькин сынок! — Богданов подобрал шинель, засунул полы ее за ремень, приготовил гранату. — Гляди лучше, Серега. Если увидишь кого, стреляй. — Он пополз вперед, быстро перебирая локтями. Минут через пятнадцать вернулся, убрал гранату в карман, поставил автомат на предохранитель. — Действительно, были. Только не два, а четыре. Ушли туда. — Он махнул рукой в сторону дороги. Спустившись в землянку, сказал почему-то одному Феде: — Шляпы мы! И я шляпа. Они же по нашим следам шли! Вчера мы с Серегой поленились петлять, на пургу понадеялись, думали, заметет, а оно вон как обернулось.

Федя неуверенно предложил:

— Может, мне пойти на пост? Все-таки у Сереги зрение, и вообще...

— Вообще не вообще, какая теперь разница? Будем сидеть тут и ждать гостей. Ты связь держи. В случае чего, передай «Заре» наши координаты и... привет от бывших воинов с пожеланиями долгой жизни.

— Глеб!

— Ну что, мандраж начинается? Зачем в разведку пошел?

— Я хотел сказать, Глеб, что, может, нам лучше уйти отсюда, пока есть время?

— А Сашка? Он же вот-вот явится!

— Так ведь если нас накроют, и ему будет худо. Что он один, без рации?

Богданов задумчиво тер кулаком лоб.

— Вот что, Зябликов, рацию надо спрятать.

Федя растерянно развел руками.

— Кабы лето, так в лесу бы можно, а тут...

— Кой черт в лесу! Надо так, чтобы Сашка нашел. — Глеб подошел к боковой стенке. — Сюда, в нишу, спрячь. Сашка про нее наверняка догадается. Планшетку его тоже сюда. Да не вздумай лапником маскировать. Землей надо. В общем, соображай сам, не маленький.

— Может, все-таки обойдется, а, Глеб? — в глазах радиста метался затаенный страх. Богданов, не отвечая, быстро вышел из землянки.

Прошло около часа. Еще недавно мутный проем двери просветлел, окрасились в зеленое хвойные иголки.

В землянку спустился Карцев. Длинный нос его совсем посинел от холода, на кончике висела крупная капля. Дрожащими руками он взял у Феди флягу с водкой, морщась, сделал два глотка.

— Исключительно по необходимости, — зачем-то пояснил он, — чтобы не замерзнуть окончательно.

Он посидел немного рядом с Федей, осунувшийся, похожий на кузнечика.

— Эк тебя перевернуло! — сказал Федя. Сергей бросил на него рассеянный взгляд.

— Это все чепуха. Главное то, что я здесь совсем не нужен. Некого и нечего переводить. Любой из нашего орудийного расчета был бы намного полезней. — Он мучился не только от холода, но и от сознания своей ко-

свенной вины перед товарищами. — Стреляю я, честно говоря, отвратительно, бегаю и того хуже. Вообще, насчет физической подготовки нашей семье не повезло. Отец физкультуру не любил и меня к ней не приобщал. Особенно не мог выносить футбол. Приравнивал его к бою гладиаторов и корриде. Я тайком от него гонял мяч с ребятами... Бедный отец! Интересно, что бы он сказал, увидев меня здесь? Когда началась война, он настоял, чтобы я поступил на курсы переводчиков. У меня в школе по немецкому были одни пятерки, а отец считал, что каждый обязан делать то, в чем он сильнее других, чтобы принести Родине больше пользы. Наверное, это было правильно. Я понял это после. Недавно. Сейчас... А тогда просто записался добровольцем. Вместе со всем нашим первым курсом института.

— А меня мобилизовали, — сказал Федя. — Обыкновенно. В нашем узле связи теперь одни девчата работают. Письмо прислали, говорят, скучаем. А одна пишет, ну прямо как в романе, я, говорит, хотя и новенькая и с вами не знакомая, но много о вас слышала, так что желательно познакомиться... Не веришь? Вернемся, я тебе дам почитать.

— Да, да, непременно, — думая о другом, сказал Карцев. Он поднялся. Феде показалось, что Сергей хотел ему что-то сказать, но так и не сказал.

— Чудной он, Серега-то! — нарочито весело заговорил он, когда в землянку спустился Богданов. — Вдумчивый сильно. Вдумывается, вдумывается, а сказать толком, что к чему, не может.

Говоря, он искательно заглядывал в глаза Глебу: авось выдаст что-нибудь обнадеживающее. Но Глеб ничего не выдал, а сидел и смотрел в угол, в нишу, где стояла Федина РБМ, все еще настроенная на волну «Зари».

Радист нехотя поднялся. Выполнить приказ Богданова означало для него не просто прекратить радиосвязь, сейчас это было равносильно заживо похоронить себя здесь, в полуразрушенной землянке среди незнакомого леса, и Федя, как мог, задерживал приближение этой минуты.

— Скоро ты? — глухо спросил Богданов.

— Антенну снять надо, — ответил радист, направляясь к выходу. Ему навстречу, обрушивая каблуками земляные ступеньки, скатился Карцев.

— Глеб! Они тут! Их много! Что нам делать, Глеб?

Богданов выскочил наружу. Автоматная очередь срезала ветку ели над его головой.

— Ложись! — левой рукой он прижал к земле убежавшего за ним Карцева, правой выбросил вперед автомат. — Лезь в окоп! Не давай им приближаться, держи на расстоянии!

Сначала Сергей стрелял не целясь и, конечно, не попадал, потом начал понемногу успокаиваться. Увидев высунувшееся из-за дерева плечо — немец стрелял в кого-то другого и Карцева не видел, — он тщательно прицелился и нажал спусковой крючок. Человек взмахнул руками, выронил автомат и упал.

— Порядок, Студент! — крикнул сзади Богданов. — Давай следующего.

«Пожалуй, мы и вправду их одолеем», — подумал Сергей и снова увидел фашиста. Тот перебежал от дерева к дереву, приближаясь к Сергею, и оттого, что он двигался, Сергей никак не мог в него попасть. Вдруг он сам во время очередной перебежки остановился, взмахнул руками, как первый, и повалился спиной в кустарник.

— Ну ты даешь, Студент! — снова крикнул Глеб.

«Может, первого тоже срезал он, а не я?» — ревниво подумал Сергей и, чтобы лучше видеть, слегка приподнялся над бруствером. Пять или шесть человек ползли по снегу, охватывая окоп Сергея широким полукольцом.

— Зябликов! Зябликов! — кричал зачем-то Богданов.

Люди на снегу не казались страшными, наоборот, страшен, как видно, был для них он, Сергей Карцев, и поэтому они ползли медленно, зарываясь в снег по самые плечи...

— Зябликов! Зябликов! — надрывался Глеб.

«Да что он, оглох, что ли?» — подумал Сергей. Рывком выскочив из окопа, он стал за дерево впереди бруствера. Теперь враг был совсем близко, а, главное, хорошо виден. «Короткими! Короткими! — уговаривал себя Сергей, но указательный палец, будто сведенный судорогой, не мог оторваться от спускового крючка. — Ничего, — успокоил себя Карцев, — зато сразу троих...» По нему стреляли — он видел, как от соседней сосны отлетают щепки, но не испытывал прежнего, противного, шемящего сердце страха.

— Еще... еще немного, и они уйдут. Так сказал Глеб... Так сказал Глеб, — шептал он как заклинание.

Как-то неожиданно у него кончились патроны. На дне окопа лежала еще одна сумка с магазином, но пули вздымали фонтанчики снега как раз между ним и краем окопа. «Какая чепуха! — подумал Сергей. — Каких-нибудь три шага!» Он прыгнул, благополучно проскочил эти три шага и, довольный, скатился в окоп, но тут же услышал истошный крик Глеба:

— Сережка, берегись!

Какой-то небольшой темный предмет мелькнул у его плеча и ударился о заднюю стенку окопа. Сергей недоуменно повернул голову. Ослепительно яркая вспышка больно ударила по глазам, разбила очки, вырвала из рук автомат, со страшной силой врезалась в бок и только потом принесла оглушительный грохот. Вторая, менее яркая вспышка, беззвучная, как ночная лампа, возникла над его головой и, осветив на миг все вокруг колеблющимся красным светом, унеслась ввысь и там, в вышине, над вершинами сосен, распалась сначала на три, а потом на множество красных звездочек. Они, потухая друг за другом, принесли Сергею тихое забвение.

* * *

Около полудня сквозь плотную до этого пелену облаков проглянуло солнце. С крутого пригорка Стрекалов увидел на горизонте высокий угловатый холм, но почему-то не сразу понял, что это Убойный. С северной стороны он его еще не видел. Знаменитая высота 220 упиралась в небо своим задранным вверх краем, похожим на корму большого корабля. Из-под ног Стрекалова уходила, пропадая вдаль, белая лента дороги — одна среди темного лесного массива.

Почти от самого хутора Стрекалов шел без остановок. Усталость, нервное напряжение последних суток и появившаяся опять боль в раненом плече усугублялись беспокойством за исход всей операции: если Богданов в точности выполнил приказание, группа еще утром покинула землянку (как Сашка не хотел сейчас этого послушания!) и, стало быть, связаться с «Зарей» нельзя.

За поворотом показалось место кровавой расправы эсэсовцев над разведчиками. Чтобы не видеть вторично этого зрелища, Стрекалов свернул в сторону и пошел напрямик сквозь чащу — землянка находилась приблизительно в двух километрах на юго-запад. Вскоре он наткнулся на знакомую просеку и даже стал как будто

различать следы, оставленные им и его товарищами накануне. Обрадованный, он прибавил шаг, но неожиданно увидел другой след, значительно более свежий, тянувшийся в том же направлении. Присмотревшись, он различил отпечатки нескольких пар сапог, у которых на каблуках имелись шипы и подковки в виде рассеченного полумесяца. Такие отпечатки он видел в Березовке.

Он помнил, что перед землянкой есть неширокая поляна, заросшая молодым ельником, и надеялся добрать туда, никем не замеченным. Если после ухода группы землянку заняли немцы, он сумеет уйти так же тихо, как пришел, и где-нибудь возле Алексичей непременно догонит своих.

Он достиг ельника и для верности посидел немного под густыми зелеными лапами. Стараясь ступать не на затянутый тонкой ледяной корочкой наст, а на упавшие с еловых лап мягкие глыбы, Стрекалов еще ближе подошел к краю поляны. У входа в землянку сидел Федя Зябликов. Шапка лежала у его ног, стриженная под машинку голова свесилась на грудь, оттопыренные уши слабо желтели под солнцем. Небольшой ком снега упал на макушку радиста. Солдат не шевельнулся.

Бросаться вперед очертя голову было глупо, но невозможно уйти, не узнав, что произошло.

Стрекалов понимал, что немцы могли оставить засад, но все-таки спустился в землянку. Все было кончено теперь для него. Все, кроме крошечного остатка жизни, исчисляемого уже не годами и даже не месяцами, а минутами. Постепенно он начал впадать в странную, глухую апатию, нечто вроде сна наяву, во время которого сохранялись все ощущения, кроме контроля над временем. Стрекалов хотел взглянуть на часы — они тикали, — но не мог поднять руки, хотел немедленно уйти отсюда, но вместо этого прислонился к задней стенке и закрыл глаза. Ему представилось, как он, живой и невредимый, возвращается в свое подразделение и через три-четыре дня предстает перед военным трибуналом как преступник, нарушивший святая святых воинского устава. В председателе трибунала он почему-то все время узнавал полковника Чернова. От его неподвижных и острых, как буравы, глаз Сашке хотелось спрятаться, зарыться в ворох гнилого сена, в серый, с желтыми пятнами мочи снег возле входа, наконец, в землю, почему-то осыпавшуюся с задней стенки землянки.

Ныло раненое плечо. Сидеть было неудобно — из-под земляной осыпи в спину упирался какой-то твердый предмет. Стрекалов нехотя протянул руку и нащупал угол ящика. «Наверное, взрывом гранаты разрушило стенку и засыпало ящик с патронами», — подумал он. Повернулся на бок и, лежа, принялся копать.

Когда показался знакомый зеленый ящик РБМ, Сашка встал на корточки. «Если она не работает, я застрелюсь», — решил он. Но рация работала. Довольно быстро Сашка поймал нужную волну и послал в эфир свои позывные. Приняв наконец долгожданное: «Я — «Заря», вас слышу», — он, дрожа от нетерпения, застучал ключом. Опыт работы у него был невелик — просто старшина Очкас время от времени заставлял каждого из своей группы немного поработать ключом, но сейчас сержант был благодарен бывшему командиру за это.

Он успел передать совсем немного — сказывалось отсутствие практики, — когда массивная фигура заслонила проникавший в землянку свет. Сержант мгновенно отпрянул в темноту и увидел немецкого солдата. После яркого солнечного света разглядеть сразу все в темной землянке не так-то просто. Солдат дал наугад очередь из автомата. Стрекалов не шелохнулся. Знай он, что немец один, разговор с ним был бы коротким, но немцы поодиночке не ходят. Через минуту второй эсэсовец втиснулся в узкий дверной проем.

— Nun was? Wieder niemand? *

Первый не ответил. Он все-таки разглядел два небольших ящика на земле возле нар.

— Ich meine hier war jemand **, — сказал он.

И шагнул вперед. Теперь сержант мог бы достать его рукой, но второй солдат все еще стоял у входа.

— Und was, es ist eines interessantes Dinge! ***

Второй — он был значительно ниже ростом — подошел и с любопытством заглянул сбоку.

— Morgens haben wir das nicht. ****

— Ja, — подтвердил первый. — Gehe nach oben und schau dich gut un! *****

---

* — Ну что? Опять никого? (нем.).

** — По-моему, тут кто-то был (нем.).

*** — Ну вот, это интересная штука! (нем.).

**** — Утром этого не было (нем.).

***** Да. Иди наверх и посмотришь хорошенько! (нем.).

Второй не торопясь вышел. Медлить было нельзя. Стрекалов вонзил кинжал немцу под левую лопатку. Подхватив убитого, оттащил его подальше в угол и стал ждать. Когда на верхней ступеньке снова показались сапоги, он отступил в глубь землянки, захватив с собой рацию, вынул и положил рядом единственную гранату. В тишине отчетливо слышалось комариное пение — рация работала. «Текст! Текст давай!» — мысленно молил Сашка, и Степанчиков, словно поняв, начал передавать открытым текстом. Сашка замер, одной рукой придерживая наушники, другой приподняв автомат. «Заря» требовала объяснить, куда девался радист «Сокола». Сашка торопливо отстукал слово «погиб».

В это время второй эсэсовец уже спускался в землянку. Сашка выстрелил ему в живот и отстукал, сам не зная зачем: «Его звали Федей...» Словно обрадовавшись, «Заря» с большой скоростью принялась задавать вопросы, и первым из них был: как звали Сашкиного лучшего друга... Сержант, не задумываясь, отстукал ключом «Глеб», «Сергей», «Федор» и напоследок, словно устыдившись, чуть не забыл — «Андрей» и «Валя»...

Лишь после этой проверки «Заря» попросила уточнить координаты, переданные Стрекаловым десятью минутами раньше. Координаты района готовившегося наступления немцев. Стрекалов повторил. Степанчиков — очевидно, это был он — отстукал «вас понял», но и после этого Сашка не выключал рацию. Теперь это была единственная ниточка, связывающая его со своими, и ему не хотелось прерывать ее самому.

Когда в просвете двери опять показался человек, Сашка решил, что ниточка сейчас оборвется, и с сожалением поднял автомат, но свет упал на лицо человека, и Сашка вскрикнул от неожиданности. В землянку, шатаясь, спускался Драганов. Сашка на секунду закрыл глаза, помотал головой — Драганов не исчез. Знакомое, изрытое оспинами, худое лицо, прямой шрам и неповторимый драгановский нос, когда-то свернутый набок ударом боксерской перчатки...

— Семен!

Драганов шел мимо него в угол, к нарам, но, дойдя до них, остался стоять на месте, плавно покачиваясь.

— Семен! Это я, Сашка Стрекалов!

Семен, как подкошенный, упал на нары. Когда Стрекалов приблизился, его друг уже спал похожим на глубокий обморок сном.

РАДИОГРАММА

«Пугачев — Белозерову

13 декабря 1943 г.

Согласно дополнительным сообщениям местных жителей в течение последних трех суток находящиеся в окружении немцы действительно стягивают крупные и мелкие подразделения, технику, боеприпасы и горючее к берегу реки Пухоть, приблизительно в район д. Переходы. По сообщению тех же жителей, к настоящему моменту крупные силы немцев сосредоточены юго-восточнее села Воскресенское. Проверить эти донесения в ближайшие сутки было невозможно, но они полностью совпадают с последним донесением «Сокола», принятым сегодня в 13.30.

Ввиду невозможности провести разведку боем, прошу в тех же целях произвести бомбометание и обстрел указанной территории с самолетов».

Драганов медленно приходил в себя. Разлепив глаза, долго разглядывал Сашку. Потом шумно вздохнул, отцепил флягу.

— Выпей, Саня, за помин души Генки Малютина, Ваньки Распопова, Азаряна, Рыжова...

Он всхлипнул, провел рукавом по лицу.

— Значит, и у тебя всех... — Сашка сполз на землю, как будто из него вытащили какой-то стержень. — Как же это, а, Семен? У меня ведь тоже всех...

Драганов методично бил себя кулаком по лбу, старый шрам медленно багровел.

— Всех передумил, гад. Как курей. Поздно до меня дошло, ох, поздно!

— Что дошло? — Сержант насторожился.

Драганов отхлебнул из горлышка, вытер губы ладонью. Глаза его понемногу стекленели.

— А то самое. Фрицы, Саня, нас с первого дня засекли. Как забросили группы, так он и пасет. Думаешь, почему Верзилин сразу засыпался? На след напал, это уж точно. А мы с тобой еще плутали. Потом и мы наткнулись. У тебя, говоришь, тоже всех? Ну вот... — Он подвинулся к Сашке, дохнул перегаром. — Оплочали мы, брат, и все тут. Ну ребята — ладно. Они в нашем деле ни хрена не понимали. Но ведь мы-то с тобой —

разведчики! Мне ж сам комдив такое дело доверил! Вернусь, спросит. А что я ему скажу? Нечего мне сказать, оплошал на этот раз Семен Драганов!

У Сашки острой болью сжалось сердце.

— Трибунал? А что для меня теперь трибунал? — продолжал Драганов. — Теперь я сам себе трибунал. Какой приговор вынесу, такой и в исполнение приведу. И стрелять в затылок никому не придется. Драганов не какой-нибудь дезертир, он — честный солдат. Это вам понятно?!

— Прекрати истерику, — попросил Стрекалов. От драгановских пьяных выкриков у него голова шла кругом.

— Прекрати, Семен! — сбрасывая оцепенение, повторил он. — Разберутся где надо! Чего ж самому топиться на тот свет? Может, еще и помилуют...

Драганов рассмеялся. Сашке показалось, что он быстро трезвеет, на глазах превращаясь в совсем другого Семена — не того, что был в полку, и даже не того, который только что плакал пьяными слезами, а в третьего — спокойного, трезвого, расчетливого и холодного, отгородившегося от Сашки стеной непонятной обиды. Не взглянув больше на Стрекалова, он взял у одного из убитых «шмайссер», деловито обследовал его карманы, переложил запасные «рожки» в свои, отстегнул флягу, попробовал содержимое...

— А я ведь понял: ты из-за меня остался. Все передал, что надо, хотел уходить, а тут я... Прости, если можешь.

Где-то недалеко хрустнула ветка. Семен взял автомат, вынул из кармана «лимонку».

— Ну вот и дождались. Захлопнули нас обоих. А вот и машина. Слышишь? Это за нами. Жаль, поторопились. Я ведь, честно говоря, рассчитывал тут в одну деревушку заглянуть... Что глядишь? Думаешь, если рябой, так уж никто и не любит! Любят, Саня. Да еще как любят-то! — Он расправил плечи, потянулся. — На минутку бы к ней! Перед смертью...

— Перестань ныть! — Стрекалов не на шутку разозлился. — Может, еще и вырвемся. Бывало же не раз такое.

Драганов прислушался, потом осторожно выглянул наружу.

— Тихо чегой-то. Хуже нет — вот так... Хочешь, я тебе про нее расскажу? Про Глафиру?

— Не время, Семен.

— А другого не будет. Вот, значит, познакомились мы в сорок первом. Она нашу роту из окружения выводила. А после лесами вела... Короче, стали мы вроде как муж и жена. Потом она вернулась, мы дальше пошли. Как сейчас помню, говорю ей: «Прощай, Глафира Иванна!» А она мне: «Не говори так, Сема. До свиданья»... Я опять свое, она в слезы...

— Семен! — Стрекалов поднял руку. — Давай попробуем. Вроде нет никого.

Драганов не ответил. Он молча раскладывал возле себя трофейные гранаты.

— Семен! — сказал Стрекалов. — Мы должны уйти, понимаешь?

Драганов молчал.

— Ты что? — Стрекалов толкнул друга в плечо. — Не слышишь?

— Слышу, — Семен впервые поднял глаза. — Я ведь все понимаю, Саня. Ты свое дело сделал, тебе можно и за медалью рвать, а для меня одно осталось... Ну, чего уставился? Не узнаешь?

— Товарищ старший сержант Драганов!

— Брось, Саня. Был Драганов, да весь вышел. Поминай меня теперь как убиенного на войне Семку Драгана. Мать говорила, будто это и есть моя настоящая фамилия: отец-то хохол был... А тебе я пособлю. Пособлю, Сань, не сомневайся.

— На чужом хребте в рай собрался? Хорошо!

Драганов выпучил глаза от изумления.

— Ты что, офонарел?

— Легкой смерти ищешь, да? Вы, дескать, тут деритесь с фрицами, освобождайте, спасайте, а я по-быстрому! Чтоб без мучений! Эх ты! Ребята небось думали: Семен отомстит... Черта лысого! Он в рай собрался. Дурак! На, бери свои гранаты, подорвись на них, я знаю, это легко, только кто потом из твоего автомата стрелять будет, знаешь? Фрицы! Возьмут и выстрелят в меня, в твою Глафиру, в любого из твоих друзей!

Сашка перевел дыхание. Семен слушал, по-бычьему опустив голову.

— Все?

— Все.

— Агитатор... Думаешь, сейчас Семен Драганов слезу пустит? Нет, Саня, далеко тебе до нашего замполита. Тот, если начнет мораль читать — до кишок проди-

рает... А в одном ты прав, кореш: рано я в рай собрался. Так и быть, ради тебя еще немного погуляю.

Он стал рассовывать по карманам «лимонки».

— Давно бы так.

Стрекалов первым пошел к выходу и осторожно высунул голову из землянки. Снаружи отчетливо прозвучала команда:

— Русс, сдавайся!

Стрекалов сделал шаг назад.

— Много их? — спросил Драганов.

Сашка не ответил. Так вот почему немцы не забросали землянку гранатами! Им нужны живые!

— Много их? — повторил Семен и тоже высунулся до плеч. Тот же голос прокричал снова:

— Сдавайтесь! Вы окружены!

— А это видел? — прокричал Драганов и выстрелил на голос. И тотчас пулеметная очередь ударила в бревна землянки.

— Санька, у них пулемет.

— Сам слышу, не глухой. Где он?

— Не знаю.

— А ну, еще раз!

Семен поднялся и, далеко выставив автомат, выстрелил одиночным. И снова пулеметная очередь в верхний край дверного проема. Стрекалов — он прятался в это время за косяком — определил:

— Он справа, за грудой камней.

— Это ж совсем рядом! — обрадовался Семен.

— Да, близко, — подтвердил Стрекалов. Они посмотрели друг другу в глаза. — Повеселим фрицев, Сема?

— Напоследок — это можно, — согласился Драганов и громко крикнул: — Эй вы! Обождите стрелять! Мы вам тут подарочек приготовили.

Он подхватил ящик с РБМ, вышел с ним наружу, постоял, озираясь по сторонам, затем поднял рацию над головой. Но вместо того чтобы бросить ее на снег, с силой хрястнул о камни. — Получайте!

Кто-то выстрелил из пистолета в воздух, заругался сердито. Драганов задом вскочил обратно в землянку, отошел от двери подальше.

— Слушай сюда, Сань. Пулемет накрыть — плевое дело. Это я сработаю. Ты сними гада с землянки — цели прямо в спину!

— Где остальные? — спросил Сашка.

— Метрах в сорока, за деревьями, полукругом. Ближе бояться... Давай все барахло в мешок.

— Зачем?

— Сейчас увидишь.

Драганов сложил в вещмешок питание к рации, два чьих-то тощих рюкзака, обломки дерева.

— Мало...

Стрекалов снял эсэсовскую шинель, свернул, отдал Драганову.

— Теперь хватит! — Драганов взвалил мешок на спину. — Значит, так — идешь за мной следом, вплотную. Как только откроется этот гад на землянке, бей! И сразу — вправо, туда, где пулеметчик.

— Но...

— Не бойся, я его раньше прикончу.

Солнечный свет на секунду ослепил Стрекалова. Темная фигура на крыше землянки дернулась. Сашка нажал спусковой крючок. Позади гулко ухнул взрыв. Стрекалов в три прыжка достиг каменной гряды, нырнул за нее головой вперед. Семен уже лежал у пулемета.

— Гляди, обходят!

Стрекалов первой же очередью уложил четверых, Драганов из пулемета столько же. Немцы прятались за деревьями, ложились в снег, били по каменной гряде суматошно, почти не целясь. Под ногами у Сашки корчился в агонии немецкий пулеметчик.

Драганов, убедившись, что немцы отошли, вытер вспотевший лоб.

— Что дальше?

— Что-нибудь придумаем. Теперь уже легче...

Стрекалов оглянулся. Позади — крутой обрыв, за ним ровное поле, дальше — лес. Сашка на глаз прикинул расстояние до опушки.

— Семен, пока они не очухались, беги!

Драганов отрицательно помотал головой.

— Давай ты, я прикрою.

Сашка медлил. В щелях между камнями он видел, что немцы приближаются — ползут по снегу.

— Не медли, Санька, беги! — Драганов, прищурясь, водил стволом, выбирая ближайшую цель.

Стрекалов прыгнул с обрыва, зарылся в снег по самые плечи. Наверху снова заработал пулемет.

В перерывах между очередями Драганов оглядывался и видел, как по белому полю, утопая в снегу, не-

стерпимо медленно тащится Стрекалов. Немцы его пока не видели — весь их огонь был сосредоточен на Драганове.

— Наддай, Саня, наддай, — шептал Семен. Еще минута, и они заметят его, маленького, одинокого, и пришибут, как муху на скатерти. И вдруг Стрекалов остановился. Нет сил бежать? Ага, смотрит в его сторону... Грустная улыбка трогает колючие губы Драганова.

— Поздно до тебя дошло, Саня... Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Гитлеровцы заметили Сашку, когда до лесной опушки оставалось метров пятьдесят. Но их пулемет все еще у русского, а для автоматов расстояние великовато. Между тем Сашка лег в снег и изготовился для стрельбы. Он ждал Семена. Вот-вот умолкнет пулемет, Семен прыгнет с обрыва, побежит через поле, и он, Стрекалов, прикроет его отход.

Потом они вместе рванут через лес и еще засветло будут возле Алексичей, а оттуда до своих рукой подать...

Но пулемет не умолкает. Издали Стрекалов видит, как по крутому склону ползут эсэсовцы, обходя Драганова сзади. Командует ими коренастый офицер с резким, пронзительным голосом.

Стрекалов ползет вперед, потом останавливается, тщательно прицеливается и бьет по офицеру. Тот замечает Сашку и что-то кричит. Человек двадцать сразу же направляются к Сашке. Наконец-то! Он расставляет локти, устраивается поудобнее. Снег глубокий и немцы двигаются медленно. Но почему же не умолкает пулемет? Самое время Драганову бросить его и уходить. И вдруг сержант понял: Семен не уйдет.

Чуть приподнявшись, Сашка кричит изо всех сил:
— Семен, ко мне!

Одна пуля ударила в плечо, вторая осой впилась в бок. Сержант поспешно ткнулся в снег и слышал, как на спине пули царапают ватник. Несколько раз он делал попытки поднять голову или отползти в сторону, но немцы стерегли каждое его движение.

Наконец пулемет замолчал. Эсэсовцы, решив, что с пулеметчиком покончено, поднялись и двинулись к Стрекалову, больше не опасаясь за свой тыл. Сержант уже видел перед собой тускло блестящие каски и темные пятна лиц под ними, слышал скрип снега под сапогами, команды коренастого офицера и позвякивание котелков,

привязанных к ранцам. Сашка выбрал офицера, тщательно прицелился и нажал спусковой крючок. Вместо очереди послышался легкий щелчок. Сержант похолодел. Запасного магазина у него не было, пистолета тоже...

Полукруг эсэсовцев сжимался. И одновременно с ним сжималось Сашкино маленькое, всегда так верно служившее ему сердце. Сашка ясно ощущал его торопливые, прощальные толчки...

И в этот момент ударил пулемет Драганова. С великолепной точностью старший сержант бил по эсэсовцам, окружавшим его друга. Застигнутые врасплох, они заматались, ища спасения, одни — в глубоком снегу, другие — в густом кустарнике справа от Сашки, на минуту забыв о нем, а когда вспомнили, разведчика уже не было на прежнем месте. Спотыкаясь и придерживая здоровой рукой раненую, он бежал к лесу, то показываясь на миг среди кустов, то скрываясь в них, и с каждым шагом все приближался к спасительной опушке.

Через минуту-две он растворился в белом безмолвии, и лишь иней, осыпающийся с веток, еще некоторое время указывал его путь.

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР

Бородина с Пугачевым 13 декабря в 3 часа утра

— Мои наблюдатели фиксируют почти непрерывный шум работающих двигателей на той стороне. Так что сомнений нет...

— Давно начали докладывать?

— Примерно с двадцати трех часов, товарищ генерал.

(Пауза.)

— Хорошо. Информировуй меня каждые полчаса.

— Слушаюсь, товарищ генерал.

— С «Соколом» связи нет?

— Последний раз вчера в тринадцать тридцать...

— Знаю. Позднее не выходил на связь?

— Никак нет. (Пауза.) Думаем, погиб, товарищ генерал. Но парень свое дело сделал! Так сказать, долг солдата выполнил.

(Пауза.)

— Да... Но ты все-таки одну рацию оставь на этой волне. На всякий случай...

— Слушаюсь, товарищ генерал.

Раненный в руку, голову и дважды в плечо, Драганов тяжело отвалился от пулемета, морщась, достал из кармана кисет, кое-как свернул самокрутку, прикурил от зажигалки и стал ждать. Головы он не поднимал — это было и не нужно: крики солдат, слова команды, тяжелое дыхание людей, карабкавшихся по склону холма, сказали ему, сколько времени оставалось жить — что-то около двух минут. Достаточно, чтобы выкурить сигарку. Впрочем, никаких других желаний у старшего сержанта теперь не было. Лежа на снегу, он отдыхал от всего, что было с ним раньше — сегодня утром, вчера, и неделю, и год назад, отдыхал за всю свою короткую и такую непомерно долгую, трудную жизнь. Безотцовское детство в рабочем поселке. Бесконечные драки с мальчишками. Одна отрада — школа, но ее не пришлось окончить. После семи классов пошел работать. Надо было кормить большую мать и двух сестреночек. Потом порт, работа грузчиком, а по вечерам выступления в рабочем клубе на ринге в качестве боксера-любителя... Потом — война, армия, разведка. Долгие рейды по тылам врага, кровавые схватки в темноте и при ярком солнце, на снегу и под проливным дождем. Короткие передышки в госпиталях и длинные ночи на передовой, часы неподвижного лежания то по горло в болоте, то по пояс в снегу, бег под палящим солнцем на многие километры... Сухари, от которых крошатся зубы, и обжигающий глотку огонь самогонного спирта на коротких передышках в деревнях, губы, руки, сумасшедшие глаза истосковавшихся по мужской ласке баб... Теперь все это позади. Семен слышал, как медленно, по капельке, выходит из него жизнь, просачиваясь в какую-то странную, неожиданно светлую, будто из льда, ямку, но страдал не от этого и даже не от боли, которую ощущал все слабее, а от чего-то другого, что не походило ни на боль, ни на знакомую по прежним ранениям противную слабость. Это было похоже на обыкновенную человеческую тоску, только в десятки раз более сильную, сжимавшую сердце в ледяной горсти.

— Санька! — позвал он. — Сержант Стрекалов! Глаша!

Скользя коленками и локтями о камни, Драганов поднялся на четвереньки, потом встал во весь рост. Ему крикнули что-то, наверное, приказали поднять руки, но он не понял и продолжал стоять, пошатываясь, с трудом удерживая равновесие. Тогда чей-то голос, резкий

и властный, повторил то же по-русски. Семен сделал попытку переступить правой ногой — мешали валявшиеся кругом стреляные гильзы, — но едва не упал. Сквозь пелену наплывающих на глаза сумерек он разглядел шеренгу людей в рогатых касках, с автоматами, направленными ему в живот и в ноги. От этой шеренги отделился кто-то высокий и широкоплечий в расстегнутой офицерской шинели и не спеша двинулся к Семену. Собрав силы, Драганов сделал шаг вперед, вытащил из кармана гранату. В ту же секунду в его шею, чуть выше ключицы, податливо, но со страшной болью вошел стальной клинок. Он хотел напоследок вздохнуть поглубже, но захлебнулся густой, соленой влагой и упал — сразу всем телом — на твердый и горячий, как раскаленное железо, снег.

СПЕЦДОНЕСЕНИЕ

«Весьма срочно!»

Командиру 201-й с. д. генерал-майору Пугачеву

Начальнику штаба полковнику Покровскому

Командиру кав. части особого назначения подполковнику Дузю

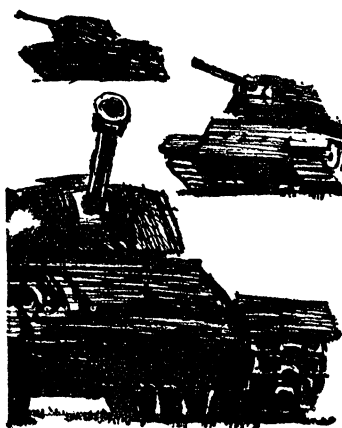
Выступление окруженной группировки генерала Шлауберга состоится (предположительно) в ночь с 13 на 14 декабря. Район сосредоточения основных сил — правый берег р. Пухоти напротив д. Переходы. Возможен также прорыв вспомогательными силами в районе старого моста севернее деревни Мзга. Прорыв со стороны Алексичей маловероятен из-за сравнительно небольшого количества здесь у противника техники и особенно горючего и боеприпасов. Приказываю:

1) сосредоточить основные силы дивизии, включая всю артиллерию, к востоку и западу от деревни Переходы;

2) командиру кавалерийской части особого назначения занять оборону на правом берегу реки Пухоть против Алексичей;

3) ему же: выделить один эскадрон для контроля за противником в районе Мзги.

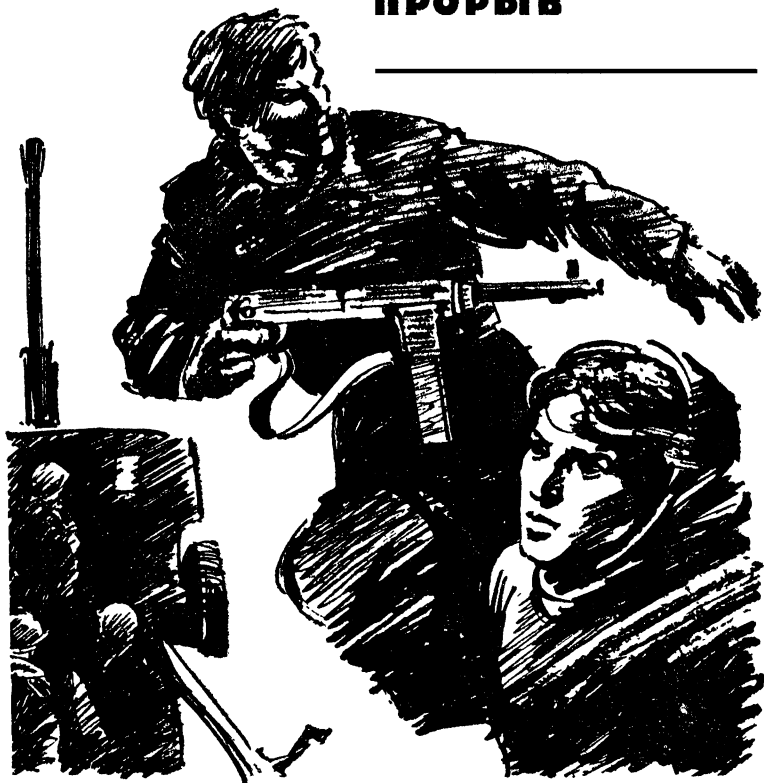
Командующий армией генерал-лейтенант Белозеров».

ГЛАВА ПЯТАЯ
ПРОРЫВ

Из бойцов нового пополнения больше других страдал от недостатка сна рядовой Кашин. Сонная болезнь настигала его повсюду — на посту, у орудия, за рытьем ровика, даже за колкой дров.

— Симулянт он у вас, — сказал полковой врач, выслушав жалобы командира расчета, — такой болезни нет. То есть, конечно, имеется подобная, но та совсем другое дело. При ней человек засыпает где попало, а ваш солдат спит, заметьте, когда ему выгодно. Во время приема пищи не спит ведь, нет?

— Не замечал, — признался Уткин.

Во время приема пищи Кашин действительно не спал...

Кашинская спячка наводила уныние на весь оружейный расчет: Вася мог уснуть и на посту. В то же время устраивать ему курорт резона не было.

В половине второго ночи Осокин — он стоял на посту с двенадцати — отвязал от оружейного чехла веревочку, спустился в землянку и, приоткрыв для света дверцу печки, собрался искать ноги Кашина среди шести пар точно таких же ног. Кашину заступать в два, но Осокин знал, что скоро Васю не разбудишь.

Временное укрытие — обыкновенная яма в земле. Со всех сторон промерзшая глина, над головой кое-как набросаны доски, лапник. Хорошо еще печку удалось поставить. Контрабандой, конечно, если увидят — отберут, потому что демаскирует, но пока есть — греться можно. С дровами хуже. Сухие остались на старой огневой, здесь одно сырье: дыму много, толку мало. Лучшее топливо — снарядные ящики пока лежат нетронутыми. В каждом из них по четыре пудовых патрона, похожих на винтовочные. Можно взять такой патрон, половчее стукнуть обо что-нибудь твердое, и тогда девятикилограммовая болванка — если, конечно, не взорвется — вывалится, освободив миткалевый мешочек с

бездымным порохом... За такое дело по головке не погладят, но зато хоть какую сырь кладу, против такой растопки ни одно полено не устоит, загорится.

Осокин нехотя отодвинулся от теплой печки и пересел на глиняный выступ, служивший первому орудийному расчету нарами. Маленькое, курносое лицо Кашина с вечно открытым ртом было рядом, но Осокину нужно было не лицо, а ноги. Укрытые шинелями, в одинаковых ботинках и обмотках, они запутались, переплелись между собой, утонули в ворохе соломы. И вдруг Осокин вспомнил: у Васьки для крепости вместо шнурков идет красный телефонный кабель! Он сразу увидел эти ботинки с кабелем, но уходить из тепла вот так, сразу, не хотелось. Посидев еще с минуту, он поднялся, сделал петлю, накинуд ее на торчащий из-под шинелей ботинок и пошел наверх, в холодрыгу и метель. Возле орудия он привязал свободный конец к поясному ремню и стал ждать. По его расчетам выходило, что до смены около получаса. Еще через пять минут надо начинать будить.

Ветер, как и раньше, гнал из-за реки колючие, жальщие ледышки, но сейчас, после короткого тепла, они казались острее и более впились в кожу.

Убедившись, что за ним никто не наблюдает, Осокин подошел к торчащей над землянкой железной трубе. Внутри ее, сантиметрах в двадцати от верхнего края, в сеточке у него пеклась картошка — шесть круглых катышков с гусиное яйцо каждый. Из этого бесценного клада ему полагалась третья часть — картошку доставал Кашин, сетку нашел Моисеев, Осокин только пек. Достав две и покатав между ладонями, он съел их с тем особенным аппетитом, которым вообще отличалось новое пополнение. Потом вернулся к выходу из землянки — здесь было не так ветрено, достал «катушу», выбил искру, прикурил и задумался. Поднятые вчера ночью по тревоге, артиллеристы оставили теплые, обжитые землянки с дощатым струганым полом, потолком и настоящей кирпичной печкой и прибыли сюда, под Переходы, где вот уже сутки напролет долбят мерзлый грунт, зарывая в него орудия, зарываются сами. Скрытность передвижения и всего, что они делали после, особенная какая-то нервозность командиров, излишняя суетность Уткина — все это доказывало одно: враг действительно рядом — возможно, за рекой в лесочке, — враг настоящий, не учебный и, должно быть, не слиш-

ком слабый. Последний инструктаж — не дремать на посту, глядеть в оба, не курить и не перекликаться — делал сам комбат, чего раньше не было. Вот почему в эту ночь с 13 на 14 декабря рядовой Осокин на посту не дремал. Просто когда нахалюга ветер бросил пригоршню ледышек в лицо и выбил слезы из глаз, Осокин на минуточку повернулся спиной к реке...

Сильнейший рывок за ногу оторвал старшего сержанта Уткина от сладкого сна. Опомившись, он протянул руку и нащупал на своей щиколотке... веревку. Кто-то настойчиво тащил его по земле к выходу. Старший сержант, вообще не любивший розыгрышей, витиевато выругался и на одной ноге подскакал к вырубленным в земле ступеням.

— Щас я вам, сукины дети!..

Но как только он выскочил в ровик, кто-то большой и тяжелый бросился на него сверху, с бруствера, сбил с ног, подмял под себя. Злоба, а не страх — Уткин все еще думал, что с ним шутят — придавала силы, но туманила разум. Старший сержант рванулся, хотел сбросить с себя шутника, но, несмотря на все усилия, выпростал только правую руку.

— Ну будя, будя! — сказал он грозно и вдруг почувствовал на своем горле липкие, сильные пальцы. Только тут он начал понимать, что происходит то самое, чего он втайне от всех так боялся. Боялся с той самой минуты, когда были убиты лейтенант Гончаров и Валя Рогозина. От этой мысли и еще от того, что дышать стало повилось все труднее, глаза начали вылезать из орбит, он застонал, закашлялся, забился в чужих, безжалостных руках. Уже теряя сознание, услышал, как ослабли сжимавшие горло пальцы, стало неупругим и податливым лежавшее сверху тело.

Трепеща каждой мышцей, Уткин поднялся на четвереньки. Позади него, зарывшись лицом в сугроб, бился в агонии немец в белом маскировочном костюме; над ним на корточках сидел старшина Батюк и вытирал штык от СВТ полой бушлата.

— Кто був на посту?

— Осокин. Я еще до ветру выходил, так он заступал... Осокин! Да где ж он, дьявол его побери?!

— Нема твоего Осокина, — хмуро сказал старшина и поднялся. Порывом ветра у него сбило шапку, Ба-

тлюк нагнулся за ней, и в тот же миг над временным убежищем первого орудийного расчета, разметав лапник, ухнул взрыв. Старший сержант кубарем скатился в землянку, рывкнул что есть силы: «Расчет! В ружье! Занять круговую оборону!» Нашарив в темноте автомат, дал очередь вверх, туда, где вместо крыши теперь зияла дыра, потом выбежал к орудию, лег на бруствер и, нажав спусковой крючок, смотрел, как уходят в темноту яркие звездочки трассирующих пуль... Только расстреляв патроны, пришел в себя, огляделся. Справа и слева от него бойцы расчета с усердием палили из карабинов и винтовок. От батарейного НП, слабо различимые сквозь метель, к его орудию бежали люди. В переднем он узнал комбата Гречина.

— Кто стрелял?

Уткин тяжело отвалился от бруствера, поднял ладонь к виску.

— Товарищ старший лейтенант, на меня напали!

Гречин подошел к убитому, носком сапога перевернул его животом вверх, взгляделся.

— Сперва утащить хотели, — сказал Уткин, — а после задушить пытались.

— Старшина Батюк, — сказал негромко комбат, — возьмите людей, проверьте все вокруг.

— Сперва они меня утащить хотели, товарищ старший лейтенант, — снова начал Уткин, когда Батюк покинул ровик, — веревочкой вот за это место меня привязали.

— Какой веревочкой?

— Вот этой. Я лежу, вдруг — раз! А после гранату в трубу бросили, сволочи!

Гречин исподлобья метнул взгляд в сторону развороченной крыши.

— Ты мне скажи, где часовой.

Уткин растерянно оглянулся.

— Так ведь Батюк же...

— Что Батюк? Я тебя спрашиваю! Это твой боец. Где он? А насчет гранаты не сочиняй. Эти байки мне знакомы. Тимич, проверь. Наверное, опять порохом печку разжигали.

Командир огневого взвода, стройный, как девушка, держа зачем-то наган в руке, скользнул мимо Уткина в землянку. Прошла минута, другая. Гречин стоял, отвернувшись от ветра, прикрывая обмороженную недавно щеку рукавичкой невоенного образца.

— Ты прав, Николай, — упавшим голосом сказал Тимич, вылезая наверх, — опять мои отличились...

В руке он держал пустую снарядную гильзу. Комбат перевернул ее фланцем вверх, потрогал капсюль.

— Целехонек! Лучший орудийный расчет на батарее и такое...

— Товарищ старший лейтенант, — захрипел Уткин, — ведь это когда было-то! А после, ей-богу, не трогали! Это немец гранату кинул, честное слово!

— Коля, — сказал Тимич, — я виноват, не доглядел. А они замерзали... Нет, ты не думай, я готов нести полную ответственность...

— Не сомневайся, ты свое получишь, — ответил комбат, — а за «Колю» вдвойне!

Из снежной круговерти возникли как привидения и спрыгнули в ровик Ухов с двумя разведчиками и майор Розин с ординарцем. Гречин поправил воротник, доложил:

— Товарищ майор, орудийный расчет первой батареи подвергся нападению противника.

Майор хмуро смотрел на комбата.

— Кто вам разрешил открывать огонь?

Гречин пожал плечами.

— Обстановка потребовала, товарищ майор.

— Приказ командира дивизии довели до личного состава?

— Так точно. Но обстановка, товарищ майор! Нападение...

— А вы понимаете, старший лейтенант, во что может обойтись полку ваша стрельба?

— Понимаю, — ответил Гречин, — но разрешите высказать свои соображения?

— К чему теперь ваши соображения? Раньше надо было думать. Потери есть?

— Один человек.

— Убит?

— Еще неизвестно.

— Сколько человек послали в погоню?

— Шесть.

— Мало. Их нельзя упускать.

Через коммутатор дивизиона Розин связался со штабом полка. Выслушав его, Бородин спросил:

— Одного взвода хватит?

— Достаточно. Только пошлите его с участка Сакурова. Вы меня поняли?

— Я-то вас понимаю. А вот если немцы прорвутся на участке Сакурова, поймут ли меня там, у вас?

— В ближайшее время не прорвутся, — ответил Розин, — за это я ручаюсь. Они ведь не любят наступать вслепую, а их разведка пока еще на этом берегу. И от нас с вами зависит, дойдет ли она обратно.

— Что ж, рискнем...

Вернув трубку телефонисту, Розин закрыл глаза и некоторое время сидел так, борясь с усталостью. Последние трое суток он не спал, даже не снимал шинель. В только что построенном, пахнущем смолой и мокрой глиной блиндаже жарко топились печь. В одном углу на ящичке стоял полевой телефон, в другом наспех сколоченный топчан с соломенным тюфяком, еще никем не обмятым, в третьем — топчан поменьше, должно быть, для дежурного телефониста или ординарца, посредине на козлах стол из толстых нестроганых досок, на нем банка свиной тушенки, буханка хлеба, селедка и большие желтые луковицы — не то поздний ужин командира дивизиона, не то ранний завтрак.

Вошли заместитель Лохматова по политчасти старший лейтенант Грищенко и техник дивизиона Стрешнев. Увидев дремлющего начальника разведки дивизии, молча присели на скамью.

С грохотом и стуком вошел связист с охапкой мелко порубленных досок и принялся энергично запихивать их в печку.

— Хоть бы гвозди вытащил, что ли! — сердито сказал Грищенко, но связист, как если бы это относилось не к нему, молча продолжал свое дело.

Розин открыл глаза, поздоровался. Когда связист вышел, Грищенко спросил:

— Что вы насчет чепе скажете, товарищ майор?

— А что говорить? Вам к этому не привыкать.

— Это верно, — невесело усмехнулся Лохматов, — и как это им удастся? В час пятнадцать сам вместе с комбатом проверял посты, а в половине второго — на тебе! Да вы поешьте, товарищ майор, как говорится, чем богаты...

Поели наскоро, хлеб запивали подслащенным кипятком. От злого лукового духа на глазах Розина выступили слезы.

Послышался зуммер полевого телефона. Старшина Овсяников докладывал: северо-западнее его траншеи

слышна автоматная стрельба — и просил разрешения вмешаться.

— Почему не докладываете в штаб полка? — спросил Лохматов.

— Нет связи, — коротко ответил Овсяников.

Розин взял трубку.

— Товарищ старшина, с вами говорит «Двенадцатый». Оставайтесь на месте. Вы меня поняли?

— Да ведь рядом! — убеждал Овсяников. — Я не могу так! А если наших бьют?

— Сиди и не рыпайся, — сказал ему Лохматов.

Не успел умолкнуть тенорок Овсяникова, как трубка задрожала от мощного баса командира второго батальона. Он интересовался, какого черта молчит артиллерия. Потом позвонил Бородин, спросил Лохматова, не видно ли чего из его ровиков. Лохматов сказал, что впереди его орудий есть еще пехота и если уж спрашивать, то у них, но Бородин сказал, что связь со вторым батальоном еще не восстановлена, а ему показалось, что бой идет как раз в расположении второго батальона.

— Хорошо, что не у них, — сказал он. — «Двенадцатый» еще у вас?

— У меня. Прикажете позвать?

— Да нет... Если у него ко мне ничего нет, то не надо.

Волнение, хотя и разной степени, охватило всех. С бугра, где стоял артдивизион, при дневном свете был хорошо виден берег, занесенные снегом кусты, деревянный причал за ними и вмерзший в лед старый паром — все, что осталось от переправы, но до света было еще далеко, начавшаяся недавно метель, казалось, только набирала силу, и Розину с артиллеристами оставалось гадать и ждать.

В три двадцать восемь стрельба начала стихать, дружный перестук автоматов сменился отдельными очередями, иногда через большие интервалы, а затем и вовсе перешел на одиночные выстрелы. После трех тридцати не стало слышно и их, но в три тридцать девять с правого берега неожиданно ударили немецкие пулеметы. По звуку нетрудно было определить, сколько их, и Гречин, а за ним и командир второй батареи Самойленко клялись, что накроют их с трех выстрелов, пока Лохматов не отругал обоих. Потом Лохматов, Грищенко и Розин перешли в расположение первой батареи — здесь было ближе всего к тому, что совершалось сейчас

на берегу Пухоти. Артиллеристы, полузанесенные снегом, застыли на своих местах, телефонист в шапке с тесемочками, подвязанными под подбородком, яростно накручивал ручку аппарата, лейтенант Тимич, в короткой курсантской шинели, стоял на самой вершине бугра.

— Хуже всего то, что Батюку ничем помочь не можем, — словно про себя сказал Розин. Ординарец бросил на снарядный ящик полушубок, майор сел на него, вытянув вперед раненную когда-то ногу.

Между тем Ухов с разведчиками обыскиали убитого, зачем-то подтащили его поближе к начальнику разведки.

— Ничего нет, товарищ майор. Кроме оружия, конечно.

— А ты хотел у него оперативные карты найти? — усмехнулся Розин.

Немец был крупный, широкий в кости, но необыкновенно худой — через порванную разведчиками одежду виднелась его жилистая длинная шея, мощные, как у гориллы, ключицы.

Осмотрев убитого, спустились в землянку. Здесь было тепло от топившейся печки. Наводчик Глыбин, присланный вместо Стрекалова, заделывал дыру в крыше.

— Странно, — сказал Гречин, глядя на его старания, — но, похоже, Уткин не врет. Гранату действительно бросили. Только почему разнесло одну крышу, а внизу все осталось целым? Она что, в трубе разорвалась? И еще, товарищ майор, Уткин говорил, будто его сперва утащить хотели. Веребочку какую-то показывал...

— С помощью веревки? — переспросил Розин. — Какая чепуха!

— Не знаю. Прикажете позвать?

— Зовите.

Гречин вышел. Уткин сидел на корточках возле орудия и, сняв шапку, к чему-то прислушивался. Гречин тоже присел и услышал гул. Он шел по земле и был слышен лучше всего в глубине ровика, где было тихо и не свистел ветер.

— Что это? Откуда?

— Оттедова, товарищ старший лейтенант! — таинственно ответил Уткин.

— Неужели танки?

— Может, и танки...

Комбат в волнении расстегнул воротник гимнастерки. С удивлением взглянул он на Уткина, на его мгмо-

венно преобразившееся лицо, смертельно бледное, с подрагивающим подбородком, на котором, как на ламповом ежике, торчала жесткая щетина, на выбежавшего из землянки Глыбина, суетливо прильнувшего к прицельной трубе, на младшего лейтенанта Тимича, со сжатыми в ниточку губами стоявшего рядом.

Какая-то непонятная, тихая злость поднималась в душе Гречина. Такое уже было с ним однажды, когда убили Андрея. Гречин плохо помнил, что говорил тогда, куда бежал, в кого стрелял. Но ведь Андрея убили по-воровски, неожиданно, а здесь все ясно, как на учении: вот он, Гречин, командир зенитной батареи, волею судьбы превращенной в полевую, вот его подчиненные, а там, пока еще далеко, враг, которого надо уничтожить. Чего тут волноваться? Однако несколькими минутами позже гул моторов прекратился.

Чем дальше от батареи уходил маленький отряд, тем тревожнее становилось на душе у старшины. Подчинившись приказу комбата, он добросовестно обшарил все вокруг огневой и потерял драгоценные тридцать минут. След нашелся, как и предполагал Батюк, метрах в ста к северу от огневой, но выюга быстро делала свое дело, и теперь через сугробы тянулась лишь едва заметная цепочка. Еще через полчаса от нее не останется ничего, и Батюк торопился. Пятеро шедших за ним огневилов понимали это, но секущий лицо ветер и глубокие, местами выше колена, сугробы быстро их измотали. Пять человек — не ахти какая сила, но и за этих пятерых комбату влетит от начальства: перед боем на батарее каждый человек на счету. Вот только успеют ли они вернуться? Старшина успокаивал себя тем, что немцы не двинутся с места, пока не вернется их разведка. Через каждые сто метров он останавливался, разглядывая следы. Немецких разведчиков было человек десять. В одном месте они повернули влево все разом и, хотя тут же снова выстроились в цепочку, все-таки сделали промашку — выдали Батюку свою численность. Потом, как видно, зартачилась жертва — рядовой Осокин не хотел или не мог идти дальше, и его били — в нескольких местах снег был сильно помят, кое-где виднелись следы крови.

Между тем метель пошла на убыль. Уже в тридцати шагах стал виден кустарник по берегам широкого оврага и даже отдельные деревья.

За этим оврагом находились ячейки истребителей танков. Дальше, если следовать обычной фронтовой терминологии, начиналась нейтральная полоса. Но обычная терминология здесь не годилась, как не годилась и привычная схема обороны. Противника нужно было обмануть, соблазнить отсутствием в этом месте обороны, чтобы потом взять в клещи, прижать к реке и либо заставить сдаться, либо уничтожить.

Все это старшина Батюк понимал, догадывался обо всем уже давно и с решением командования был согласен. Он почти забыл обиду, которую ему нанесли недавно, послав в тыл врага другого. Даже о Стрекалове — невольном виновнике этой обиды вспоминал с почти отеческой нежностью.

Немцев заметили издали. Разведчиков было девять, десятого, очевидно «языка», тащили по снегу волоком. Впрочем, это удалось рассмотреть позднее, пока же артиллеристы видели только неясные серые тени.

— Ось и воны, — сказал Батюк, слизывая с губ капли пота, — пишлы по шерсть, а до дому придуть бритыми... Айда, хлопцы!

Река открылась неожиданно — противоположный берег скрывала белая пелена, — и одновременно исчезли, словно проваливались сквозь землю, разведчики со своим трофеем. Опасаясь засады — немцы могли заметить погоню, — Батюк разделил свой маленький отряд на два, чтобы выйти к берегу с двух сторон. Вместе с ним теперь были Зеленов и третий номер второго орудия рядовой Царьков. Несмотря на трудный бросок, оба солдата дышали неплохо, может, даже лучше самого Батюка, да и во взглядах, которые они бросали на своего командира, была тревога, но страха не было.

«Может, не понимают ситуации?»

Оказалось, понимают все.

— Не иначе под обрывом затаились, — сказал Зеленов. — Обрыв тут есть, товарищ старшина, вчера, как стемнело, сюда за топливом бегали...

— Обрыв глубокий?

— Метров десять, — ответил Зеленов.

С большими предосторожностями подобрались к краю обрыва — не дай бог, скатится ком снега! Снова замерли, коченея от холода. Гладь закованной в лед реки была девственно чиста, противоположный берег угадывался по широкой, слабо различимой полосе; внизу справа чернели остатки сгоревшего причала; кругом ни

звука, ни выстрела, ни крика, — ничего, кроме посвиста ветра и шороха переметаемого снега. По расчетам Батюка, вторая группа должна выйти к берегу одновременно с ним, но прошло несколько минут, а условного сигнала — вороньего крика — все не было.

Между тем небо над дальним берегом слегка посветлело: сквозь тяжелое нагромождение туч, пока еще невидимая, пробиралась луна. Затем появилось желтоватое пятнышко, которое вскоре увеличилось, а еще через минуту робкий голубоватый свет хлынул из-за облаков на землю. Потемнела серая стена леса на том берегу, показались зубцы елей, яснее обозначились сваи причала с круглыми снежными набалдашниками. Теперь не только человек — собака не пробежит по льду незамеченной.

— Товарищ старшина, каркают! — радостно сообщил Зеленов, но старшина и сам услышал неумелое, но старательное карканье, напоминавшее больше кваканье лягушки. Батюк досадливо поморщился: научи дурака богу молиться, он и лоб расшибет...

Прижав ладони к обмерзшим губам, старшина крикнул вороном. Кваканье прекратилось, трое во главе со старшиной, как было условлено, начали ползком продвигаться влево в поисках удобного спуска, но с крутого обрыва угрожающе нависали толстые «губы» — встань на такую и загремишь прямо в объятия диверсантов. В том, что они здесь, Батюк убедился после того, как лунный свет залил безлюдную гладь реки. Стало понятно и другое: немцы затаились потому, что заметили погоню.

Снова раздалось карканье: рядовой Кашин, посланный Чудновым для связи, выражал беспокойство. Глупая «ворона», не получая больше ответа, кричала не переставая, хрипло, и уже ничего вороньего не было в этом крике. Кроме того, она все приближалась к тому месту, где лежал Батюк с двумя солдатами. Старшина свирепо ругался. Он знал, что сейчас произойдет. Фигура Кашина показалась на фоне неба. Утопая в глубоком снегу, солдат пробирался вдоль гребня обрыва. Вот он остановился, прижал ладони ко рту и издал какой-то хриплый звук; в ту же секунду над обрывом выросла фигура в белом маскировочном халате. Старшина выстрелил. Немец рухнул. Кашин тоже упал в снег. И сейчас же снизу, из-под берега, в сторону Батюка понеслись автоматные очереди. Снежная «губа» еще за-

крывала его, но когда шагах в десяти разорвалась граната, снег под старшиной дрогнул, раскололся, и огромный ком понесся вниз, ломая на пути редкие стебельки полыни. Батюк невольно отполз дальше, длинная очередь скользнула по краю обрыва, расколола до земли тонкую ледяную рубашку. Теперь Батюк точно знал, что диверсанты как раз под ним. Вторая граната, перелетев через него, подняла столб снега еще ближе.

— Тикай, Зеленов, до Чуднова, спытай, чого вин нэ стреляе. Та подывысь, як там Кашин.

Зеленов с готовностью сказал: «Слушаюсь», — и, пригибаясь, неуклюже побежал по глубокому снегу. На бугорке, где залег Кашин, его обстреляли, но, как видно, не задели.

Старшина перезарядил автомат, положил его на руку.

— Восемь осталось...

— А нас шестеро, — напомнил Царьков. Батюк промолчал. До возвращения Зеленова он не мог сказать, сколько у него человек.

Словно в подтверждение его опасений в той стороне, куда ушел Зеленов, поднялась стрельба. Прислушаваясь к ней, старшина не забывал следить за врагом: вполне возможно, что нападение на Чуднова — всего лишь отвлекающий маневр. Батюк был уверен, что ядро группы укрылось здесь, под береговым карнизом. Пока светит луна, немцам деваться некуда, они будут сидеть и ждать, когда русские зазеваются. Но Батюк зевать не собирался. Когда из-под берега неожиданно выскочили двое и побежали к переправе, он хладнокровно уложил их одного за другим. Больше таких попыток не повторялось. Обе стороны выжидали.

Когда с другого берега послышался гул моторов, немцы оживились, снова открыли стрельбу. Батюк не отвечал, надеясь, что, осмелев, они пойдут на приступ. Все это время он придерживал своих хлопцев, с одной стороны, оберегая их, с другой — не желая выдавать врагу количество своих бойцов. Беспокоило его и то, что до сих пор подмога не приходила. На таком расстоянии стрельбу наверняка слышали на батарее. Однако, поразмыслив, он пришел к выводу, что подмоги может и не быть. Для командования сейчас главное — не обнаружить огневую. Поднявшаяся полчаса назад стрельба еще ни о чем не говорит — на передовой такие стычки вещь обыкновенная.

Время шло. Вместо тяжелых сплошных туч небо на севере оделось в серебристое покрывало из легких кружевных облаков, редкие тучки с порванными краями лишь ненадолго закрывали блестящую копеечку луны.

Прибежал запыхавшийся Зеленев.

— Ну, що там? — спросил Батюк.

— Кашии жив...

— А Чуднов?

— Ранен!

— Куда его?

— Не знаю.

Наступило молчание. Старшина больше ни о чем не спрашивал, обветренное лицо его с прищуренными глазами окаменело. Батюк думал. Через минуту он ползком отодвинулся от края обрыва, встал, опираясь на автомат.

— Лягай на мое мисто, Зеленев. Пиду гляну, як там...

Игорь лег, выбросил вперед автомат, нашел упор для локтей. Царьков подкатился ближе к товарищу.

Опять раздались автоматные очереди.

— Как думаешь, рванут немцы через реку или нет?

— В любую минуту могут, — сказал Зеленев, — только вот попасть в них трудно: карниз мешает, да и ночь все-таки, а они во всем белом.

Помолчали, слушая тот берег, внезапно умолкнувший, ставший еще более загадочным.

— А если спуститься вниз? — предложил Царьков. — Снизу-то ловчее их достать.

Метрах в тридцати правее нашли удобный спуск — узкая и глубокая расщелина вела вниз — и начали спускаться по краю ее, где снег был не так глубок, как на дне, местами же его и вовсе не было; бока оврага желтели каменистыми осыпями, щетинились стебельками прошлогодней травы. Сверху расщелину закрывали колючие заросли шиповника с затвердевшими на морозе оранжевыми ягодами, снизу громоздились обледенелые валуны, принесенные паводками корявые сучья, трухлявые бревна и целые стволы; теперь уже близко был виден старый причал — полтора десятка торчащих изо льда свай, бревенчатый настил, наполовину разобраный сруб на берегу. Тут же, опрокинувшись на спину, лежал убитый Батюком немец. Мраморный лоб, белый маскхалат, выпуклая грудь — все одинаково блес-

тело, искрилось легкой изморозью, сливалось с обледенелыми гольцами.

— Как думаешь, чего они с нашим Осокиным сделали? — спросил Царьков, косясь на немца. — Может, пытали? — И сам же ответил: — Не. Если б пытали, орал бы, я его знаю...

— Тихо! — Игорь сдвинул шапку набок. — Кажется, идут.

Царьков прислушался.

— Показалось. Я пойду обратно в овраг, покараулю Батюка, а то, пожалуй, и не найдет нас.

— Вроде снег скрипит, — сказал Зеленов.

— Ну и что? Может, Кашин подошел. Или старшина вернулся.

— Это где-то тут, ближе.

— Ну, так чего-нибудь. Я пойду, Игорек...

Он ушел. С минуту Зеленов слышал стук его каблуков по камням — Николай, видимо, считал себя там в полной безопасности, — потом и этот стук прекратился. Игорь представил Царькова, сидящего в удобной позе где-нибудь в кусте орешника. «Может, зря я всполошился? — подумал Зеленов. — Ну куда они теперь денутся? Сверху Чуднов стережет, снизу мы...»

Зашуршала снежная осыпь, скатились вниз, запрыгали по валунам мелкие камешки. Сейчас Николаю наскучит одному, и он придет. Но Царькова все не было. Кто-то, спустившись по овражку до границы, где кончалась тень и начинался лунный свет, остановился, затем, не выходя из тени, повернул и стал карабкаться по откосу.

«Куда тебя черт несет? — хотел крикнуть Зеленов и вдруг увидел на темном фоне обрыва шевелящееся светлое пятно. — Немец!» Игорь торопливо нажал спусковой крючок. Ослепнув от яркой вспышки, он потерял цель, но продолжал водить стволом автомата, пока не расстрелял весь магазин. На откосе светлого пятна больше не было.

Зеленов бросился к расщелине и в самом устье ее увидел Царькова. Николай лежал на спине, свесив голову с каменного выступа.

Зеленов попятился. Сверху опять сыпались камешки, и он отбежал назад, затаился. Из тьмы на лунный свет осторожно пробирался старшина Батюк. Наткнувшись на Царькова, остановился, и тут длинная очередь ударила возле Батюка. Игорь видел, что пули прошли

довольно далеко, но старшина схватился за грудь, зашатался и упал. У Игоря сжалось горло от страха, и вместо крика получился слабый писк. Никогда еще он не казался себе таким маленьким и беззащитным, и у него защипало в носу от острой жалости к самому себе, и к Царькову, и к старшине. Всхлипывая, он оглянулся на чьи-то шаги и увидел человека в разорванном на груди белом комбинезоне. Он подходил со стороны причала, под сапогами стеклянно лопались льдинки, хрустел гравий. Но шел он не к Зеленову. Игорь понял это по его лицу — оно было каменно-неподвижно, а длинный нос устремлен куда-то мимо, дальше Игоря, наверное, туда, где лежал другой, более сильный... Заметив Игоря, человек слегка замедлил шаги и устало поднял автомат. Зеленев даже не успел испугаться — он не мог оторваться от мертвых, запавших вглубь глаз человека.

Выстрел грохнул где-то за спиной Игоря. Человек качнулся, его колени подогнулись, голова запрокинулась, руки, выпустив оружие, шарили по воздуху, ища опоры, но ее не было, и человек упал, будто сложился пополам.

Живой и невредимый старшина Батюк, оскальзываясь на камнях, шел к Игорю от того места, где его только что убили...

— Що ж вы наробылы, хлопци, га? Царьков сгynув, тэбэ трoхи нэ вбылы...

В его голосе звучала укоризна, а в глазах стояла та же усталость, которую Игорь сейчас видел у другого...

— Бачишь, яку засаду выставылы? — Старшина опустился на камень. — А ты що, злякався?

Игорь кинулся к Батюку, вцепился в его телогрейку обеими руками.

— Я думал, вас убили, Гаврило Олексич! Я не хочу, чтобы вас убили!

Батюк опешил. На его глазах происходило нечто, чему на военном языке не придумали названия, и он не знал, что делать.

— Ну досыть, досыть! Цэ бувае...

Подумав, он отцепил от пояса заветную флягу.

— На, тильки зараз, бо часу нэмае.

Игорь взял флягу, послушно сделал большой глоток. Глядя, как он, корчась, хватается ртом воздух и плачет,

теперь уже по другой причине, Батюк довольно сказал:

— Ничего, добрый будэ солдат.

И пошел к обрыву. По дороге он пнул какой-то предмет, дождался Игоря.

— Стрелял с такого?

А Игорь смотрел не на «шмайссер», а дальше, где за спиной старшины торчал сапог с подошвой, прикрученной к головке проволокой и торчащим изнутри мокрым вязаным носком. Выше сапога из разорванной штанины высывалось худое мосластое колено.

«А ведь это я его подстрелил!» — подумал Зеленев, обходя убитого.

Пройдя метров сто, они легли, хотя по ним никто не стрелял. Почти отвесный уступ закрывал часть берега.

— Почему мы лежим? — спросил Игорь. — Они же могут уйти!

Вместо ответа Батюк подтянул кривоватый кол, нацепил на него свою шапку и высунул ее из-за камня. По ту сторону ударила автоматная очередь, шапка сорвалась с кола и покатила по льду. Зеленев втянул голову в плечи.

— Я все понял, товарищ старшина.

— Ни. Нэ все. — Батюк положил «шмайссер» на землю, снял пояс, сунул штык от СВТ за голенище. — Будешь стрелять одиночными, бо патронов нэбогато.

Цепляясь за свисающие корни деревьев, он начал карабкаться вверх по откосу. Ничего не понимая, Игорь следил за ним, пока тот не скрылся.

Спать хотелось невыносимо. Густая тьма слева и яркая белизна лунного света справа... Как в театре. Зеленев крикнул. Сидевшие невдалеке вороны встрепенились и снова замерли, неподвижные и темные, как мазки тушью на серой стене. Чтобы не смотреть на них — Игорь уже знал, для чего эти большие черные птицы собираются вместе, — он повернул голову и стал смотреть вдоль реки. Прямо перед ним среди невысоких торосов шевелились какие-то тени. Зеленев вгляделся. По льду бежали, быстро удаляясь от берега, три неуклюжие фигуры в белом. Двое тащили волоком какой-то груз, третий подталкивал его сзади.

С высокого берега, оттуда, где лежал Чуднов, раздавалась автоматная очередь.

— Товарищ старшина, они уходят! Уходят!

Игорь схватил автомат Батюка, выстрелил. Трое продолжали удаляться. Зеленов побежал за ними, довольно скоро нагнал и снова выстрелил. Тот, что шел сзади, упал. Двое даже не остановились. Зеленов снова нагнал их и, целясь в ноги, дал очередь, но, то ли стрелял он слишком плохо, то ли это были не люди, а призраки, пули Зеленова не причинили им вреда. Больше в магазине патронов не было. В отчаянии Игорь повернул к берегу.

...Этот, последний, оставленный в засаде немец, был, наверное, не сильнее предыдущих, но и Батюк был уже не тот. Бросившись сверху, он подмял немца и уже готовился прикончить, когда тот неожиданно дернулся в сторону, и нож Батюка прошел мимо. В ту же секунду правая рука старшины оказалась прижатой к земле. Батюку с трудом удалось освободиться. Его противник был молод, действовал умело, но в его движениях старшина уловил странную нерешительность. Казалось, он не знал, что для него лучше: победить или стать побежденным. Дважды у него была возможность убить Батюка, и дважды он ею не воспользовался. Сражаясь, он только оборонялся и если доставал Батюка иногда точным боксерским ударом, то лишь для того, чтобы спастись от его страшного ножа.

Поединок закончился неожиданно. Сделав очередной выпад, старшина поскользнулся и упал в опасной близости от противника. Но ожидаемого удара не последовало. Немец стоял с поднятыми руками.

— Русс, дойче — плен! Гитлер — капут! — тяжело дыша, сказал он. Его «шмайссер» валялся тут же. Смахнув с подбородка кровавую юшку, Батюк поднялся, подобрал автомат. В рожке еще оставались патроны...

— Русс! Никс шиссен! Никс шиссен! — забеспокоился немец. — Дойче — плен!..

— Щоб ты сгынув! — досадливо отмахнулся Батюк и стал звать Чуднова.

— Гебен зи мир битте эссен, — уже тише произнес немец и вдруг повалился набок.

— А ну, не балуй! — грозно приказал старшина, но его третий немец уже крепко спал, положив голову на ноздреватый валун.

В вихре снежной пыли с обрыва кубарем скатился рядовой Кашин.

— Дэ Чуднов? — накинулся на него старшина.

— Не знаю, — виновато моргая, ответил Кашин, — его куда-то ранило...

Батюк приказал ему и Зеленову вести пленного на батарею, а сам, тяжело припадая на правую ногу, побежал по льду догонять диверсантов.

Покричав немного и не получив ответа, Кашин снял с себя брючный ремень, связал бесчувственному немцу руки и отправился по берегу искать Зеленова. Ярко светила луна, кругом совсем по-мирному было тихо, и Вася ничего не боялся.

Догнать бредущих с тяжелой ношей людей даже для немолодого человека — не такая уж трудность. Минут через пять Батюк увидел впереди силуэты двух диверсантов и дал предупредительную очередь — он понимал, что за груз они ташат. Он почти не таился — таиться, собственно, было негде, разве что лечь плашмя, но тогда диверсанты снова уйдут. До противоположного берега оставалось метров сто. Экономя патроны, старшина перевел автомат на одиночные. Оба диверсанта были ранены — Батюк видел это по нетвердым шагам их, медленным жестам, когда, желая отделаться от преследователя, они поворачивались, чтобы дать по нему выстрел из парабеллума.

Но вот выстрелы с их стороны прекратились. Старшина наддал из последних сил — ему показалось, что у диверсантов не осталось патронов.

Однако недаром говорят, что и на старуху бывает проруха. По его команде «хенде хох!» оба немца повернулись к нему и подняли руки, Батюк без опаски приблизился к ним. Взгляд его был прикован к лежащему неподвижно рядовому Осокину.

Один из немцев взмахнул рукой. Что-то сильно ударило старшину в грудь, ожгло изнутри, отозвалось болью в спине и внизу живота. Чтобы не потерять равновесия, он хотел сделать шаг вперед, но откуда-то снизу, от той самой боли, вязким комом накатилась тошнота. Он хотел крикнуть, но тошнота выплеснулась из него темно-красным сгустком, подавив крик, и пьяно пахнувшим облаком стала растекаться по льду. Упав на колени, он попытался подползти к Осокину, посмотреть, что с ним, но руки и ноги начали наливаться жидким свинцом и наливались до тех пор, пока руки не подломились от этой страшной тяжести.

Старшина Батюк упал.

Только к утру, отмахав по лесу километров пятнадцать, Стрекалов вышел к жилью. С пригорка, поросшего сосняком, он разглядел приземистые крыши изб, какие-то полуразвалившиеся сараи, одинокий журавель у колодца. Вниз, по косогору, тянулась дорога со следами саней, клочками оброненного сена и конскими катышками. Под горой стояло несколько бань, еще ниже, на дне лощины, под покровом снега, угадывался ручей, по его берегам в изобилии росла ольха, краснела верба.

Ближе других к Стрекалову стояла аккуратная, должно быть, года два назад срубленная избушка. Под соломенной крышей висели сосульки. Стрекалов постоял немного, ожидая увидеть людей, но, так и не дождавшись, спустился вниз и перешел ручей. От усталости и потери крови он едва передвигал ноги, автомат и пустой вещмешок прижимали его к земле, руки и ноги от холода потеряли чувствительность. Подойдя к двери, сержант откинул палку, служившую запором, и вошел. Уже в сенях ощутил он долгожданный запах человеческого жилья — смесь запахов кислой капусты, мокрой овчины, дыма — и нетерпеливо потянул на себя вторую дверь.

Крохотное оконце освещало лавку под ним, большую печь напротив и маленький участок дощатого, давно не мытого пола. Стрекалов тяжело сел на лавку.

— Есть кто-нибудь?

Ему никто не ответил. Сашка попытался снять сапоги — он не чувствовал ног, — но из этого ничего не получилось.

— Не бойтесь, никого я не трону.

И опять никто не отозвался. После нескольких неудачных попыток Сашке удалось снять один сапог. Пальцы не чувствовали боли, не сгибались, не реагировали на щипки и уколы.

— Этого только не хватало! — с горечью воскликнул Сашка и глянул в оконце. К избушке приближалась одетая в рубище женщина с холщовой сумкой через плечо и посохом в руке. Лица ее не было видно — всю нижнюю часть закрывала черная тряпка, со лба свешивался рваный платок.

Прыгая на одной ноге, Сашка добрался до двери, выглянул на улицу. Тропинка, ведущая от деревни, была пуста. У самого порога цепочка маленьких следов

делала крутой поворот и уходила куда-то в сторону, через реку и дальше в глубь леса.

Стрекалов вернулся в избу и сел, прислонившись спиной к печке. Начавшееся вчера недомогание усилилось, появился озноб. Сашка нашел немецкий котелок, набил в него снег и сунул за заслонку: если начнется лихорадка, вода будет кстати. Теперь его мысли были заняты только одним: наступавшей болезнью. Сцепив зубы, он стащил наконец второй сапог и, забравшись на чуть теплую печь, укрылся телогрейкой.

Незнакомую деревню он воспринял сначала как досадную помеху на пути: чтобы ее миновать, надо сделать версты две крюку, но через минуту понял, что больше не может обойтись без посторонней помощи, без тепла, куска хлеба. Воспаленное болезнью воображение рисовало ему теплую избу, насквозь пропахшую молоком, ватрушками и ржаным хлебом; седобородый старик в рубаше горошком и старуха в теплом полушалке на плечах — оба с иконописными лицами — сидят и кого-то ждут...

Вот почему Стрекалов решил не обходить деревню.

Между тем целебное тепло русской печки делало свое дело. Сашкины веки сами собой закрылись, рука, державшая автомат, ослабла.

Проснулся он внезапно, как от толчка, и тут же схватился за оружие. У стола, уронив голову на сложенные крест-накрест руки, сидела женщина. Сбившийся на затылок платок открывал копну давно не чесанных волос и маленькое розовое ухо.

Сержант шевельнулся. Женщина вздрогнула, выпрямилась, села неподвижно, сложив руки на коленях.

— Вы, мамаша, меня не бойтесь, — начал Стрекалов как можно мягче, — я не бандит какой-нибудь, не налетчик, мне от вас ничего не нужно. Я вот обогреюсь немного и уйду.

Хозяйка зачестила неожиданно сильным грудным голосом:

— А вовсе я вас не боюсь, с чего вы такое взяли? Богатства у меня нет никакого. Отдыхайте сколько пожелаете, а кто вы есть, меня вовсе это не касается, да и не мамаша я вам, у вас самих небось дети есть, ведь не молоденькие уж...

Она проворно сбегала к печке и вернулась оттуда с небольшим чугуном в руках. Под низким потолком запахло вареной картошкой.

— Сидайте сидать, господин хороший, коли нами не брезгаете, чем богаты, тем и рады, а только не обессудьте, больше у нас ничего нет.

Пропустив мимо ушей все, кроме «господина хорошего», Стрекалов — после сна он чувствовал себя лучше — сел за стол, разломил картофелину, поискал глазами соль. Женщина, следившая за каждым его движением, сказала:

— Не прогневайтесь, господин, соли тоже нету, ни солины во всем доме, если не верите, сами поглядите...

— Ладно, чего там...

За кого же она его принимала? Поедая картошку, Стрекалов не забывал следить за улицей, что также не ускользнуло от внимания хозяйки.

— У нас тут редко кто, бывало, зайдет, места наши сильно глухие, до войны еще когда-никогда по ягоды, али по грибы, али охотники с города, а теперь и вовсе нету никого, спасибочко, ваши не забывают, навещают когда-никогда...

Стрекалов перестал жевать.

— Какие наши?

— А ваши...

Женщина проворно снова отошла к печке, но вернулась с пустыми руками и села не на прежнее место, а в простенке, так, чтобы свет ее не доставал.

— Чего не едите? — Сашка кивнул на чугунок.

— Спасибочки, мы отсытились, много ли нам, бабам, надо. Да вы угощайтесь, не глядите на нас.

Стрекалов отодвинул чугунок.

— И часто у вас бывают... наши?

Женщина слегка шевельнулась в своем углу.

— Теперь часто, иной день по два раза. Да мы не се-
туем, понимаем: за порядком следить надо...

«За каким порядком?» — хотел крикнуть Сашка, но сдержался.

— Сегодня были?

— Были. Наране были, затемно еще, скоро обратно будут... Да вот и оне! — Она даже слегка привстала, чтобы лучше видеть. По дороге от деревни неспешно трусила пегая кобыленка, запряженная в розвальни, впереди сидел и правил ею бородатый мужик, по виду крестьянин, в полушубке и солдатской шапке-ушанке, за ним на ворохе соломы полулежали три человека, из которых один был одет в солдатскую шинель без погон, другой в такую же, как у Стрекалова, телогрейку, тре-

тий был просто немецким солдатом. Все трое были вооружены винтовками. И еще заметил сержант: на левом рукаве того, что в телогрейке, виднелась белая нарукавная повязка...

С автоматом наготове Сашка встал за дверью. Женщина осталась на месте, только плотнее запахла дражный кожанок. Она смотрела то в окно, то бросала быстрые взгляды на Сашку.

— Шла бы ты, хозяйюшка, отсюда куда-нибудь, — посоветовал он, — не ровен час, заденут...

— Проехали, — спокойно объявила женщина. Стрекалов вышел из угла, швырнул автомат на стол. Его бил озноб. Женщина заметила, сняла с себя кожанок, сказала совсем другим, уверенным тоном:

— Лезь на печь, я тебе еще одну шубейку дам.

Стрекалов усмехнулся.

— А как же насчет «господина хорошего»? Вдруг я — он самый и есть, а ты меня на «ты»...

Женщина ответила не сразу. Должно быть, ей было неловко за то, что строила из себя дуру...

— Много вас тут шатается, разве всякого поймешь?

— А меня поняла?

— Чего ж не понять... Лезь-ко на печь, гляди, в чем душа держится, аж почернел весь!

По-матерински ласково она заставила его снять телогрейку, уложила на теплые кирпичи, набросила сверху полушубок.

— Моя горница с богом не спорится. Когда потоплю немного, а когда и так сойдет. Редко я тут бываю.

— Где ж тебя носит?

Женщина не ответила. Руки ее двигались споро, глаза смотрели строго, не по-старушечьи, как раньше, а молодо, смело. От быстрых движений платок съехал, и спутанные, но густые волосы рассыпались по плечам. Сашка не удержался, погладил их здоровой рукой. Женщина сдвинула брови и сердито оттолкнула Сашкину руку. Парень взвыл от боли.

— Тихо ты, сумасшедшая!

Женщина ахнула, прикрыв ладошкой рот.

— Батюшки, да он же раненый! Ах ты, сердешный! Чего ж не сказал?

— А чего говорить?

— Перевязать надо.

— До своих доберусь, тогда... Да у тебя, наверное, и нечем.

Она подумала, зашла за печку, повозилась там немного и вышла, держа в руках что-то белое. Теперь на ней была только вязаная кофта и юбка, сшитая из немецкого упаковочного мешка с орлом спереди и несмываемым номером сзади. Неизвестно почему, Сашку рассмешил этот орел.

— Веселишься? — мрачно сказала женщина. — Чего же не веселился, когда полицаи ехали? — Она с треском разорвала свою сорочку на несколько длинных лоскутков. — А ну, скидай рубашу, вояка.

Сцепив зубы, Сашка позволил себя раздеть и даже не ойкнул, когда она отдираала присохшую к ране гимнастерку.

— Повезло тебе, — сказала женщина. И Сашка согласился: действительно повезло. Раны чепуховые, в сорок первом с такими в госпиталь не всегда направляли, а тут он лежит, как путный, и над ним хлопочет если не бывшая медсестра, то уж наверняка человек, знакомый с такими делами...

Женщина отмыла кровь, смазала раны какой-то мазью, наложила повязку.

— Молодой ты. А я думала, в годах... Ишь, как жизнь тебя тряханула. Тебе куда надо-то? На ту сторону, что ли?

Но он уже спал тем мертвым сном без сновидений и забот, которым спят дети и солдаты и который не так-то легко прервать.

Женщина накинула полушубок и вышла, тихо приотворив дверь.

Вернулась она, когда в единственном окошке ее дома потух дневной свет, вынула из-под полы чугунок с картошкой, поставила на стол. Подумав, достала из щели в стене обломок гребня, маленькое круглое зеркальце и, установив его на подоконнике, принялась расчесывать свои густые, свалявшиеся волосы. Заплетя их в одну тугую косу, она не спеша подошла к печке и, прижав к щеке, позвала:

— Солдат, а солдат, вставай, пора!

Он поймал ее руку, потянул к себе...

— Ни к чему это, миленький, — сказала она шепотом, — не ровен час, нагрянут немцы, пропадем ведь. Ты вставай, повечеряй, а там я тебя до реки провожу.

Щурясь от огонька светильника, он торопливо ел холодную картошку, которую, ободрав с нее кожуру, подавали ему ласковые руки женщины.

— Сыночек был у меня, — рассказывала она, не поднимая глаз, — месяца нет, как помер. Закопала в снег... Могилку-то ведь ладить некому да и нечем. Земля как камень. Вот дождусь весны, раскопаю, тогда похороню как след...

— Вы с ним тут и жили, с сыном-то?

— Тут, где же еще! — Она долго молчала, прежде чем выговорить самое главное. — Муж ведь у меня есть...

— Муж?

Она еще ниже наклонила голову.

— В Красной Армии служит. — Она судорожно вздохнула, бросила очередную картофелину. — Он там, на фронте, а я здесь...

— Ладно, не переживай, — сказал Сашка, — вернется, будет у вас все чин-чинарем. Звать-то как?

— Семеном. А по фамилии Драганов.

Сашка поперхнулся картофелиной.

— Как?!

— Чего как? Драганов Семен Михайлович, командир. Чего уставился? Не веришь?

— Верю...

— «Верю», а бельмы таращишь. Небось думал, гуляющая? Все вы, мужики, глупые... Правда, не расписанные мы. Без сельсовета обошлось. Не было тогда уж сельсовета, немцы разогнали.

— Писал? Семен, спрашиваю, писал?

— Куда писать, дурачок? Часть ихняя тут, недалеко, стояла, потом немцы наступили и заняли нас. А их окружили. Потом командир ихний спрашивает, кто, дескать, знает дорогу? Чтоб проводили, значит. Места у нас гиблые. Кто дороги не знает, лучше не соваться, в аккурат в трясину попадешь. А не то — просто заблудишься. Сколь разов такое бывало...

— Так это ты их вывела?

— Я. Места мне с детства знакомые. Отец тут лесником был. Мы не здесь, на хуторе жили. Большое хозяйство было. Да и семья не маленькая: отец, мать, две сестренки, братьевьев пятеро. Теперь вот одна осталась. — Она отвернулась в угол, вытерла слезы концом платка. — Вспоминать, только душу травить...

Стрекалов понемногу успокаивался.

— Семен тебе номер полевой почты оставил?

— Не успел, должно быть, сказать. Меня одной рукой обнимал, а другой за автомат держался, такая

жизнь у нас с ним была... Ладно, пойдем, темно уж. До реки доведу, а там сам ступай. Дойдешь, чай, потихоньку-то? Ну, чего застыл? Гляди, немцы завсегда об эту пору по избам шарят.

— Вместе пойдем, — сказал он, — нельзя тебе здесь оставаться.

— А это уж не твое дело.

Он взял ее за плечи.

— Почему не идешь к нашим? Кругом все освобождено, люди колхозы восстанавливают, весной сеять будут.

Она сердито дернула плечом.

— Убери лапы. Думаешь, если одна, так все можно...

Он разозлился.

— Говоришь, немцы заходят?

— Бывали. Часть тут у них. А может, и не одна.

— Как это они молодую красивую бабу не тронули?

— Не до баб им. Насчет жратвы промышляют. В чем душа держится. Да и хитрые мы. Ты меня днем видел? Старуха. Все тут такие. Волоса золой посыпая, чтобы седыми казаться, на себя что ни страшней надеваем...

— Ты мне зубы не заговаривай. Отвечай, почему не уходишь?

Она молчала.

— Может, из-за сына? Так ведь его нет. Вернешься весной, сделаешь что надо, а теперь чего тут торчать? Слушай, неужто из-за Семена?

Она мгновенно преобразилась.

— Да. Из-за него, — досадуя на свою слабость и стыдясь Сашки, крепко вытерла слезы ладонью. — А где мне его еще ждать? Почты для нас с ним нет...

— Обожди, не плачь.

— Я не плачу. Идем, парень, очень тебя прошу. На душе тревожно как-то...

— Вот что, забирай шмотки и идем вместе.

Она исподлобья, враждебно глядела на него.

— Нельзя тебе здесь оставаться. Скоро тут такое начнется... А там, за рекой, устроишься в деревне, хозяйство заведешь и жди себе.

Она упрямо качнула головой, пошла к двери. Он понял, что иного выхода нет...

— Глаша!

Она замерла на месте, но еще долго не оборачивалась, боясь, что ослышалась, потом подошла к Сашке, заглянула ему в самые зрачки.

— Откуда мое имечко знаешь, солдат? Или я его тебе называла?

— Называла, — поспешно соврал он. Она покачала головой.

— Неправда. — И вдруг крепко схватила за тело-грейку: — Солдат, миленький, скажи, откуда? Богом прошу, скажи! Ну хочешь, я перед тобой на колени встану? — Она и в самом деле упала перед ним на пол, охватила его сапоги руками. — Не томи душу, не видишь, изболелась вся. Только он один мое имечко знает. Да говори же! Он сказал, да?

— Ну он, чего кричишь? Дружки мы с ним. В одной части служили.

Она, как подброшенная пружиной, вскочила на ноги.

— Пошто сразу не сказал? У, пустоголовый! — Вздыхнула, как человек, сбросивший с плеч непосильный груз. — Ну вот, теперь и уйти можно. Семен-то где сейчас? Найдем мы его? — говоря это, она лихорадочно собирала вещи, завязывая все в большой узел. — А ты все-таки олух царя небесного, парень, хоть обижайся, хоть нет. Жены-то нет? И не будет. Бабы таких не любят. Вот мой Сема... Ну как он там? Голодает небось? Обо мне-то хоть вспоминает? Да не стой столбом, помогай! Звать тебя как? Семен называл одно имечко... Александром? Ну пошли, Александр, больше нам тут делать нечего.

У двери она обернулась, обвела прощальным взглядом свою конуру, закусила губу, чтобы не расплакаться.

РАДИОГРАММА

«Пугачеву

Сегодня, 13.12.43, в 0,47 в ваше распоряжение направлены следующие части и подразделения: 230-й Отдельный танковый батальон (командир гвардии подполковник Синицын), батарея СУ-120 (командир гвардии капитан Кравченко), один ИПТАП 210 (командир майор Быков), а также два батальона 530-го с. п. под командованием капитана Рустамова.

Основание: приказ № 171 ШТАРМа от 12.12.43

Филипченко».

РАДИОГРАММА

«Весьма срочно!

Пугачеву

Сообщаю приказание командующего армией № 089 43 от 13.12.43. В связи с крайне напряженной обстановкой на участке Лагутино — Мхи приказываю:

1) немедленно остановить продвижение немецких частей ген. Шлауберга на рубеже р. Пухоть;

2) вторично предложить противнику сложить оружие, гарантировав жизнь всем от солдата до генерала;

3) в случае отказа сдать ликвидировать окруженную группировку всеми имеющимися в вашем распоряжении средствами.

Белозеров».

Тяжелый, слышный теперь отовсюду гул нарастал, полз с севера, от реки, тянулся по земле, прижимаемый книзу ветром, и то заглушался им, то становился отчетливо ясным. Батарейцы притихли.

Нет на свете ничего тяжелее последних, перед боем, минут, когда все, что было за долгую или недолгую жизнь, превратившись в одно сияющее мгновение, в последний раз мелькнуло перед глазами и исчезло, когда душа, надев чистую рубаху, уже приготовилась в любую минуту покинуть тело, когда мысленно прощены все долги, забыты обиды и когда вчерашний недруг отдает тебе свою последнюю сигарку, а командир взвода, забывшись, называет по имени...

Что-то непонятное тоненько прокричал телефонист. Командир батареи скомандовал: «Бронебойным заряжай!» Сулаев торопливо пихнул патрон в казенник, дослал кулаком, быстро убрал руку от щелкнувшего затвора, взялся за спусковую рукоятку.

На сплошном, сером, как бетонная стена, фоне стали проявляться и исчезать размытые, почти бесформенные темные пятна. Двигались они не по земле и не по небу, а просачивались где-то между ними, медленно растаяв до размеров спичечного коробка, после чего исчезали, будто проваливались в бездну.

Телефонист передал команду «огонь».

— Огонь! — повторил торжественно Тимич, а за ним и Уткин.

— Огонь! — прохрипел наводчик Грудин.

Сулаев дернул за спусковую рукоятку.

От страшного удара в оба уха Кашин едва не упал. Пудовый патрон вывалился из его рук, кувыркнулся через станину и покатился под ноги заряжающему. Ослепленный огнем, Василий попытался ощупью найти другой, но под руки попадали только комья мерзлой глины. Плача от боли — взрывная волна особенно сильно ударила в правое ухо, — Василий случайно наткнулся на нишу, вполз в нее, съежился, стиснул руками виски... Но тут над его головой что-то разорвалось, с бруствера посыпалась земля и колотый лед. Упал, раскинув руки, заряжающий Сулаев. Кашин видел все, но не мог сдвинуться с места. Временами ему казалось, что он уже умер, убит немецким снарядом, а видеть продолжает просто так, по инерции, как только что обезглавленный петух — скакать и прыгать по двору...

А чертовы снаряды — вот они! Стоят в ящиках вдоль стенки ровика. Преодолев дикий, противный страх, Кашин на четвереньках выполз из ниши, ухватил руками медный цилиндр, прижал к груди. Снова грохнуло, но чуть потише, и Василий патрона из рук не выпустил. Дополз до орудия, сунул патрон Уткину, который теперь стоял у казенника.

— Куды тычешь? — взревел Уткин. — Не видишь, чего натворили?

На конце орудийного ствола вместо дульного тормоза появился диковинный цветок с лепестками, закрученными в обратную сторону.

— Накрылась пушка. — Уткин сложил ладони рупором, крикнул: — Первая вышла из строя!

В ровик прыгнул командир взвода, осмотрел «цветок», зачем-то заглянул в казенник.

— Сколько сделал выстрелов?

— Один.

— Позовите старшего лейтенанта, а сами — во второй расчет! Быстро!

Перевалив через бруствер, спрыгнули в соседний ровик.

— Чего к нам?

— У нас ствол разорвало. Диверсанты, должно, заклинили...

Москалев — мужик огромного роста, каждый кулак — в два кашинских, снаряды берет играючи, как сухие полнца.

— Вторррое готово!

— Трррретье готово!

— Четвертое готово!

— Ба-та-ре-я-а-а! — закричал Гречин. — Огонь!!

Сквозь снежный буран Тимич увидел три огненные вспышки: одну слева от танка, другую справа, третью как раз посередине.

— Огонь!

После третьего выстрела головная машина остановилась, остальные начали обходить ее стороной. Сейчас ударят по батарее.

Тимич вскочил с сиденья.

— Грудин, на место! Наводить по головному!

Выстрелы орудий следовали один за другим часто, но позади огневой раздались тяжелые взрывы — немцы нащупали батарею. Тимич оглянулся. Судя по звукам, бой шел по всей линии обороны 216-го полка. Гремели орудия среднего калибра — это дрались вторая и третья батареи лохматовского дивизиона, отбивалась от немцев батарея сорокапятки, впереди, ближе к Пухоти, трещали пулеметы.

Три горбатые зенитки с непривычно для них поднятыми казенниками и броневыми щитами выстроились в ряд, развернув длинные стволы с конусами дульных тормозов. И возле каждой по семь мальчишек, о которых он, Тимич, еще ничего не знает...

— Наводить по головному! — упрямо командовал Гречин.

Снова рвануло позади огневой, теперь уже совсем близко. Почему-то немцы все время опережали выстрелы орудий.

— Огонь!

Прямое попадание. Огневики издали дружный вопль. Орудие головного больше не стреляло, танк задымил.

Немцы переменили тактику: они развернулись фронтом и увеличили скорость. Стрелять по ним стало удобней, но снаряды отскакивали от лобовой брони и рвались в воздухе или зарывались в снег.

— Бить по гусеницам! — приказал Тимич.

Один из танков, желая, видимо, обойти батарею с тыла, на развороте неосторожно подставил борт. В тот же миг снаряд пробил его броню. Танк загорелся. Почти одновременно с этим Чуднову удалось разорвать гусеницу другого танка. От горевшего обратно к Пухоти

бежали танкисты. Их никто не обстреливал — пехота 216-го полка изнемогала под натиском боевых машин Шлауберга.

Метрах в трехстах от огневой загорелся еще один танк, но выстрелом другого был уничтожен весь четвертый оружейный расчет. Этим другим оказался «тигр». Чуднов вначале уцелел — он был в стороне, за бруствером — и даже как будто нацелился рвануть прочь, но передумал, пополз навстречу «тигру». Краем глаза Тимич видел, как он, держа гранату перед собой, перекинулся через развороченный бруствер, как ноги его в валенках раза два мелькнули на снегу — из артиллеристов мало кто умеет ползать по-пластунски, как выплеснул красный огонек, будто спичку зажгли, как потом по этому месту невредимо прошли гусеницы танка. Пока Носов разворачивал свое орудие, «тигр» проскочил оставшиеся метры, вполз в ровик четвертого расчета и, зацепив чудновскую пушку, поволок ее задом наперед, вдвинул в ход сообщения, перевернул, смял и как ни в чем не бывало припустил через огневую в глубь обороны. Носов дал вдогонку несколько выстрелов, но вынужден был снова развернуть пушку: пересекая поднятый гусеницами снег, перемешивая его с копотью, на батарею неслась новая волна танков.

«Только бы без пехоты!» — подумал Тимич, с беспокойством всматриваясь в снежные вихри, поднятые гусеницами. Слабой искрой мелькнул выстрел танковой пушки, потом сразу два. Совсем рядом за бруствером вспыхнуло слепящее пламя, но удар Тимич ощутил почему-то не оттуда, а сзади, в спину и в затылок одновременно и, не удержав равновесия, упал лицом вниз на утрамбованное каблуками, черное от копоти дно ровика. Москалев, думая, что командир взвода ранен, хотел оттащить его в сторону, но вместо этого навалился на него, придавив Тимичу ногу.

Снова ударила пушка, ровик заволочло дымом и глиняной пылью, на зубах захрустело. Тимич хотел подняться, но Москалев и не думал вставать. Взводный попытался свалить его на бок, но упершись ладонью в спину Москалева, почувствовал под руками липкую сырость...

Опять выстрел. Выброшенная экстрактором горячая гильза, попав фланцем в станину, отскочила со звоном и упала рядом с Тимичем и ожгла ему щеку. Сделав усилие, он слегка приподнялся. Правое бедро пронзила ост-

рая, режущая боль. «Ранен! Неужели ранен?» Увидев Уткина, он так и сказал: «Кажется, я ранен».

— Осколочные! Осколочные подавай! — орал Носов, пиная валенком чей-то торчащий возле ящика со снарядами зад.

— Почему осколочными? — хотел спросить Тимич и увидел совсем близко силуэты людей со странными, непомерно большими головами. По ним, этим уродцам, били трассы крупнокалиберных со стороны взвода Овсяникова и зенитных — слева, где стояла счетверенка, била картечью пушка Носова, а они лезли, как муравьи, на взгорок, где распаханная гусеницами вдоль и поперек, щербатая от воронок и черная от копоти, сражалась артиллерийская огневая. Вскарабкавшись на бугор, они сталкивались здесь с подоспевшими на вырубку пехотинцами и, сцепившись с ними, кучами грязных лохмотьев сваливались в ровики и ходы сообщения, заполняя их до краев, колотили, рубили, рвали зубами, хрипели, рычали и затихали, не докричав, умирали с замершей в поднятой руке саперной лопаткой или ножом. Потом крик начал слабнуть, вниз с бугра пополз обратно к реке, в то время как гул моторов и лязг гусениц уходил в другую сторону, к югу, где были тылы 216-го стрелкового полка. Прошло немного времени, и запылало в той стороне небо, красным отсветом задевая облака, понеслись ввысь малиновые искры пожарища.

— Переходы горят! — крикнул кто-то, и Тимич тоже стал кричать, но по другой причине: он боялся, что под громадным Москалевым его, маленького, могут и не заметить...

Его заметили, а может быть, услышали и перенесли в землянку.

Снова ударила пушка раз, другой, третий и принялась бить часто, всполошенно. В промежутках между выстрелами Тимич слышал голос командира батареи. Обычно стеснительный Коля Гречин сейчас громко кричал, кого-то ругал и даже матерился.

Громыхнуло над головой, со стен посыпалась глина, поднятые взрывной волной доски куда-то улетели, и Тимич увидел небо. Оказалось, что ночь уже прошла, над Пухотью занималась чумазая от дыма заря. Разрывы теперь следовали один за другим, глиняные стенки, нары, столбики вздрагивали, в воздухе плавала, не успевая осесть, душная пыль. Потом дрожание участилось, и Тимич услышал знакомое равномерное гудение дизель-

ного мотора. Стреляла пушка, кричал командир батареи, кричал Носов, а гудение становилось все громче, отчетливей. Постепенно оно заглушило все другие звуки, и Тимич понял, что танк, несмотря ни на что, все приближается и приближается к нему. Упершись рукой в краешек нар, а ногой в выступ стенки, он хотел подняться, но над неровным краем землянки показался длинный ствол орудия с обгоревшим пламегасителем, затем широкая угловатая башня и грохочущая блестящими траками гусеница. Они пронеслись над головой Тимича, обдали жаром выхлопных газов, запахом солярки, оглушили грохотом, засыпали ледяной крошкой.

Однако, пройдя совсем немного, танк неожиданно остановился. Его башня начала вращаться в обратную сторону, орудие выстрелило, но снаряд разорвался за пределами огневой — танк остановился, ткнулся передней частью в овраг, и уцелевший расчет оказался в «мертвой зоне».

— Братцы, у него горючего нет! — Глыбин первым выскочил из ровика. — Бери его голыми руками!

Пехота, артиллеристы, бронебойщики Овсяникова и даже бог весть как оказавшиеся здесь кавалеристы на низеньких мохнатых лошаденках — все устремились к «тигру». Он огрызался пулеметным огнем, стрелял из орудия, но люди его больше не боялись. Из автоматов и винтовок били по смотровым щелям, как на учении, бросали гранаты, пока у кого-то не нашлось бутылки с «горючкой». Бросив ее в моторное отделение, стояли поодаль, остывая расpalенными сердцами, смотрели, как совершается возмездие...

Лежа в землянке, Тимич слышал крики, пулеметные очереди и никак не мог понять, кто кого лупцует. Потом крики затихли. Вместо них все громче слышался шум разгоравшегося пожара. Потрескивали патроны. Потом над землянкой пронеслись солдатские ноги в обмотках.

Издали доносился рассерженный голос командира дивизиона. Кажется, Лохматов ругал кого-то за негуманное отношение к пленным... Гудели автомашины, ругались и стонали раненые. Над развороченным краем землянки показались две чумазые физиономии, из открытых ртов струился легкий белый пар.

— Этот живой, — сказал один. Второй молча кивнул, и оба на задницах съехали вниз.

— Берись за ноги! Раз, два, взяли!

С трудом они вытащили младшего лейтенанта наверх. От страшной боли Тимич потерял сознание.

Очнулся он в какой-то другой землянке, где было темно, даже жарко и густо накурено, пахло сгоревшим тротилом, подпаленными валенками и мокрыми шинелями. На нарах плотно, как поленья, лежали раненые. Те же два чумазых солдата за ноги и за руки внесли еще одного и положили на нары.

— Этот, кажись, остатный, — сказал один, садясь к печке.

— А в крайнем ровике были? — спросил женский голос.

— Это где пушка раздавленная? Э! — солдат махнул рукой и принялся раскручивать обмотку. Второй подсел рядом, снял шапку и оказался большеголовым, стриженным наголо пареньком.

Судя по погонам, кругом была пехота. Возле Тимича, прислонясь к деревянному столбику, дремала девушка-санинструктор с зажатой в кулаке трофейной сигаретой.

— Оне наших — в лепешку, а ихних так из огня ташшы? Нехай бы догорели вместе со своим «тигром», — сказал бритоголовый.

— Пленные, — сказала девушка, не открывая глаз, — не положено...

— Какие же они пленные? — закричал кто-то. — Они из танка по нас шмаляли! Вот, руку прострелили!

— Не лезь вперед всех! — заметил другой.

— Все равно не положено. — Девушка выпрямилась, отбросила в сторону сигарету. — И жечь их было не обязательно, все равно бы сдались. Взгляд ее упал на младшего лейтенанта. — Что, артиллерия, оклемался? Придут машины, отправим на законном основании. У тебя контузия?

— Я, по-видимому, легко ранен, — сказал Тимич, — так что могу остаться...

— Положено, значит, будет тебе кантовка в госпитале, — возразила девушка. — Кто махоркой угостит, мужики? — Один из сидевших протянул ей кисет, девушка умело свернула сигарку, прикурила от трофейной зажигалки. — Кабы не мы, эсэсы бы вам кишки выпустили. Лагутин, пойдн глянь, не пришли ли машины, а то легкораненые насыдут, тяжелых не запихнешь...

Хозяин кисета вышел.

— А ваши тоже здесь? — спросила санинструктор, показав на нары.

— Не знаю, — ответил Тимич, — наверное.

— Отправим всех! — Она засмеялась, оглядывая его перепачканное землей лицо. — Недавно на передке? Оно и видно. Куда ранило? Смотрел кто или нет? Чего молчишь? Своих-то я всех осмотрела. А ну, скидывай штаны! Да не красней, не девочка! — она ловко, не дожидаясь, когда он это сделает сам, расстегнула ремень, пуговицы на брюках, развязала тесемки кальсон и принялась мять бедро сильными пальцами. — Про ранение кто сказал? Нет у тебя никакого ранения. Похоже, перелом бедра. Также не сахар. Полгода как пить дать проваляешься.

— Неужели?

Она кивнула, шлепнула его по мягкому месту.

— Да ты вроде еще не навоевался! Ну даешь!..

— Вот ты где, Морева! — В землянку протиснулся старший сержант с автоматом на груди и противотанковой гранатой, оттягивающей ремень до паха. — А вы чего расселись? А ну, быстро в роту!

Солдаты по одному стали выходить из землянки.

— Капитан с ног сбился, тебя ищет, — сказал сержант. Девушка тряхнула короткими кудрями.

— Пусть ищет, умней будет, а то давеча опять орал, пистолетом грозился...

— Не лезь под горячую руку, ты его знаешь. Танки прут, а ты со своими ранеными... — Он неприязненно покосился на Тимича. — Тебя к артиллерии насовсем прикомандировали или как?

— А ты не видел, чего творилось? Хорошо, наша рота подросла, а то бы всех перекрошили.

— Ну рота — ладно. А ты чего? Сделала дело и давай к своим.

— У них санинструктора убило.

— Найдут без тебя. Капитан, знаешь, как переживает...

— Нужны вы мне со своим капитаном! — Она резко встала, надела шапку, поправила ремень санитарной сумки. — Вот захочу и насовсем у них останусь! А что, лично приказ командира полка — не хочешь? Чего глядишь? Может, мне здесь нравится!

Старший сержант посмотрел в сторону Тимича.

— Да это ж салаги. Молоко на губах не обсохло.

— Ну и что? Может, мне ваши матюки слушать на-

доело, с культурными людьми хочу побыть! — Она в самом деле метнула на Тимича взгляд, полный жгучего интереса. — Ладно, иди уж, верста коломенская!

Они вышли вместе. Рядом с Тимичем кто-то стонал и просил пить. По развалившимся глиняным ступеням скатился Гречин, долго осматривался, пока разглядел Тимича.

— Ты тут! А я, понимаешь, людей послал землянку раскапывать. Думал, тебя засыпало...

— Пехотинцы перенесли. Николай, тут у них такая девушка....

— Перевязку сделали?

— Да черт с ней, с перевязкой, ты слушай сюда...

— Наши недалеко, в землянке взвода управления, лежат. От батареи человек десять боеспособных осталось. Вот, Жорка, что такое война. Болит у тебя?

— Перелом. Говорят, хуже ранения.

— В госпитале отоспишься, отъешь ряшку. Может, еще и женишься. Да, чего ты тут насчет какой-то девушки...

— Ничего. Что там на огневой? Отбились мы? Чего ты молчишь? Если тихо, значит, отбились. А бой-то идет! Я ведь слышу. Только не пойму где...

В землянке стоял полумрак, и Тимич никак не мог разглядеть выражение лица комбата.

— Понимаешь, Жора, — сказал наконец тот, — пехотинцы, конечно, молодцы, классно сработали... Танков в данный момент на нашем участке тоже нет... — Он вдруг повернулся и сам приблизил свое лицо к Тимичу: — В тылу стреляют! В нашем тылу орудия бьют! А связь не работает, все кабели гусеницами порвали, не могу связаться с дивизионом. Бойцы говорят, будто батареи Самойленко и Левакова раскатали по бревнышку! Теперь вот в тылах неизвестно что. Может, откуда-нибудь со стороны ударили?

Оба с минуту прислушивались к канонаде.

— Коля, прикажи поднять меня наверх, — попросил Тимич.

— Не валяй дурака.

Гречин быстро ушел. Тимич откинулся на спину, прикрыл рукой глаза. Толкая друг друга, в землянку ввалились раскрасневшиеся от мороза Носов, Уткин, Грудин, Кашин и Моисеев, наперебой занимали места возле печки.

— Кашин, чтоб печка была в порядке, не то наш взводный дуба даст.

Кашин — все, что касалось еды или тепла, он выполнял проворно — выскочил наружу и через минуту вернулся с патроном под мышкой. Тут же, на глазах у Тимича, треснули гильзой о деревянный столбик, достали миткалевый мешочек с порохом и принялись совать в печку длинные желтые макароны.

— Матчасть приведите в порядок! — недовольно произнес Тимич. Пока что он здесь был командиром...

Все промолчали.

— А у Кашина морда в крови! — грустно заметил Моисеев. Кое-кто нехотя повернулся.

— Из уха текет, — определил Гусев, — обыкновенное дело. Рот надо раскрывать, когда стреляют!

И опять замолчали, сонно глядя на огонь. Только Моисеев сидел бледный, как давеча, когда убило Сулаева, пускал слюни. Его опять тошнило.

Осаживая на полном скаку, подъехал верхом командир дивизиона, соскочил с лошади, согнувшись, втиснулся в землянку.

— Загораем? Ничего сидите.

Свои и чужие потеснились, уступая ему местечко возле тепла, но он не сел, стоя шарил глазами по нарам, заваленным ранеными. Вернулся Гречин, доложил обстановку. Личный состав, по его словам, приводил в порядок материальную часть...

— А сколько у тебя орудий осталось? — спросил с надеждой Лохматов.

— Одно, — ответил Гречин. — Да еще у одного хотим ствол опилить. Может, что и получится.

Помолчали. В свете потухающих огней и без того красное лицо Лохматова казалось багровым.

Отогревшись, семеро оставшихся в живых артиллеристов ушли пилить ствол пушки. Лохматов присел на скамью.

— Скверное дело, мужики. Немцы прорвались.

— Как?! — воскликнули оба лейтенанта.

— Вот так! Прорвались, и все. Не так много, правда, но у нас в тылу и того нет. Солдатам об этом знать не обязательно, а вам говорю.

Гречин свистнул.

— Так вот откуда гром!

— Да, оттуда. Громят тылы. Возможно, штаб диви-

зии. Я пытался связаться с полком — бесполезно. Гусеницами все линии порвали.

— Как же все это случилось, товарищ капитан? — спросил Тимич.

— Как случилось? — Лохматов крепко потер переносицу, будто хотел снять многодневную усталость, но не снял, не сумел снять, долго шарил по карманам — искал папиросы. Он думал о тех, кому обязан был, видимо, рассказать сейчас о том, что произошло час назад на второй батарее. Очень скоро они узнают об этом сами, но узнают скорей всего не так, как было на самом деле — Самойленко любой комиссии докажет, что был прав, открыв стрельбу без приказа, и тогда комиссия сделает вывод... Почему же ему, капитану Лохматову, презиравшему мнение других, стало вдруг небезразлично, что о нем думают эти два молодых человека, почти мальчики, совершающие в военном деле лишь первые самостоятельные шаги? На этот вопрос он пока что не мог ответить и самому себе. Просто что-то случилось с ним, старым холостяком, полгода назад ясным летним днем. Удивительно, но именно сейчас он особенно отчетливо вспомнил приезд этих парней в свой, тогда еще зенитный артдивизион, охранявший железнодорожный мост через Пухоть. Лейтенантов было трое — худенькие молодые люди в щеголеватых фуражках с фантастически высокими тульями, тесными для их спортивных плеч кителями и одинаковыми, купленными в одном военторге желтыми клеенчатыми чемоданами в руках. Оповещенный по телефону об их прибытии, Лохматов заметил лейтенантов издали и долго рассматривал их в бинокль. Свернув с дороги, они шли напрямик через некошенный луг и собирали ромашки. После, на батарее, Лохматов у них ромашек не заметил — скорей всего, растерявшись при виде женского общества, они выбросили цветы, а вот то, что перед самой батареей они начищали сапоги рукавами новых кителей, заметил, но промолчал....

Старшим по званию среди них был Гречин, но самым привлекательным все-таки Андрей Гончаров. Для товарищей потому, что был развит, начитан, умен, инициативен, для баб потому, что был просто чертовски красив.... Через месяц Лохматов рассчитывал дать ему батарею взамен никудышного Самойленко, но ровно через неделю после прихода лейтенантов дивизион из зенитного был превращен в полевой, женщины в сроч-

ном порядке рассортированы по постам ВНОС, и на батарее начали прибывать мужчины.

Нелепая смерть Андрея потрясла Лохматова, повидавшего всякого на своем веку. Андрей... Капитан, как сейчас, видел его вьющиеся, вероятно, очень мягкие на ощупь волосы, тонкие орлиные брови и большие серые глаза, которые он для солидности всегда немного прищуривал. А эта его такая чистая, как родник, и короткая, как майская ночь, любовь к санинструктору Рогозиной! Конечно, как командир, Лохматов обязан был прервать эту связь, но почему-то не сделал этого. Почему? Может быть, именно потому, что она была по-настоящему чистой, а ему, бывшему беспризорнику, не часто случалось видеть любовь двух людей, не замутненную человеческими слабостями. Наверное, он из-за этого тогда не помешал им. Скорей всего тогда в нем впервые проснулось чувство, несовместимое с профессией военного, — жалость...

— Как же все это случилось? — повторил Гречин. Лохматов опомнился, смял давно потухшую папиросу. Как случилось... Ему не надо было напрягать память — он помнил этот последний бой до мелочей. Просто сейчас он еще раз, чтобы не сказать неправды, проследивал все с самого начала, с первых залпов его батарей до последних, в хвост уходящим танкам, торопливых и беспорядочных, как будто артиллеристы дивизиона, поняв, какая беда грозит их командиру, старались напоследок хоть частично отвести от него гнев начальства...

Танки появились минут через десять после начала немецкой артподготовки — ураганного огня, начисто выбившего всякую связь дивизиона с полком и батареей друг с другом. Шесть средних танков на небольшой скорости двигались наискосок от берега вдоль линии обороны. Решив, что это и есть начало, командир второй батареи Самойленко самостоятельно открыл огонь. Его друг и однокашник, командир третьей Леваков постарался от него не отстать. Минут пять обе батареи соревновались в количестве выпущенных снарядов и действительно подбили два танка из шести. Остальные, выполнив свою задачу, ушли обратно.

Ожидая, когда связисты протянут новую нитку, Лохматов в стереотрубу наблюдал за левым берегом и минут через двадцать безошибочно определил начало общего наступления. В это время наладили связь. Испуганный Самойленко доложил, что в направлении его

батареи двигается больше десяти танков. Памятуя недавний разнос, старший лейтенант спрашивал, как ему теперь поступить... На этот раз у Лохматова не хватило времени даже на матюки. Вырвав из рук ординарца повод, он вскочил на лошадь и под огнем поскакал на вторую батарею. Леваков, которому от начальства досталось меньше, уже вел бой; через минуту-две открыл огонь и Самойленко, но решающий момент был утерян: немцы, теперь точно знающие расположение наших огневых точек, били по ним из тяжелых орудий с того берега, в то время как танки неслись по прямой, укутанные снежными вихрями и дымовой завесой, оставленной танковой разведкой.

Между второй и третьей батареями простиралась болотистая пойма — безымянная речка уходила своими истоками на юго-запад. Однако не сразу стало ясно, что именно сюда, к этой речке, стремятся танковые подразделения Шлауберга. Чем ближе они подходили, тем ожесточеннее становился артобстрел с того берега. Частые разрывы снова нарушили связь — командир дивизиона не мог больше связаться ни с Леваковым, ни с Гречиным, ни со штабом полка. Только пэтээровцы — всего два отделения — вовремя открыли огонь и вели его, пока не погибли под гусеницами танков. Леваков и Лохматов, командовавший теперь второй батареей, не были в войне новичками, и скоро на поле начали появляться подбитые танки и самоходки, но оставшиеся были с короткого расстояния осколочными, и людей на батареях значительно убавилось.

А потом произошло самое страшное. Немецкие танки устремились к устью речки и, втянувшись в него, пошли петлять по ее извивам между узкими и высокими берегами...

Через несколько минут загорелись Переходы.

— Вот и все, мальчики, — устало сказал капитан, в забывчивости шаря пальцами в пустой пачке. — Прорвались как раз между двух батарей. Расстояние хорошее, а стрелять нельзя, в своих попадешь...

В землянке воцарилось молчание.

— Что же теперь будет, товарищ капитан? — тихо спросил Тимич.

— Что будет? — Лохматов странно засмеялся, хотя глаза его оставались мертвыми. — А ничего не будет. Все кончено. — Сгорбившись, он пошел к выходу, но возле него задержался еще на секунду. — Мою

ошибку, мальчишки, вы непременно когда-нибудь повторите. Мне кажется, и у вас, рано или поздно, проснется жалость к ближнему. Она всегда приходит не вовремя...

Он ушел, лейтенанты недоуменно смотрели ему вслед.

— В том месте, — задумчиво сказал Тимич, — артиллерийские батареи иначе не поставишь...

— Чепуха! — запальчиво крикнул Гречин. — Я бы на его месте...

— Молчи, Колька! Мы и на своем-то обделались!

— Товарищ старший лейтенант, порядок! — перевесившись вниз, крикнул Уткин. — Отпилили. Теперь и мое к бою готово.

Гречин поспешил наверх. В землянке появились какие-то дядьки с усами — четверо пожилых солдат, и все с усами — и принялись выносить тяжелораненых. Легкораненых тут же как ветром сдуло. У печки осталось только трое, но и они, подобрав вещмешки и закрутив обмотки, заковыляли к выходу.

— А тебя, милоч, вдругорядь заберут, — сказал напоследок один из санитаров, прикуривая от уголька, — а покуда своих девать некуда.

Наверху гудела автомашина, кричали и матерились раненые, кричала девушка-санструктор. Потом пришли Кашин с Моисеевым, молча подхватили младшего лейтенанта на руки, вынесли наверх. Солдаты сдвинули вместе снарядные ящики, положили на них Тимича, набросали сверху полущубков — лежи, младшенький, не замерзай.

Слева, подсвечивая небо малиновыми всплесками, догорали Переходы. Канонада слышалась теперь за ними — мощная, она не была похожа на немецкую, ожесточенно-испуганную, а ровными, уверенными басами перекатывалась по равнине с одного ее края до другого. Ее слушали затаив дыхание.

— Хлопцы, — сказал Уткин, — а ведь это наши жмут!

— Наши-и-и! Урра-а-а!

— Давай, ребята, круши фрицев!

Орали, бросали вверх шапки.

— Товарищ младший лейтенант, конец группировке!

Из-за реки еще стреляли — над батареей с шорохом проносились тяжелые снаряды, рвались в поле. Иногда угадывали на огневую, и тогда вверх летели бесформенные клочья тел, каски, которых почему-то

оказалось здесь слишком много, поясные ремни, котелки. Из-за лесочка, что стеной стоял позади батареи, как-то незаметно выметнулись тридцатьчетверки, пронеслись мимо батареи, давя и разбрасывая гусеницами окоченевшие трупы; на бреющем полете над освещенной равниной пролетели штурмовики. Оставшийся в живых расчет салютовал им из карабинов.

Ремонтировать оружейные ровики никому не пришлось в голову — все равно скоро дальше, на запад, догонять фронт. Кое-как подправили крышу, просто чтоб не дуло, забрались в землянку второго расчета. После долгих препирательств вытолкали Кашина за топливом. О младшем лейтенанте как-то забыли. Он тоже не торопился напоминать о себе. Почему-то, несмотря на боль, приятно было лежать в одиночестве, слушать, как за рекой грохочут взрывы.

Досасывая чинарик и задевая за все углы плечами, локтями, прикладом карабина и противогазом, землянку сказочно медленно покинул Мойсеев, взобрался на крышу и, встав над трубой, стал дожидаться, когда пойдет большой дым.

Не прошло и минуты, как от четвертого расчета Кашин с грохотом поволок пустой снарядный ящик. Кавалеристы на низеньких мохнатых лошадках гнали от Пухоти толпу пленных, пахло тротилом, паленым тряпьем и развороченной свежей землей.

Из-за Ровлянского лесного массива огромным медным подносом выкатилось солнце, от дыма казавшееся багровым сверху, а снизу темно-вишневым.

Из остановившегося недалеко «виллиса» вышли пять офицеров и девушка-корреспондент в белом меховом полушубке, белой кроличьей шапке и тоже белых аккуратных валенках. На груди ее висел фотоаппарат, на боку — обыкновенная офицерская планшетка. Офицеры замешкались возле машины, девушка направилась прямо на огневую.

— Стой, стрелять буду! — в восторге заорал Мойсеев.

Один из офицеров махнул рукой: пропустите. Девушка подошла к оружейному ровику, поднялась на бруствер, сняла общим планом огневую, потом — крупно — кургузую пушку с отпиленным стволом, рассып пустых снарядных гильз, затем убитых немцев, сожженный танк, зачем-то немецкую каску, саперную лопатку, брошенный впопыхах «шмайссер». Закончив ра-

боту, поискала глазами и вдруг прицелилась объективом в Моисеева. Тот выплюнул сигарку, приосанился — грудь колесом, винтовка наперевес, — но в последний момент его заслонил своей фигурой Уткин. Однако и Уткину не пришлось попозировать в одиночестве: из землянки, толкая друг друга, повалили огневики. Фотограф на передовой еще бóльшая редкость, чем такая вот розовощекая, расхорошенькая женщина... Она добросовестно шелкала всех и улыбалась своей удивительной, смущенной улыбкой. Уж кто-кто, а она чувствовала себя счастливой: впервые сняла настоящее поле боя с подбитыми танками, воронками от снарядов, разбитыми самоходками и чумазыми, удивительно молодыми артиллеристами, о которых начальник штаба полка сказал, что они герои...

Впрочем, сюда она приехала не только ради этих снимков. Будет еще очерк...

— Скажите, где я могу увидеть разведчика... — она мельком глянула в блокнотик, — сержанта Стрекалова?

По-журавлиному переставляя ноги в ладно сшитых хромовых сапогах, подошел начальник штаба, за ним, придерживая рукой болтающуюся планшетку, попевал командир батареи Гречин. Увидев начальство, Уткин отступил к орудию, где уже раньше собрался весь расчет.

— Мне нужен Стрекалов, — сказала корреспондент, — у меня очерк должен пойти в следующем номере...

Покровский не ответил — то ли не расслышал, то ли сделал вид, что это к нему не относится, — смотрел куда-то неопределенно-далеко, за реку, наверное, где все еще гремели орудийные раскаты.

Корреспондент обиженно пожала плечами.

Сделав свое дело, из-за реки не спеша возвращались тридцатьчетверки, в лесу сухо потрескивали выстрелы, рвались мины — это, обезвреживая их, развлекалась пехота, на опушке, где, по слухам, не так давно убили какого-то лейтенанта вместе с возлюбленной, плясали под гармошку, по полю бродили, перекликаясь, санитары — искали раненых, человек десять молодых солдат углубляли воронку — сооружали братскую могилу. Совсем близко, почти у ровика, на сдвинутых вместе снарядных ящиках лежал кто-то живой, накрытый ворохом шинелей, и смотрел на корреспондента без

улыбки, строгими, запавшими далеко вглубь глазами.

Потом выстрелы за рекой прекратились. Над при- тихшим миром вставало утро. В самой высокой части единственного здесь высокого холма, который почему-то прозвали Убойным, слабо дымило.

СПЕЦДОНЕСЕНИЕ РАЗВЕДКИ

«Совершенно секретно!»

*Пугачеву
Чернову*

При сдаче в плен подразделений Шлауберга необходимо выявить и обезвредить как можно больше воен- нослужащих спецподразделения под кодовым названи- ем Ф-2Е (или ФКЕ-2), официально выполнявшего функции разведки. Как стало известно, весь состав ФКЕ, включая унтер-офицеров и рядовых, состоит из кадровых разведчиков, прошедших спецподготовку для борьбы в особых условиях (окружении), а также в глу- боком тылу советских войск. Выход этих лиц из окру- жения, минуя наши коллекторы, недопустим. Никаких особых знаков различия у служащих ФКЕ нет! Выявить их возможно посредством опроса других военноплен- ных (не эсэсовцев), а также добровольно перешедших на нашу сторону солдат и антифашистов. Для более бы- строго и точного выявления главарей ФКЕ высылаем словесные портреты двоих:

1) Оберштурмфюрер Хаммер, начальник контрразведки группы Шлауберга, в прошлом командир 142-го авиаде- сантного полка люфтваффе, возраст 39 лет, рост около 190 см, атлетического телосложения, черноволос, глаза карие, нос имеет вмятину (перелом) ниже середины, нижняя челюсть выдается вперед, уши вытянутые в длину, плотно прижаты. На теле имеются зажившие рубцы (раны): в области левого соска, на правом бед- ре. Владеет всеми видами личного боевого оружия. При аресте опасен.

2) Штурмфюрер Эрих Книттлер, командир особого от- ряда СД, 27 лет, блондин, роста выше среднего, спор- тивного сложения, глаза голубые (или светло-серые), нос с горбинкой, лоб высокий, узкий, подбородок округ- лой формы, уши средних размеров, правильные. Владе-

ет всеми видами оружия, неоднократно участвовал в рейдах по советским тылам, диверсиях. За особые заслуги перед вермахтом награжден Железным крестом 2-й степени с мечами. Особые приметы: большая родинка коричневого цвета на левой скуле возле уха. Свободно говорит по-русски, по-украински — с легким акцентом.

Примечание: словесные портреты остальных военных преступников будем высылать по мере их поступления.

Фролов».

Грохот артиллерийской стрельбы, начавшийся ночью, был вначале слабым, как бы ленивым, но к рассвету набрал силу. Для Стрекалова это была небесная музыка, для Глафиры — новые страхи. Она то и дело бросала тревожные взгляды на темное окно.

Выйдя из дома, мужчина и женщина спустились по тропинке к ручью, перешли его и уже стали подниматься по косогору, чтобы обойти деревню кругом, когда сзади послышался перестук моторов.

— Обождем, — сказала Глафира, привычно опускаясь на корточки. Сколько раз приходилось ей вот так затаиваться, хоронясь от немецкого патруля, автомашины с солдатами, колонны.

Стрекалов тоже лег, но не на живот, а на спину и, зажмурясь, спокойно переживал последнее препятствие на его пути к своим, стараясь не думать обо всем, чем жил эти последние дни и ночи.

Когда треск мотоциклов достиг наивысшей силы, Глафира сказала:

— Надо же, явились — не запылились!

— Кто явился? — не открывая глаз, спросил Стрекалов.

— Да эти... оборотни чертовы. Вот уж кому не пропасть!

Сержант нехотя перекатился на бок, глянул на дорогу. Опять три мотоцикла, а на них уже знакомые ему люди в полущубках со «шмайссерами», на головном — тот же водитель, крупный немец, а в коляске — штурмфюрер в летней фуражке с высокой тульей...

Еще не веря своим глазам, Сашка дернул затвор ав-

томата, но головной мотоцикл уже скрылся за углом деревенского дома.

— Очумел, что ли? — накинулась Глафира. — Али жить надоело? Батюшки, да что это с тобой?

Бледный как смерть разведчик смотрел куда-то мимо нее огромными — по полтиннику — глазами, потом перешагнул через лежащую в снегу Глафиру и двинулся к деревне. Женщина догнала его, заставила остановиться.

— Сумасшедший! Ты чего это удумал? Нужны они тебе, голодранцы эти? Сам говорил, скоро от них мокрое место останется...

Он перевел на нее сумасшедший взгляд, вздохнул как во сне:

— Мне один нужен! Возьму его — вернусь в часть, уйдет — нет мне туда дороги...

— Господи, да что это за напасть такая? Который хоть? Все они, прости за грубое слово....

— Тот, который в фуражке.

— Эрик?! — вскрикнув, она зажала рот ладошкой, но было поздно: разведчик взял ее за плечо.

— Знакомый, что ли? Тогда выкладывай начистоту.

Она поняла, что молчать рискованно. Корчась под его чужим, сверлящим взглядом, проговорила:

— Да его тут все знают...

— Кто все? — Стрекалов говорил медленно, словно цедя сквозь зубы каждое слово, глаза его горели, а пальцы сжимались все сильнее. Глафире было страшно за себя и отчего-то жаль этого длинного, нескладного парня.

— Да наши, деревенские. Ты думал, в деревне никого? Как бы не так. Сперва-то, как немцы пришли, разбежались. А после вернулись. Куды с ребятишками денесси? Так и живут. Кругом немец все попалил, а наши Олуши не тронул.

— Это почему же?

— Скажу. Только ты плечо-то не тискай, больно...

Он убрал руку.

— Соврешь — пеняй на себя.

— А чего мне врать? Это все он, Эрик. Тут у них вроде отдыха. Отдыхают после налетов. Пьют, едят... У Эрика и баба есть. Наша, олушинская, Лизавета Кружалова. Третий дом еенный отсюда... Скотину, какая была, всю приели, зерно, картошку — все подчистую. Теперь и сеять нечего. Ну да что там! У других еще

хуже... Ты округ-то деревни видел? Все спалил. А наши Олуши хоть стоят...

— Вот что, Глафира, мне этого вашего Эрика пови-
дать надо!

Теперь — непонятное дело — он был почти весел. Глафира с мольбой смотрела ему в светлые, с белыми ресницами, глаза:

— Обещал ведь, Александр!

— Обещалась свинья дерьма не есть — бежит, а их два лежит...

— Об себе думаешь, а на меня наплевать, да? — Она озябла, стоя по колено в снегу в худых валенках, губы ее посинели, нос заострился. — Уважь, солдатик, пойдем к моему Семену. Одной мне его не найти.

— Семен твой... В общем, никуда он не денется теперь, а этот гусь свободно может смыться.

— Господи, что за жизнь! — Она нагнулась за своим узлом, но тут же выпрямилась. — Да вот же они! Обратно никак едут...

От деревни к лесу ехали два мотоцикла. Стрекалов лег в снег, оттянул затвор «шмайссера», Глафира, подхватив узел, кинулась вниз по косогору.

Однако два мотоцикла проехали, а третий не появился. Сашка подождал немного, поднялся.

— Видно, не миновать мне к нему в гости идти. А ты ступай, — сказал он подошедшей женщине, — дорогу знаешь, чего еще! Я, как управляюсь, сам приду... Который, говоришь, дом? Третий? Ну ладно, иди, нечего тут тебе смотреть...

Она не спускала с него глаз, словно запоминая еще недавно незнакомые, а теперь с каждой минутой становившиеся все более дорогими черты.

— Хороший ты... — Она хотела, как видно, поцеловать его, но вместо этого только слегка коснулась пальцами коросты на его щеке. — Болит?

— Ладно, прощай.

Она испуганно вскрикнула.

— Не говори так! До свиданья, Александр...

Он поправил автомат и пошел к деревне. Она ждала, что он оглянется, может, махнет рукой, но он не оглянулся.

Помедлив, она пошла, неся на спине большой узел, однако идти с такой ношей по снежной целине было трудно, она выбилась из сил и остановилась. Деревня осталась далеко позади, за грядой кустарников и мо-

лодого сосняка, издали были видны только верхушки старых лип, что не одну сотню лет росли вдоль околицы, да две скирды соломы, верно, брошенные хозяином за ненадобностью, прилепились к гряде ольховника. В той стороне, куда шла теперь Глафира, громыхало по-прежнему беспрестанно и страшно, только на юру, среди поля, это грохотанье казалось ближе, чем раньше.

Присев на узел, Глафира сняла варежку, поддела немного пушистого колкого снега, лизнула...

И услышала позади, в деревне, длинную автоматную очередь. Потом другую, третью — совсем короткие. Потрявоженные выстрелами, суматошно залились собаки. Гремели орудия за рекой.

Между тем небо на востоке из розового превратилось в оранжевое, огненные столбы взметнулись над лесом, предвещая мороз и скорый восход солнца.

Тоскливый женский крик «а-а-а» долетел от деревни, наткнулся на ельник, возле которого сидела Глафира, забился в хвое, как птица в силке, и затих.

Именно этот крик, а не стрельба заставили Глафиру очнуться. Там, за сугробами, в километре от нее могло произойти нечто страшное, непоправимое, в то время как она сама была далеко от этого места и ничем, абсолютно ничем не помешала тому, что могло свершиться или уже свершилось.

Схватив узел, она кинулась напрямик к деревне, забыв, что всего в полусотне метров есть хорошо накапанный зимник.

Позади огородов снег как будто был глубже — Глафира сперва оставила узел, потом сняла полушубок, затем развязала полушалоки... Однако чем ближе становилась деревня, тем медленней делались шаги женщины, тем сильнее и тревожнее билось ее сердце.

Возле пятистенка с крашенными охрой резными наличниками стоял немецкий мотоцикл.

Шатаясь, Глафира дошла до поленницы и ухватилась за гладкий, отполированный до блеска за долгие годы колышек.

Снова тот же голос, но уже где-то далеко за околицей повторил свое тоскливое «а-а-а», и собаки, перестав лаять, дружно завyli.

Ноги больше не держали Глафиру. Она сползла вниз, на снег, на гладкие пахучие сосновые щепы...

Ей казалось, что на этих пахучих щепках она просидела очень долго. Из оцепенения ее вывел гром пустого

ведра в сенях. Ожидая увидеть знакомую фуражку Эрика, она подняла голову. В дверях, прислонясь плечом к косяку, опустив правую, сжимавшую автомат руку, стоял Сашка.

— Зацепил, гад! Помоги, Глаша, — устало сказал он.

Глафира кинулась к крыльцу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая. Над Пухотью	3
Глава вторая. Назначение	31
Глава третья. Этого не знает никто	63
Глава четвертая. Поединок	89
Глава пятая. Прорыв	143

ИБ № 4268

Александр Викторович Коноплин

ПОЕДИНОК НАД ПУХОТЬЮ

Редактор **Л. Крохалев**

Художник **М. Лисогорский**

Художественный редактор **Б. Федотов**

Технический редактор **Г. Прохорова**

Корректоры **В. Авдеева, Е. Дмитриева**

Сдано в набор 12.10.84. Подписано в печать 19.02.85. А02152.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура
«Литературная». Печать высокая. Услови. печ. л. 10,08. Усл.
кр.-отт. 10,5. Учетно-изд. л. 10,6. Тираж 100 000 экз. Цена 70 коп.
Заказ 1632.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типогра-
фии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

Александр Викторович Коноплин — член Союза писателей СССР. Он — участник Великой Отечественной войны. После демобилизации работал на стройках в Сибири, был лесорубом, сплавщиком леса, коногоном, объездчиком лошадей, затем — артистом драматического театра, корреспондентом студии телевидения, редактором книжного издательства.

Первая книга рассказов писателя вышла в 1960 году в Верхне-Волжском издательстве, а в 1968 году там же — роман «Время дождей». В 1979 году издательство «Современник» выпустило его книгу «Сердце солдата» — сборник рассказов и повестей, одна из которых была положена в основу телевизионного фильма.

В разное время А. Коноплин публиковал рассказы и повести в журналах «Работница», «Крестьянка», «Волжский причал», «Стрежень», «Волжские паруса», альманахе «Подвиг» издательства «Молодая гвардия».

Большая часть произведений А. Коноплина — о войне. Попав на фронт семнадцатилетним парнем, он потом через всю жизнь пронес память о войнах-однополчанам, уважение к ратному подвигу советского народа.